

ХРАНИТЕЛИ ГРАВДЯ

Е.И. Майорова

ХРАНИТЕЛИ ГРАВДЯ

КАТАРЫ И АЛЬБИГОЙЦЫ

HISTORY
FILES

Е.И. Майорова

Хранители Грааля

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
М14

Майорова, Е.И.

М14 Хранители Грааля / Е.И. Майорова — М. : Вече, 2013. — 288 с. — (History files).

ISBN 978-5-4444-1234-3

Знак информационной продукции 12+

Священный Грааль — олицетворение чего-то возвышенного, непостижимого, мистическим образом связанного со страданиями и успением Христа... Вся атмосфера Прованса пропитана преданиями об этой волшебной реликвии. Святой Грааль — чудесная чаша с Христовой кровью, философский камень, эликсир бессмертия, нечто, овеянное мистическим ореолом легенд, — самый известный символ высокого Средневековья. За ним отправлялись на край земли, ради него совершали подвиги, за него отдавали жизнь. Таинственные Хранители Грааля — катары, «чистые», отрешившись от мирской тщеты, самоотверженно служили святыне.

Иерархи католической церкви желали овладеть священным предметом, чтобы стать всемогущими. Они организовали кровавый крестовый поход против Грааля. Его верные Хранители невольно оказались вовлеченными в роковой круг, где гибли люди, горели костры, рушились замки, менялись границы государств.

Чем же закончилась битва за Грааль?

Об этом рассказывается в новой книге Е.И. Майоровой «Хранители Грааля».

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4444-1234-3

© Майорова Е.И., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

ОТ АВТОРА

Южная Франция стала известна большинству россиян благодаря не только Французской Ривьере — символу красивой жизни, Ницце с ее весенними карнавалами, облаками цветущей мимозы, прекрасным климатом и битвами цветов, Каннским кинофестивалем, набережной Круазетт, фабрикой духов в Грасе, но даже в большей степени модной попсовой песенке «Прованс». Ее героиня предвкушает, как будет в уютном маленьком кафе с плетеной мебелью пить «красное вино из местных погребов больших шато», любуясь при этом «бордовым горизонтом».

Прованс отпечатался в массовом сознании как рай для гурманов: обилие фруктов, реки вин, сытная изысканная кухня. В России несть числа кафе и ресторанам «Ля Прованс», считается, что там замечательно готовят. Количество туристов, желающих посетить Прованс, с каждым годом увеличивается. Но, уезжая за «красивой жизнью» и аппетитной кухней, они душой попадают под властное очарование этих благодатных краев.

Дороги Франции до колдовства хороши летом. На запад от Прованса «еще немного» — и восхитительный, таинственный край Лангедок, простирающийся от долины Роны до пиренейского хребта. Величественная Тулуза, древние

Каркассон и Альби, Ним с его громадным, совсем римским амфитеатром, построенным императором Августом. Лавандово-лиловые просторы полей, горделивые средневековые замки. Изумрудные шеренги виноградников, бегущие по волнистым косогорам. Ярко-зеленые равнины болотистого Камарга, над которыми розовыми свечками стоят фламинго. Белые паруса на аквамаринном атласе моря. Черно-бархатные ночи с сочными звездами. Все это не раз вспомнится бесконечной суровой русской зимой с ностальгической печалью о милой Франции.

На благодатной земле Прованса в XVI в. родился и жил великий провидец и предсказатель Мишель Нострадамус. Он вел свою родословную от еврейского племени Иссахара, о котором в книге Иеремии говорится: «Из сынов Иссахаровых пришли люди разумные». Нострадамус получил образование в университете Авиньона, продолжил его на медицинском факультете крупнейшего во Франции университета в Монпелье. Он создал косметологию как науку («Трактат о красоте лица»), усовершенствовал расположение букв для печатного станка (они и сейчас «пострадамовски» расположены на клавиатуре компьютеров), придумал цвета мастей карт Таро — ранее они были тусклыми и бесцветными, — которые используются во всем мире до наших дней. Его предрасположенность к языкам снискала ему репутацию человека необыкновенного, его успехи в медицине потрясали воображение современников.

Однако славу в веках принесло ему постижение тайны небесной науки астрологии. Великий оккультист, чародей и предсказатель Нострадамус свел воедино потаенные астрологические закономерности и магию чисел. Он был подвержен эпилепсии и галлюцинациям, но эти недуги подарили ему сверхъестественную способность прорицатель-

ства. Самые точные и известные откровения явились ему после сильнейших припадков. Его «Центурии» — десять циклов стихотворных предсказаний¹ — включали каждая по сто четверостиший-катренов. Рифмованные пророчества, составленные туманно и иносказательно, загадочным образом сбывались. Нострадамус предсказал Варфоломеевскую ночь, гибель на турнире короля Генриха II, казнь Людовика XVI, царствование Наполеона², Февральскую революцию 1917 г. в России... Он предрек возвышение «желтой расы», захват Европы мусульманами и, наконец, Апокалипсис 7000 г.

Неудивительно, что этот необыкновенный человек появился на космополитичном, вольнодумном юге Франции.

А ведь тысячу лет назад эта страна Францией отнюдь не была и называлась Романьей, или Окситанией³.

Сначала эти благодатные края — горы, море, много солнца, — населенные мирными племенами вольсков, процвели. Вольски не сумели противостоять римлянам, которых сменили вестготы, последних — сарацины. В 732 г. майордом франков Карл Мартелл разгромил предводителя мавров Абд ар-Рахмана в битве при Пуатье и вошел в историю как спаситель Европы от нашествия мусульман. Франки Карла Великого передвинули границу с сарацинами на юг Каталонии. После смерти Карла его империя распалась, и Юг обрел самостоятельность.

¹ Впоследствии их стало двенадцать.

² Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник, в безуспешной войне!

³ После присоединения к Франции она стала называться Лангедоком.

В 1050 г. Тулуза, Барселона, Нарбонн, Безье, Каркассон, Ним, Авиньон, Арль, Марсель и Ницца являлись практически независимыми республиками. В каждом городе имелся свой городской совет, выбираемый городской общиной. Формально председателем совета (капитулума) считался граф или виконт, но всю полноту власти осуществляли консулы. Самостоятельные правители тяготели к более сильному вождю и постепенно признавали верховенство графов Тулузских, которые, поддерживаемые блеском и могуществом своих вассалов, приобретали все большее значение в Европе. Их возрастающая мощь немало тревожила северных королей, и не раз их полчища вторгались в Окситанию, чтобы подавить ростки самостоятельности Юга. Но французская королевская власть не имела никакого влияния к югу от Гаронны.

С именем тулузских графов связана история первых Крестовых походов. Раймунд IV дал зарок никогда не покидать Святую землю; два его сына там и упокоились.

Процветающее на плодородных землях сельское хозяйство, оживленная торговля с Генуей, Пизой, Флоренцией, Неаполем и Сицилией, деловые связи с греческими, левантскими негодичантами давали Югу богатства, не известные северофранцузским графствам.

Города на Юге не были так разъединены, как немецкие и итальянские, и не так сильно отрезаны от деревни; они также имели более значительную защиту от произвола сеньоров. Даже в Тулузе, резиденции могущественного графа, управляли независимый магистрат и свободный комитет граждан.

В таком цветущем состоянии пребывала Южная Франция от Альп до Пиренеев.

Богатая, обильная, страна простиралась на юге Европы, довольная своей природой, климатом, гордая торговыми связями, свободная под отеческим правлением просвещенных наследственных государей. Южная Европа была незначительно затронута нашествием Севера во времена Темного Средневековья. Если язычество где и выжило, то именно здесь, где даже говорили не на французском языке ойль, а на провансальском ок: он был распространен по всему Югу — в Дофине, Оверни, Пуату, Гиени, Гаскони, а кроме того, во многих испанских областях — в Арагоне, Каталонии, Валенсии. В то время как на Севере грамотных были единицы, Юг подарил мировой культуре несколько литературных эпических произведений на народном языке, таких как «Песнь о Боэции», «Поэму о страстях Господних». Здесь раньше, чем в Италии, сплав разнородных культур привел к возникновению своего рода Предренессанса. Подобного уровня развития Европа достигла лишь во времена эпохи Возрождения.

В Романье процветали наука и архитектура, города застраивались величественными зданиями. В университетах Тулузы и Монпелье давали отличное образование; там, помимо дисциплин, вводимых каноническими требованиями, читались лекции по алхимии, астрологии и каббале. Развивались торговля, мореплавание; процветали ремесла: слава о производимых здесь гобеленах и шпалерах гремела от Ближнего Востока до далекой Индии. Гордые аристократы графы Тулузские, Фуа, Арманьяк, виконты Транкавель, Комменж, Гастон Беарнский в своих неприступных родовых замках на скалах устраивали соревнования трубадуров. Там прославляли прекрасных дам и высокие рыцарские доблести: преданность, верность, честь. Райский климат, роскошная природа, близость расширяющего воз-

возможности океана формировали совсем иные качества, нежели те, которые в это время ценились на Севере.

Пожалуй, самым важным из них была, говоря по современному, толерантность. «Мы живем в мире с соседями, будь то евреи, так называемые еретики или даже сарацины — если они соблюдают наши законы и уважают наши обычаи», — заявляли южане.

Свобода не только физическая, но и религиозная, духовная способствовала развитию личности и общества.

Ростки свободомыслия не могли остаться незамеченными католической церковью, которая набиралась могущества, становилась все роскошнее, надменнее и нетерпимее. Рим поднял христианских правителей севера Франции на борьбу с религиозными заблуждениями секты альбигойцев¹. Война против свободолобивого Юга проходила под знаменем очищения христианского учения, поэтому она называлась Крестовым походом против еретиков. Во время нашествия каждый преследовал свою цель: духовенство улавливало и возвращало в лоно церкви души, северные бароны захватывали богатства и земли.

Но не только эти сильные, но лежащие на поверхности побуждения двигали массами людей, одетых в кольчуги и суганы. Ведь считалось, что именно здесь еретики втайне владели непостижимым Священным (или Святым) Граалем. Вся атмосфера Прованса пропитана преданиями об этом волшебном предмете, мистическим образом соединенном со страданиями и успением Христа.

О Святой Чаше — Граале — известно не много. Когда-то на её поиски устремились знаменитые рыцари, жертвовавшие

¹ Еретики-катары получили название «альбигойцы» от небольшого городка Альби в области Альбижуа, принадлежавшего виконтам Трапкавелям. Интересно, что сам Альби был городом католическим.

жизнью, чтобы спасти священное сокровище. Их невероятные приключения воспеты в кельтских сагах и средневековых романах; даже в рациональном XIX в. лорд Теннисон, известный английский поэт, вновь вернулся к этой теме в своем творчестве, а величайший немецкий композитор Рихард Вагнер, вдохновленный подвигом благородного воина, создал лучшую музыкальную драму эпохи — «Парсифаль».

Все предания о Граале апокрифические, то есть не признанные официальной церковью. Ни один церковный историк даже не обмолвился о Святой Чаше! Не странно ли, ведь во всех Евангелиях рассказывается о Тайной вечере.

В западноевропейских легендах и сказаниях Святой Грааль — это таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения к благодати люди совершали подвиги и жертвовали своей земной жизнью. Паладины Круглого стола короля Артура, тамплиеры, тевтонские рыцари — все они безуспешно занимались поисками этого мистического сосуда, дающего власть над тончайшими энергиями. Он насыщал, утолял жажду, излечивал от болезней, а главное — даровал бессмертие души.

Святому Граалю посвящено не только множество мифов и легенд, поэм и песен, но и кропотливых научных исследований.

Удивительно, что исторические труды, связанные с героической, но тщетной борьбой окситанских правителей против французского завоевания и деспотичного диктата римских пап, почти всегда обходились без учета такого мощного фактора, как упорное сплочение южан всех национальностей и сословий вокруг их таинственной святыни. Между тем именно феномен Священного Грааля наряду с учением катаров, охранявших от жадных лап захватчиков

свое сокровище, подвигал народ на сопротивление, обещая воздаяние если не во временной земной юдоли, то в жизни посмертной, вечной.

Через века дошли до нас слухи о Хранителях Грааля — увлекающие воображение, но обрывочные, неточные и нередко приукрашенные.

Если рассмотреть историю альбигойцев через призму Святого Грааля, можно по-иному объяснить многое, происходившее в те времена.

Освещением этого давно прошедшего времени мы обязаны нескольким клирикам. Первый из них, Петр Сернейский, был очевидцем описываемых событий. Но вряд ли этого монаха можно назвать беспристрастным рассказчиком: его симпатии полностью на стороне Христова воинства. Тем не менее созданная им «Альбигойская история» — ценнейший исторический документ. Гийом из Туделы, автор «Песни о крестовом походе», пользовался покровительством вождя завоевателей Симона де Монфора и в целом не сочувствовал еретикам, но жестокость крестоносцев ему претила. Его повествование охватывает период с 1208 г., времени убийства папского легата Пьера де Кастельно, до 1212 г., того момента, когда Симон де Монфор на соборе в Памье предъявил завоеванной стране свои Уложения.

Другой описатель войны и дипломатии с 1213 по 1219 г., чьи симпатии, безусловно, на стороне патриотов, анонимен, хотя многие предполагают, что это был трубадур Пейре Карденаль. В своей «Песне (или Канцоне) о крестовом походе против альбигойцев» он трезво оценивает эту операцию как завоевательную войну северных баронов с целью захвата богатых южных земель. Характеристика действующих лиц в поэме такая живая и описание отдельных

сцен так реально, как будто автор был очевидцем всего изображенного.

Казалось бы, альбигойская трагедия бесконечно далека от российских просторов. Какое дело русскому человеку до судьбы секты, разгромленной почти тысячу лет назад? Однако одно из лучших описаний этого страшного и героического времени принадлежит русскому историку Николаю Алексеевичу Осокину¹. В другом роде и тоже великолепно удалось изобразить противостояние Юга и Севера, катаров-альбигойцев — практически всей Европе, еще одной нашей соотечественнице Зое Ольденбург. Ее перу принадлежит чеканное и ясное описание многолетнего поединка двух мировоззрений и доблестной, но заранее обреченной борьбы катаров за свои убеждения. Анализ противостояния Юга — Северу, секты — официальной религии, добра — злу проведен объективно и беспристрастно. Это тем более ценно, что даже профессиональные историки нередко затрудняются в воссоздании последовательности и причин событий во времена Альбигойских войн.

В этих замечательных произведениях масштабность изображаемых исторических процессов несколько потеснила человеческий фактор. Лишь широкими небрежными мазками обрисованы характеры и затронуты взаимоотношения действующих лиц. Но даже эти небогатые сведения относятся к личностям первого плана. Психологические характеристики участников событий, за исключением обоих Раймундов и, может быть, Симона де Монфора, остались в тени, заслоненные значимостью происходящего.

¹ *Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2003.*

Никто из перечисленных авторов, писавших об альбигойцах, ни словом не упомянул феномен таинственного Святого Грааля. Но чудесное предание об этой реликвии не могло быть им неизвестно. Может быть, исследователей «альбигойского» исторического периода останапливало некое суеверное чувство, боязнь прикоснуться к святыне. Отто Ран, автор книг «Крестовый поход против Грааля» и «Трон Люцифера» в конце 30-х годов прошлого столетия, загадочно погиб в тех местах, где, по преданию, могла быть укрыта таинственная реликвия.

Клерикальная литература молчит по понятной причине: церковь стремилась овладеть Святым Граалем как своего рода секретным оружием и с его помощью подчинить весь мир. Ведь каждый постигал суть реликвии в силу своего разума: кто — как высший духовный идеал, кто — как неиссякаемый источник могущества и материальных благ.

Борьба между людьми Севера и Юга была битвой за Грааль — в их понимании.

Прошли годы, появились результаты новых исторических исследований, высказаны новые гипотезы; забытые имена заиграли новыми красками; жизнеописания героев обогатились новыми подробностями.

Хочется надеяться, что собранные вместе портреты людей, живших и действовавших в то судьбоносное время, рассмотренные через призму таинственного Священного Грааля, расскажут не только об исполнителях ролей, но и о том, что происходило на сцене истории.

ПАПСТВО И ЕРЕТИКИ

В период раннего Средневековья христианство представляло собой не просто религию — оно олицетворяло закон, который управлял всеми аспектами человеческой жизни.

ни. Религия охранялась государством, то есть правителем. Именно он утверждал свою веру в землях, которыми владел или распоряжался. Правитель выступал как лицо, отвечающее за правильность определения, то есть за чистоту веры, и направлял духовные потребности своих подданных. Религия обуславливала набор ритуалов и систематизированных предписаний. Уважение воскресенья, религиозных праздников, культовые места, потребление определенных продуктов рассматривалось как проявление религиозности человека Средневековья. Религия являлась также языком: для христиан, которые отождествляли христианство и Римскую империю, латинский язык, язык сына Божьего, оставался церковным языком.

Христианские правители вначале назначали, а позднее давали одобрение на список кандидатов, затем согласие на кандидатуру того духовного пастыря — епископа, — которого предлагал Рим. Король или князь был начальником своей церкви: он ее защищал, получал с нее налоги и пользовался ее авторитетом в случае необходимости.

Так было до тех пор, пока епископы Рима не стали именовать себя папами (отцами), обосновывая законность своей власти над вселенской церковью служением человечеству в роли заместителя святого Петра. Римский епископ Лев I в этом качестве объявил себя защитником и покровителем не только Рима, но и всей Италии¹. Этому папе приписываются выдающиеся заслуги: считается, что он отвратил нашествие гуннов Атиллы, а позже путем успешных переговоров, дополненных богатыми дарами, спас Рим от вандалов. Кроме того, это был первый папа, который проявил себя как рьяный борец с ересью: в Италии он в полном смысле

¹ Во времена Льва I Италия принадлежала Византии.

слова истребил пелагианцев¹. Однако даже этот предприимчивый и решительный папа не претендовал на равенство с верховным светским правителем. Более того, лишь утверждение византийским императором кандидатуры законно избранного клиром и народом папы делало его, как многих его последователей, по-настоящему легитимным.

Только по прошествии четырех-пяти столетий властные притязания пап превратили церковь под их началом в силу, организующую новое общество — круг небольших королевств варварских племен, возникших на развалинах Римской империи.

Поначалу варварские (франкские) правители неодобрительно относились к римскому миссионерству. А их поддержка весьма требовалась Риму, поскольку с Византией у него часто возникали конфликты как по вопросам управления, так и в богословской сфере. Папа Стефан II не посчитал зазорным на колених просить франкского короля Пипина Короткого о помощи против лангобардов, захвативших земли Италии. Пипин, а затем его сын Карл Великий взяли на себя защиту папства и способствовали рождению Папского государства — Патриониума Святого Петра, — включившего Римское герцогство, Романью и Пентаполь.

Как только внешняя угроза исчезла, папство возмечтало о мировом господстве. Усвоив бюрократические и иерархические основы императорской администрации, папы стали посягать на прерогативы высшей власти и в разной степени — в зависимости от темперамента и особенностей характера — соперничать с византийскими императорами.

¹ *Пелагианство* — еретическое учение, отрицающее наследственность греха и признающее за человеком свободу выбора. Пелагианцы утверждали, что для спасения достаточно свободной воли человека, поэтому нет необходимости в церкви как посреднике между человеком и Богом.

Слабьющая Византийская империя была кровно заинтересована в объединении Восточной и Западной церковей. Греческая императрица Ирина сумела достичь соглашения с римским папой Адрианом I, не включив в него Карла Великого, и на Втором Никейском соборе факт объединения был признан духовенством. Карл, мечтавший об императорской короне и готовый ради нее вступить в брак с византийской императрицей, получив отказ, объявил решение собора незаконным и накрепко привязал папский престол к Франкской империи. Папство было изолировано от Византии, что впоследствии привело к церковному расколу.

При Каролингах формула взаимодействия папства и империи была проста: папа совершал коронацию, в результате которого монарх становился помазанником Божиим, обладателем церковных, религиозных и властных привилегий. Император же обеспечивал охрану безопасности персоны папы и его владений.

Династия Каролингов постепенно слабела; при ее последних представителях произошел раздел империи Карла Великого между его тремя внуками, сыновьями Людовика Благочестивого. Западную часть, или Королевство франков, которое впоследствии стало называться Францией, получил Карл Лысый; Восточную — королевство восточных франков, ставшее позднее Германией, — Людовик Немецкий. А обширная полоса от устья Рейна до устья Роны между Францией и Германией, включавшая в себя также и Италию, досталась старшему из братьев, императору Лотарю, имевшему две столицы: в Аахене и Риме.

Чем сильнее был правящий император, тем строже осуществлялось подчинение Святого престола его власти. Но и крушение империи Каролингов больно ударило по самостоятельности пап. Им грозило превратиться в игрушку

партикулярных сил. Действительно, меньше чем за сто лет (с 882 по 963 г.) на папском престоле сменилось 24 понтифика, в историографии католической церкви называемых «плохими папами».

Возрождением папство обязано германским королям из саксонской династии Оттону I (936—973), Оттону II (972—983), Оттону III (996—1002). Однако эти короли, безусловно, глубоко верующие, все же не были бескорыстны. Они стремились создать в лице пап инструмент своего влияния в Италии и при первом же признаке неповиновения понтификов заменяли их своими ставленниками. Престиж власти пап падал, их поступки судились и нередко осуждались, вещаемые ими истины подвергались сомнению; появлялись признаки инакомыслия. Возникавшие еще во время становления христианской церкви отклонения от церковных догматов, то есть ереси, не были новинкой в церковной истории; но с XI в. они особенно усилились.

У занятых своими распрями епископов большая часть энергии уходила на фракционную борьбу, противостояние светским властям, распри внутри партий. Но они не забывали о пастырском долге и заботились о чистоте веры. Малейшие колебания относительно признания истинности католических догм рассматривались как преступление.

За философией средневековый католицизм не признавал право на самостоятельное существование, требовал, чтобы она служила богословию, и в то же время не допускал ни малейшей свободы толкования. Движение философской мысли не прекращалось, потому что она сделалась непреодолимой потребностью времени, но ее представители страдали от отсутствия всякой свободы и сплошь и рядом впадали в ересь.

Ереси были известны еще с первых веков христианства, и борьба с еретиками началась с того же времени. Иреней, епископ Лионский, живший около 180 г., внес большой вклад в придание юной христианской религии стабильной формы. Его объемистое опровержение фальшивой теологии «*Libros Adversus Haereseis*» («Книга против ересей») с жаром осуждало и обвиняло все отклонения от ортодоксии и издавна известные еретические течения. Их различию, их преступлениям и их заблуждениям он противопоставлял истинность и превосходство христианской церкви, единственной «достойной преданности» и способной даровать спасение, вне которой существуют только еретики, заслуживающие самой жестокой кары.

Одной из злейших форм отклонения, облаченных в христианскую доктрину, была в глазах Иренея теория гностиков. Гностики основывались на личном опыте и на личной связи с Богом; их вера сводила к минимуму роль священников и епископов. Епископ Лионский стремился разрушить гностицизм, отвергая личное общение с Богом в пользу коллективной веры. Так родились теологическая система и совокупность основных принципов, не оставлявшая места личной инициативе. Ей Иреней противопоставлял «католическую», то есть универсальную, церковь, основанную, с одной стороны, на апостольских преданиях, а с другой — на Писании.

Тем не менее ереси не исчезли. Как раз напротив, они продолжали быстро распространяться и после II в., несмотря на все усилия, принимаемые для упрочения юной ортодоксии Иренеем в богословской области и императором Константином в области политической. Но благодаря Иренею христианство стало прочной доктриной с четкой

структурой — условие, необходимое для того, чтобы оно выжило и имело успех.

Нельзя не признать, что римское папство с незапамятных времен старалось приспособить тогда еще новое христианское учение к языческим привычкам варваров, выдвигая на первый план обряд и культ. Такое направление, возвышавшее роль и значение духовенства в глазах простого народа, с течением времени все укреплялось так, что обряд заключил моральную сторону религии. Вера Средневековья — это поклонение реликвиям. Для толпы все божественное заключалось в почитании мощей святых.

Сомнения в благодетельной силе таинств крещения и покаяния, самовольное толкование Библии, отрицание святости образов и мощей, отказ от молитвы и любые уствования рассматривались как проявление ереси.

Еретики указывали на очевидное: что многие священнослужители, включая высший клир и самого папу, не соблюдают те каноны, которые сами проповедают. Они живут в роскоши, содержат любовниц и многочисленное внебрачное потомство, носят доспехи и оружие, вмешиваются в дела светских правителей. Симония — покупка церковных должностей и даже папского титула — обычное дело среди духовенства.

Иногда сами папы являлись носителями еретических идей. Приближенный, учитель и друг императора Оттона III, папа Сильвестр II — в миру француз Герберт Орильяк, ранее архиепископ Реймский, поражал своими познаниями в области математики и философии, которыми якобы был обязан дьяволу. Утверждали, что он обнаружил в Севилье гнусную книгу, заключающую каббалистические формулы, с помощью которых заставил Люцифера повиноваться себе.

Ученик Орильяка, Роберт II, прозванный Благочестивым, второй король из молодой французской династии Капетингов, был кровно заинтересован в усилении влияния церкви в противовес светским магнатам. Этот монарх отличался редкостной набожностью. Он чувствовал себя в родной стихии на церковных соборах, где осуждались ереси; при нем повсюду звучали духовные песнопения и, «несмотря на его благодушие, во Франции пылали костры и пахло паленым человеческим мясом». Его супруга Констанция собственноручно выколола глаза посохом духовнику короля и своему старому учителю Стефану. Несчастный был объявлен еретиком и окончил жизнь на костре.

Сам Фома Аквинский, которого папы рекомендовали верующим как лучшего представителя истинной богословской философии, не был чужд заблуждений. По крайней мере, в конце XIII столетия строгие ревнители католической ортодоксальности торжественно осудили целый ряд тезисов, заимствованных из его произведений¹.

Сейчас папа является воплощением высшей добродетели на земле. Но тысячу лет назад папами становились не всегда самые лучшие, самые умные или самые достойные. Бенедикт IX, молодой человек, посаженный на папский престол родственниками из знатного римского рода графов Тускуланских, представлял собой пример того, как извратилась идея наместника Бога на земле. Про его успехи у женщин рассказывали такие чудеса, что в конце концов стали подозревать в колдовстве. В Риме папу настолько презирали, что в 1044 г. горожане, которые уже однажды пытались его убить в алтаре, с собаками выгнали его из города и заставили отречься. Но он и сам, охваченный непре-

¹ С другой стороны, трактат Фомы Аквинского «Сумма теологий» был торжественно сожжен в 1520 г. Мартином Лютером.

одолимым желанием вступить в брак с некоей благородной девушкой, решил расстаться с духовным званием и продал папский титул своему крестному отцу.

Однако вскоре Бенедикт, женитьба которого расстроилась из-за понятного недовольства будущего тестя, снова занял папскую кафедру, а новый папа, чьи выборы сильно попахивали симонией, не посмел сопротивляться. Учитывая, что в это время партией римских патрициев Кресченциев, враждебной графам Тускуланским, был избран антипапа¹ Сильвестр III, в 1046 г. в Риме оказалось сразу три папы. Римские клирики в отчаянии обратились за помощью к королю Германии Генриху III. Этот серьезный и совестливый молодой правитель рассматривал грязные дрязги в Риме как оскорбление всему христианскому миру. Он низложил всех трех соперничающих пап. На их место он назначил своего друга и земляка Судгера, епископа из Бамберга, который принял имя Климента II. Этот папа остался в памяти церкви как достойный человек и умелый правитель, но скончался меньше чем через год. На престоле снова утвердился ненавистный Бенедикт IX, о котором поговаривали, что он отравил Климента II.

Через несколько месяцев в Рим прибыл новый ставленник империи, который правил под именем Дамаса II. Однако он сумел продержаться на папском престоле только 23 дня, до того, как умер в страшных мучениях. То ли, как говорили, жара оказалась для него слишком сильной, то ли искусство Бенедикта достигло небывалых высот, но после его смерти для большинства церковных иерархов папский престол стал вовсе не той целью, к которой следовало стремиться.

¹ *Антипапа* — глава католической церкви, избрание которого на этот пост объявляется незаконным.

Храбрый Стефан IX, в миру Фридрих, брат герцога Лотарингского, стал еще одним немецким папой. Стремясь передать германский престол своему дому, папа учитывал все возможности. Он внимательно следил за набирающим силу движением еретиков. Дальновидный человек, он надеялся использовать его в собственных интересах.

Понтификат следующего папы Александра II (Ансельме ди Бандржо, 1061—21.4.1073) знаменовал победу партии реформ над богатыми и имеющими множество внебрачных детей прелатами. Доверие и авторитет он завоевал, еще будучи главой народной и по сути еретической партии патаренов¹. Его требование восстановить демократизм раннехристианской церкви снискало ему множество сторонников. Если бы он жил позже, его бы назвали катаром. Он посылал своих легатов во все страны латинского христианского мира и вникал во все внутренние проблемы государств и частную жизнь правителей. Именно Александр II признал незаконным второй брак Анны Ярославны, вдовы короля Франции Генриха I, с графом Раулем Валуа. Он вмешался в семейные дела Генриха IV: из-за развода императора с Бертой Савойской возник жестокий конфликт между папским и императорским дворами.

Однако многие церковные историки полагают, что все мероприятия, клонившиеся к унижению Генриха IV, по всей вероятности, исходили от друга и вдохновителя папы Гильдебранда, который был душой антинемецкой партии. Почти точно установлено, что под влиянием своего советника папа с энтузиазмом отнесся к планам Вильгельма Бастарда относительно завоевания Англии; известно так-

¹ *Патария* (от «тряпичники», «блошиный рынок») — первое демократическое движение в Италии, рассматриваемое духовенством как ересь.

же, что, имея в виду этот смелый проект, он дал, хотя и с трудом, разрешение на родственный брак Вильгельма Нормандского с Матильдой Фландрской.

Гильдебранд, итальянец из Тосканы, человек темного, может быть, иудейского происхождения, не слишком образованный, наделенный скудным воображением, но необыкновенной силой духа, в течение многих лет стремился занять папский престол. Наконец, во время похорон своего патрона Александра II он почти силой заставил признать себя папой под именем Григорий VII (1071—25.5.1085). Этот первосвященник провозгласил принцип подчинения светской власти духовному авторитету римского понтифика и требовал исключительных прав, включая право низлагать законных государей и даже коронованного императора. Двадцать лет он подготавливал дело обновления церкви, которое по его папскому имени получило название Григорианской реформы. Он пылал жаждой спасти человечество, хотя бы насильственными мерами, к которым очень любил прибегать, и все годы своего понтификата боролся с императорами. Он обладал необыкновенной энергией и мощнейшей силой воли. При нем произошел окончательный раскол церкви на Православную и Римскую. Принципы церковного устройства, которые легли в основу того явления, которое принято называть римским католицизмом, на протяжении столетий определили его лицо.

Но при всей разносторонности этого папы он никак не проявил себя в борьбе с ересями. Милан, например, был скорее еретическим, нежели католическим городом, и Феррара тоже слыла рассадницей ересей.

Еретические учения проникали во все слои общества. С ними продолжали бороться иногда путем наложения епитимий, церковных проклятий (отлучения от церкви), но

чаще всего — с помощью костра. Епископ Лиможский еще в 1012 г. принимал против еретиков суровые меры, в Тулузе графы жестоко расправлялись с инакомыслием. Во время первых преследований инакомыслящих в Орлеане в 1017 г. тринадцать из пятнадцати еретиков, даже увидев костры, разоженные для их казни, остались несломленными. В Кельне в 1063 г. приговоренные к казни еретики во главе со своим вождем Арнольдом своим радостным ликованием заставили окружающих задуматься. Арнольд, будучи уже наполовину сожженным, простер еще целую руку над головами своих спутников, охваченных священным ужасом, со словами: «Будьте твердыми в своей вере, ибо уже сегодня вы будете у святого Лаврентия!»

Еретики, обнаруженные в Оксфорде, отказались просить пощады и повторяли слова Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное». И после того как им был произнесен приговор, обрекающий их на поругание и медленную смерть, они радостно пошли на казнь во главе со своим вождем Герхардом и запели: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Нераскаившихся еретиков всегда сжигали при большом скоплении народа. Правители пораженных вольнодумством земель призывали духовенство искоренить нечестивую заразу.

Но как запретить мыслить мыслящему существу?

Благодетельный Бог не мог быть творцом порочного, утверждали еретики, все зло на земле от дьявола. Вместо христианской Троицы еретики верили в доброе и злое начало и в то, что две эти противоположные силы пребывают в вечном борении.

Одиннадцатилетнее правление пресмника Виктора, Урбана II (1088—1099), ознаменовалось началом героического и жестокого исторического периода, называемого в истории эпохой Крестовых походов. Идея отвоевать у неверных Гроб Господень, освободить от скверны Святую землю, где ступала нога Спасителя, овладела массами. Стратегической целью пап было утвердиться на мусульманском Востоке, распространить на земли православных греков свое влияние и воспользоваться несметными богатствами завоеванных земель «к вящей славе Божьей».

С этого времени папы присвоили себе исключительное право отпускать под известным условием всякий грех, и такие «полные индульгенции», обещанные Урбаном II за участие в Крестовом походе, весьма способствовали возрастанию популярности крестоносного движения. В XI—XIII столетиях папы открыто продавали отпущение грехов за деньги: нежелавший принимать участие в крестовом походе мог за известную сумму получить такую же индульгенцию, как настоящий крестоносец.

Но пока и без того религиозная экзальтация была настолько сильна, что почти вся Европа двинулась в поход.

На Востоке кругозор пилигримов опасно расширился; оказалось, что ранее бесспорные истины довольно сомнительны. Человек раннего Средневековья имел сравнительно низкую психологическую культуру и при столкновении с более продвинутыми, непонятными ему мировоззренческими установками восточных стран, испытывал некое сладострастное отвращение и в то же время жгучее любопытство. Многие европейцы вынесли из похода в Святую землю ненависть ко всему иному, но были и такие, кто крепко задумался над казавшимся ранее незыблемым существующим порядком вещей.

Это было время, когда свободомыслие распространялось и на благополучных землях Окситании. Многие дворяне Юга в составе крестоносного войска побывали в Святой земле, где приобщились к более развитой, нежели в то время европейская, цивилизации. Жизнь на границе с Испанией, завоеванной мусульманами в период с 711 по 715 г., приучила их к толерантности. И по торговым делам южане находились в тесном общении с евреями и мусульманами. Те невольно настраивали местных жителей на иновереие или, по крайней мере, на вольное толкование христианства.

Развитие городов и повышение культуры населения вело к очередному кризису католичества. Вместо слепой и косной веры человеческий ум жаждал новых знаний и находил их в еретических учениях.

Католический автор сокрушался: «В виду католической иерархии возвышалась другая иерархия, которой метрополией была Тулуза. Один константинопольский уроженец по имени Никита близ самой Тулузы председательствовал в собрании епископов манихейских. Ломбардия, Северная Галлия, Альби, Каркассон и Пуатье имели на этом соборе своих представителей. Никита торжественно толковал обряды манихеев азиатских. Верования Востока и византийской Греции начинали преобладать в Западной церкви. Новая церковь везде рассылала своих проповедников, и новое учение распространялось в самых отдаленных странах, дотоле известных своим благочестием: в Пикардии, Фландрии, Германии, Англии, Ломбардии, Тоскане, даже у самых ворот Рима, в Витебро. Но странные обряды восточного манихейства нашли в то же время и многих противников».

Нельзя сказать, что именно в это время впервые возникло имя «Святой Грааль». Первое упоминание о Священной

Чаще относится к III в. н. э., когда папа Сикст II, предвидя свою неизбежную гибель, отдал на сохранение церковные реликвии дьякону Лаврентию, также вскоре принявшему мученическую кончину. Главной реликвией и был Святой Грааль.

Пока папы Целестин II, Иннокентий II и Анаклет II совсем не христианскими способами сражались за власть, французский монах Пьер Абеляр (1079—1142) доказывал, что разум должен предшествовать вере, и отмечал противоречия в трудах Отцов Церкви.

Религиозная оппозиция против папства, самая опасная для учреждения, основанного на религии, шла в разнообразных и даже противоположных направлениях. Она и вызывалась сомнениями в аскетическом принципе, и восставала против церкви за его нарушение.

В 1119 г., едва заняв престол святого Петра, бургундский принц Ги под именем Каликста II собрал в Тулузе собор, на котором первый раз отлучил от церкви сторонников ереси; их стали именовать «тулузские еретики», или «альбигойцы», поскольку именно в Альбигуа ересь была опасно распространена. Сами они называли себя катарами — чистыми — и пользовались почти всеобщей поддержкой. Каликст настаивал на том, чтобы в деле искоренения ереси епископам помогала светская власть.

Ученик Абеляра провансальский священник Пьер де Брюи пошел дальше своего наставника: он отвергал всякий религиозный авторитет, кроме четырех Евангелий. Несмотря на крайний радикализм, де Брюи обрел на юге Франции последователей, которые разрушали храмы и подвергали истязаниям монахов. Его насилия облегчили церкви победу над опасным еретиком, и он был сожжен в 1126 г.

Цистерцианский монах, ставший папой Евгением III (1145—1153), ученик Бернара Клервоского¹, вплотную столкнулся с политическим олицетворением еретических идей. Итальянские города, образовавшие коммуны, изгнали своих наследственных властителей и перешли к республиканской форме правления. В Риме антипапское движение возглавил последователь Абельяра, монах августинского ордена Арнольд Брешианский. Он пришел к глубокому убеждению, что обладание духовенством не только светской властью, но и земельными владениями противоречит христианству. Красноречивый оратор и добродетельный человек, Арнольд смело проповедовал свое учение и производил ошеломляющее впечатление. Его партия руководствовалась еретическими идеями и требовала городского самоуправления и восстановления первоначальной бедности церкви. Арнольд провозгласил, что церковь должна отказаться от своих владений и политической власти. Он основывался на авторитетном мнении Бернара Клервоского, который открыто возражал против светской власти римского епископа, утверждая, что «апостолам запрещено светское господство» и что папы, благодаря своему политическому положению, теперь являются «преемниками не

¹ *Бернар Клервоский* (1090—1153) — монах-цистерцианец, один из крупнейших политических и церковных деятелей Средневековья. В 1115 г. основал на границе Бургундии и Шампани монастырь Клерво, где вместе с двенадцатью последователями жил аскетической жизнью, занимаясь философией, богословием, мистикой. Он выступал на богословских диспутах, проводил церковные советы, поддерживал авторитет церкви в годы глубокого кризиса власти пап. Одну из важнейших целей жизни он видел в борьбе против II. Абельяра, в творчестве которого видел поругание тайн веры. Бернар преследовал своими обвинениями и ученика Абельяра, Арнольда Брешианского. Огромный авторитет Бернара обусловил быстрый рост и процветание ордена цистерцианцев.

Петра, а Константина». В ответ на эти крамольные заявления на Реймском соборе 1149 г. Евгений III снова обратился к светским правителям с требованием принять участие в уничтожении еретических учений и их последователей. «Светская, государственная власть должна служить секирой в руках церкви, которая сама не проливает крови».

Евгений пытался восстановить пошатнувшийся авторитет церкви, организовав Второй крестовый поход, но эта экспедиция потерпела позорную неудачу. «Любимый сын церкви» Людовик VII Французский переживал бесславное окончание крестоносной авантюры и крушение семейной жизни с Алиенорой Аквитанской; он не желал вмешиваться в итальянские дела. На помощь первосвященнику пришел молодой немецкий король Фридрих Барбаросса. Он готов был спасти папу, оказавшегося в стесненном положении, но за это потребовал своей коронации как императора Священной Римской империи. Его тайной целью было освободить свое государство от папской опеки и придать ему значение мировой державы. Папе он отводил лишь роль первого епископа империи.

Евгения сменил решительный англичанин Николас Брейксспир — Адриан II (1154—1159). За убийство одного из его кардиналов он наложил на Рим интердикт. Народ, всегда переменчивый в своих пристрастиях, изгнал Арнольда и его сторонников. Адриан готов был принять помощь Барбароссы и даже венчать его железной короной лангобардских королей, что уже и начал осуществлять. Но гордый тевтон неожиданно отказался держать папе стремя и вести под уздцы его коня, как это было принято издавна. В ответ папа отказал ему в так называемом «поцелусе мира», без чего обряд коронации не имел силы. На карту было поставлено слишком много, чтобы Фридрих про-

должал упорствовать и не уступил папе в таком пустяке. Но общность их интересов проявилась лишь в отношении еретиков и Арнольда Брешианского, который взошел на костер; его прах был развеян над Тибром.

Адриан II заключил союз против Фридриха Барбароссы с норманнами. Но искать у них поддержки против еретических течений было напрасно. Норманнские предводители находились под сильным влиянием восточного христианства, а иногда и вовсе не христианских догматов.

Противостояние двух сильных личностей — папы и императора — выходит за рамки повествования об альбигойской трагедии. Но оно не закончилось и со смертью Адриана II — его продолжил соратник и друг покойного папы, профессор богословия из Болоньи, кардинал Роландо Бандинелли, занявший папский трон под именем Александра III (1159—1181).

По настоянию прелатов Северной Франции, возмущенных процветанием катарской ереси, и, вероятно, французского короля Александр в 1163 г. созвал в Бурже собор, на котором под его началом заседали 16 кардиналов, 184 епископа и более 400 аббатов, и в очередной раз сурово осудил ересь. И это несмотря на поглощавшую все силы Александра борьбу с Фридрихом Барбароссой и назначенным императором антипапой Виктором IV (1159—1164).

Третий Латеранский собор (1179) подтвердил суровые меры против еретиков Гаскони, Тулузы и Альби и отлучил от церкви множество баронов, сочувственно относящихся к ереси.

Папа Александр вернулся к уже высказанному тезису и заявил, что, «хотя следует довольствоваться духовным судом и не прибегать к кровавым наказаниям, епископы должны, однако, опираться на светские законы и требовать

помощи князей для того, чтобы страх светского наказания принуждал людей искать духовной помощи. А так как еретики-катары весьма размножились в Гаскони и в округах городов Альби и Тулузы, свободно проповедуя там свои заблуждения и стараясь развратить простецов, мы объявляем им анафему с их покровителями и укрывателями. Мы запрещаем всем иметь какое-либо общение с ними. Если они умрут в своем грехе, их не должно хоронить среди христиан и служить по ним заупокойную службу».

Несмотря на то что южная ересь была сурово осуждена, а мирянам под страхом отлучения запрещались контакты с еретиками, новое вероучение распространялось, как лавина. В 1181 г. католический епископ Альби вынужден был пригласить на диспут в Ломбере известнейших лиц, отличающихся склонностью к катарской ереси.

Поводом послужила тревога графа Раймунда V Тулузского, горько сетовавшего, что ничего не может поделать с ересью, поскольку большинство его вассалов крепко к ней привязано. Даже родственник и подданный Раймунда, Роже Транкавель, склоняется к ложному учению. Граф просил римского первосвященника помочь ему победить ересь в своих землях — зараза проникла в умы подданных так глубоко, что светская власть не в силах с ней справиться. На диспуте присутствовали представители недавно образованного ордена цистерцианцев — цистерцианцы. Они стали самыми энергичными защитниками католической веры. Катары упорно отказывались вести обсуждение в форме допроса и требовали дискуссии. Катарский ересиарх Оливье впервые публично высказал убеждения катаров. Обсуждение продолжалось до тех пор, пока инакомыслящие не заявили прелатам, что не нашли в Новом Завете указаний на то, что священники должны жить ро-

скопшее князей, носить дорогие одежды, украшения и латы.

Сами церковные иерархи были согласны с тем, что священники, погрязнув в материальном, мало заботятся о духовном, «больше ни по внешности, ни по поступкам не отличаются от мирян» и что, наконец, «они не прекращают предаваться самым постыдным излишествам». Это объясняло стремление средиземноморского населения отойти от католичества, предпочтя учение альбигойцев или вальденсов.

Тем не менее, как только слова о пороках духовенства были произнесены, тотчас последовала анафема.

Но еретическое вероучение не было побеждено. К этому времени в Италии и на юге Европы насчитывалось семнадцать еретических сект: гностики, манихеи, павликине, богомилы, вальденсы, катары, присциллиане и пр.

При вступлении на трон святого Петра на Вселенском соборе в Латеране в 1179 г. антипапа Иннокентий (Ландо) заявил: «Хотя церковь, как говорит о том святой Лев, довольствуется святым, духовным судом и не прибегает к кровавым акциям, она вынуждена, однако, опереться на светские законы и просить поддержки у князей, дабы страх перед мирским наказанием заставлял людей исполнять духовный долг. Итак, поскольку еретики, которых одни именуют катарами, а иные патаренами или павликианами, много преуспели в Гаскони, Альбигуа, в Тулузе и в иных землях, где открыто распространяют свои заблуждения и свращают неразумных, мы предаем их анафеме вместе с теми, кто им потворствует».

Становилось ясно, что церковь, не в силах одолеть ересь с помощью проповедей и дискуссий, рано или поздно обратится к насильственным мерам. Но все еще оставалась

надежда на мирный исход противостояния двух мировоззрений. Европа как будто не желала услышать призыв папы к мечу против катаров, официального объявления Крестового похода и обещания полного отпущения грехов всем участникам.

Луций III (1181—1185), в миру Убальдо Аллунчиньоли, кардинал Остии и Веллетри, избранный папой под бряцание немецкого оружия, на Веронском соборе в 1184 г. поручил епископам разыскивать в своих диоцезах еретиков для привлечения их к суду. Рекомендовалось сзывать знатнейших жителей каждого прихода, которым предписывалось под клятвой называть людей, посещающих тайные собрания или отличающихся своеобразными обычаями. Заподозренные должны были поклясться, что они правоверные католики; в противном случае их судили и обвиняли. В то же время он заключил с Фридрихом Барбароссой соглашение, согласно которому светская власть под страхом отлучения от церкви должна была приводить в исполнение вынесенные епископскими судами смертные приговоры. Это был первый проект создания церковно-государственного учреждения, стоящего на страже «чистоты доктрины и обычаев», позднее получивший развитие в качестве Святой инквизиции.

Римлянина Джанчито Орсини, взошедшего на папский престол в возрасте 85 лет и взявшего имя Целестина III (1191—1198), принято вспоминать лишь как человека, коронованного Генриха VI, игрушкой которого он якобы и являлся на протяжении шести из семи лет своего понтификата. Однако именно этот немощный старец был инициатором и организатором первого военного похода в защиту церкви против тулузских еретиков. Он не надеялся, что под его знаменами соберутся светские правители, и рассчиты-

вал на немалые силы церковной организации — за стенами монастырей и аббатств готовили государственных мужей, послов, писателей, разведчиков, лекарей и воинов. Поэтому первое выступление церкви против южной ереси прошло без зверств и жестокостей.

Но на смену Целестину пришел человек иного склада. Интеллектуально во много раз превосходящий свое окружение, не склонявшийся перед высшей знатью, поскольку сам к ней принадлежал, обладавший твердостью, ровной и несоборимой, и жесткой силой, и блеском, подобным блеску наточенного клинка, Джованни Лотарио, граф де Конти, в 37 лет стал папой под именем Иннокентия III (1198—1216).

Племянник папы римского Климента III, он уже в 26 лет был субдиаконом, в 29 лет — кардиналом. Сразу после вступления на папский престол Иннокентий заявил о своем высоком понимании папской власти. В первой энциклике он писал: «Римский первосвященник является наместником не простого человека, а истинного Бога, ибо, хотя Мы и преемник главы Апостолов, однако, Мы не его и ни какого-либо Апостола или человека, но самого Бога наместник». Как государь, он носил двойную корону: два венца на тиаре символизировали духовную и светскую власть.

Ко времени начала его понтификата тайные секты переросли в открыто действующую религиозную организацию с оформленной догматикой.

Такой человек, как новый папа, неутомимо деятельный и исполненный безграничных планов, не склонен был рассматривать еретиков как незначительную помеху своей власти, но как угрозу существованию всего католического сообщества. «Он стремился упрочить и завершить здание

католицизма, а лангедокские и итальянские противники уже думали о его разрушении».

Было очевидно, что между папой и еретиками неминуемо смертельное противостояние.

КАТАРЫ В ОКСИТАНИИ

Что же представляла собой та скверна, та ужасная ересь, против которой ополчалось духовенство и рыцарство всей Европы, откуда она взялась, чем была опасна для душ простецов?

Термин «катары» появился в первой половине XI в. Вскоре слово «катар» стало синонимом еретика вообще. Об учении катаров с достоверностью мало что известно. Их писания были почти полностью уничтожены победившей Римской церковью. В настоящее время историки располагают всего тремя относительно достоверными источниками по альбигойской ереси, ускользнувшими как от недремлющего ока инквизиции, так и от архивистов Ватикана. В них скупо повествуется об истории катаров, их мировоззрении, организации, обрядах. Что же касается церковных источников, то в них больше клеветы и вымысла, чем достоверных фактов. Если судить только по ним, то приходится сделать вывод, что папство осуждало ереси, не имея точного представления об их содержании.

Судя по скудным данным, которые дошли до нас, катары выступали против официальной церкви с позиций первоначального христианства. Некоторые черты их учения напоминали манихейство, поэтому их иногда называли неоманихеями.

Манихейство, вероятно, было самой значимой ересью и представляло собой смесь гностического христианства и элементов, заимствованных из культа Зороастра и Митры.

Эта доктрина была делом рук Мани (или, по-гречески, Манеса), родившегося в Багдаде в 214 г. и введенного в очень молодом возрасте в секту персидских мистиков в белых одеждах, практикующих аскетизм, целибат и крещение. Собственную доктрину Мани начал проповедовать в 240 г. и быстро стал знаменитым благодаря своему искусству целителя и заклинателя злых духов. Говорили, что он родился от девственницы — необходимое тогда условие для получения признания божественности; его называли новым Иисусом, Спасителем, Апостолом, Озарителем.

Он получил образование, имеющее основой гностический дуализм, связанный с великими законами всемирной космологии. Фундамент его доктрины основывался на существовании двух противоположных принципов добра и зла, света и тьмы — вечный конфликт, целью которого, очевидно, являлась человеческая душа.

Как позже катары, Мани верил в перевоплощение и в класс посвященных, избранных ввиду их привилегированного положения. Для него Иисус был существом по сути своей смертным, божественный облик которого был лишь символическим и который не умер на кресте, потому что его заменил другой.

Заключенный в тюрьму по приказу властей в 276 г., Мани окончил свою жизнь трагически. Забитый до смерти, с содранной кожей и отрубленной головой, с искалеченным телом (вероятно, чтобы помешать возможному воскресению), он был представлен публике. Тем не менее влияние Мани пережило его мученичество, и манихейство как бы получило второе дыхание; оно распространилось по всему христианскому миру с невообразимой быстротой. Напрасно его пытались уничтожить: оно противостояло всем атакам, а его влияние прошло в мыслях святого Августина до-

вольно далеко в Средние века. Центры манихеев, особенно плодотворно укоренившихся в Испании и на юге Франции, установили в эпоху крестовых походов тесные связи с итальянскими и болгарскими манихеями. Таким образом, война с альбигойцами была в определенной степени войной с манихейством, и, несмотря на усилия Рима, учение выжило и дошло до наших дней.

Теоретическая часть учения Мани очень сложна и расплывчата, зато практические рекомендации предельно конкретны. Они предписывали для обретения спасения обязательный аскетизм: воздержание от мяса, вина и плотских сношений. Не преодолевшие этих искушений могли тем не менее спастись, оказывая разнообразную помощь манихейским общинам и веря в заветы Мани.

Манихеи молились семь раз в день, повернувшись лицом к солнцу, восход которого символизировал для них рождение Адама, а закат — конец света.

Развивая учение Мани, альбигойцы утверждали, что «воплощения Христа вообще не было, а миром на равных правах управляют два бога — добрый и злой». В их представлении мир состоит из двух великих царств — Света и Тьмы. В первом властвует Великий Отец, во втором правит Князь Тьмы, Демон.

Божество, или Царь Света, имет пять нравственных атрибутов (членов): любовь, веру, верность, мужество и мудрость. Светлый эфир, рассматриваемый, очевидно, как нематериальная составляющая, является носителем пяти умственных свойств: спокойствия, знания, рассуждения, тайны (или скрытности) и понимания. Земля света также складывается из пяти членов.

Все силы добра однажды были соединены вместе, чтобы создать одно конкретное существо — Первочеловека, или небесного Адама.

Земля Царства Тьмы также состоит из пяти членов: яд, или зараза в противоположность благотворному веянию или благорастворенному воздуху земли Царства Света; бурный вихрь — против освежающего ветра; мрак — против света; туман — против воды; пожирающее пламя — против согревающего огня.

Все эти ужасные элементы собрались воедино для создания своего исчадия — Сатаны.

Темный князь возжелал захватить владения Света, и началась великая борьба между добром и злом. В сражение вступили Первочеловек и Сатана; трудная победа в конечном итоге осталась за Адамом. Но во время противоборства он потерял свое вооружение, состоящее из элементов Светлого Царства. Добрые элементы смешались с членами Царства Тьмы, и образовалась хаотическая материя. Из нее были созданы люди, в которых слилось добро и зло. Для спасения им необходимо освободить из темницы плоти (темное начало) свое светлое начало — дух.

Многочисленные ереси в деталях отличались друг от друга в плане богословия, но у них было много общих главных факторов: гностические или отмеченные гностицизмом, они отрицали иерархизированную структуру Рима и проповедовали личный опыт вместо слепой веры. Добро и зло они рассматривали дуалистически, скорее как элементы бесконечного космического целого, а не под углом чисто земных этических понятий. Наконец, Иисус для них был смертным, родившимся по-человечески от человеческих родителей; быть может, он был пророком, вдохновленным

свыше, но не имеющим ничего божественного, который умер на кресте, но, возможно, избежал этой смерти.

С манихеями последовательно боролись представители официальной церкви и светские правители. Еретики в свою очередь несколько видоизменяли свое учение, но оставались дуалистами. Так появились павликаны, особенно почитавшие учение святого Павла, и их духовные наследники богомилы, распространявшие свое учение по балканским странам и по всему Средиземноморью вплоть до Северной Италии и Южной Франции.

В сильно упрощенном виде верования богомилов можно представить следующим образом.

У Бога-Отца было два сына, Люцифер и Иисус. Именно Люцифер по приказу Бога создал человеческие тела, в которые Отец вдохнул жизнь. Первому человеку, Адаму, было предназначено настолько грандиозное будущее, что Люцифер преисполнился великой зависти и соблазнил первую женщину Еву. Та родила Каина, который принес в мир вражду и раздор и убил своего брата Авеля. С этого кровавого преступления и началось вечное противостояние добра и зла. Затем появился Моисей, невольно ставший орудием Каина: своим Законом он посеял в людях такое смятение, что Богу пришлось послать на землю второго Сына. Тот проник в лоно Девы Марии и родился в облике Иисуса, который стал уничтожать зло, распространенное по свету его братом Люцифером. Когда Иисуса призвал на Небеса Отец, на земле остался Святой Дух, который должен был жить в человеческих сердцах.

В 1049 г. на Реймском соборе во Французском королевстве, которое еще только создавали первые Капетинги, было объявлено о появлении еретиков, которых называли манихеями. Но сами они звали себя катарами — чистыми.

Вполне возможно, что южные инакомыслящие по-своему интерпретировали предшествующие еретические учения и на их основе создали собственную доктрину веры, отличающуюся от скомпрометировавших себя католических догм.

Как и манихеи, катары считали, что Добро (Бог — творец невидимого, идеального, справедливого мира) и Зло (Дьявол — создатель всего материального) являются извечными началами. Тело, принадлежащее чувственному материальному миру, создано дьяволом, в нем, как в темнице, заключена душа — творение Бога, незримо связанная с божественным началом.

Вызволить же душу из плена можно с помощью добродетельной жизни, основой которой служат прочные нравственные устои и отказ от собственности. Ведь, по доктрине катаров, «от обладания богатствами земными душа ржавсеет».

Христос представляется катарам совсем иным, нежели католикам, и это ключевой пункт расхождения между ними. Христос вовсе не искупал своей жертвой человеческих грехов. Он только изложил учение о спасении, содержащееся в Евангелиях, прежде всего в четвертом, хотя и синоптические Евангелия не отвергались катарами, придававшими также большое значение посланиям святого Павла. К тому же Христос для катаров не является ни Сыном Божьим, вторым лицом Троицы, ни настоящим человеком. Это ангел, небесный посланец, пришедший указать людям путь к спасению. Его Страсти — не настоящие, а мнимые и олицетворяют, по мнению некоторых катаров, кару, которую претерпел вне мира сего Творец Зла, создавший материальную Вселенную. Катары осуждали и культ креста как орудия позорной пытки. Что же касается Девы Марии, то она для них тоже ангел, а не обычная женщина. Наконец,

катары категорически отрицали Воплощение и Воскрешение во плоти, составляющие основу основ христианского вероисповедания.

У еретиков отсутствовали церкви в привычном понимании этого слова, они произносили свои проповеди под открытым небом, совершая простые и скромные обряды. Еретики не отказывались от христианских праздников Рождества, Пасхи и Троицы, но в то же время они не праздновали еженедельные воскресенья.

Между верующими различались три степени: слушатели, или слушающие; верные, или верующие (*credere*), и добрые люди, или Совершенные (*parfait*).

Богослужбная сторона религии не получила большого развития. Известен лишь обряд возложения рук, называемый «утешением» — *consolamentum*. Он торжественно происходил в большом молитвенном зале катарского дома. Главной книгой еретиков было Евангелие от Иоанна¹, а единственной молитвой — «Отче наш».

На соборе, созванном в Ломбере близ Альби в 1176 г., альбигойцы открыто заявили о своем учении. К этому времени к нему уже примкнула большая часть знати и городского населения. Окситания одной из первых ощутила прелесть свободы — не только поведения, но и мысли. Здесь города закрывали ворота перед своими сюзеренами, если те в чем-то не угождали им; здесь поэт упоминал имя возлюбленной прежде имени Мадонны; бароны вели войны не ради добычи, а ради славы; здесь относительно спокойно жили евреи и даже арабские купцы и устраивались блестящие рыцарские турниры; здесь один из членов семьи мог быть пилигримом-крестоносцем, отправляющимся в Свя-

¹ Это Евангелие существенно отличается от трех других — Луки, Марка и Матвея.

тую землю, а другой — еретиком. В этой стране и могло существовать альбигойство.

Как священную реликвию катары почитали Грааль и верили во все блага, им даруемые: в то, что приблизившийся к Граалю, и только он, может стать истинным Совершенным, воином или королем. Но более всего они почитали символ Грааль, трактуемый ими как необходимое для счастья перерождения человека и обретение им новых качеств.

В любом случае христианские святые ничего общего не могли иметь с магическими свойствами священных предметов из волшебных легенд. Грааль, каким бы вещественным он ни был, служил лишь символом поиска того, что приходит свыше как дар и что можно получить лишь благодаря смирению и после глубокого внутреннего очищения, то есть обращения сердца. А это обращение выражается в евангельской простоте малых, которые доверяют не самим себе, а Богу.

Церковь обвинила альбигойцев в представлении о противоборстве равнозначимых в мироздании сил Света и Тьмы, отвержении учения о Пресвятой Троице, таинства причащения, брака и пр. Но о Граале не было сказано ни слова.

О том, насколько широко на Юге разнеслась ересь, свидетельствует письмо святого Бернара Клервоского, в котором он описывает состояние официальной религии в Тулузе: «Церкви стоят без прихожан, прихожане обходятся без священников, священники утратили честь. Здесь остались лишь христиане без Христа. Таинства втоптаны в грязь, больших праздников уже не отмечают. Люди умирают в грехе, без покаяния. Детей лишают жизни во Христе, отказывая им в благодати крещения».

Святой Бернар в 1145 г. отправился в Окситанию с проповедями против учения катаров. Его миссия успеха не имела, несмотря на блестящий талант проповедника. Поэтому его раздражение вполне объяснимо.

Насколько же распространилось инакомыслие к началу Альбигойских войн!

Однако тот же Бернар Клервоский проговорился однажды, что нет более христианской проповеди, чем альбигойская, и что они были чисты своими правами. Действительно, альбигойцы утверждали власть вольного сердца, проповедовали свободу и независимость человеческого духа. Катары верили в то, что душа многократно приходит на землю собирать жизненный опыт, который использует в следующих воплощениях, а потому презирали смерть. Они высоко чтити Вероучителя христианства, но отказывались считать его Богом.

Окружающие видели: эти скромные люди жили чисто и совершали достойные дела. В отличие от католической церкви, у которой была лишь одна забота — повсюду насадить силой свою власть и обогатиться, катары ставили главной целью очистить от искажений Учение Иисуса Христа. Считая себя последователями первых христиан, эти апологеты бедности и простоты отличались высокой требовательностью к себе и колоссальной снисходительностью к слабостям ближних.

Единственным условием, необходимым для спасения души, был *consolamentum* — обряд, делающий мужчину или женщину не только полноправным членом катарской церкви, но и новым существом — Добрым человеком или Доброй женщиной¹. Этот обряд обладал властью превра-

¹ Католики именовали принявших *consolamentum* Совершенными. Сами катары никогда себя так не называли.

щать обычного человека, чья душа оставалась в плену косной оболочки, в создание, в котором действительно обитал Святой Дух. Consolamentum давался взрослым людям и был не просто крещением: его можно расценивать как католическое таинство посвящения в монашеский орден. Тот, кто желает получить consolamentum, должен сначала пройти долгую подготовку и выдержать ряд испытаний, доказывающих твердость его веры и подтверждающих, что ничто в мире не заставит его отречься.

Получившая такое «утешение» душа в момент смерти человека избегала переселения в другое тело и присоединялась на небесах к божественному Духу при условии, что со дня своего крещения посвященный вел святую и добродетельную жизнь. Его душа успокаивалась и ждала смерти как освобождения от брэнной и грешной оболочки.

Одетые в простые одежды Совершенные, достигшие высшей ступени в иерархии катарской церкви, обходили свои приходы, поддерживая и наставляя вверенную им паству. Черная хламида, кожаная сумка через плечо с романским переводом Нового Завета, долгие пешие странствия, трудная, скитальческая, но святая и подвижническая жизнь. Ровный тихий голос, неспешная, но энергичная походка, смиренный вид, опущенные долу глаза — по этим признакам узнавали катарского посвященного.

Число Совершенных было сравнительно небольшим. Даже во время расцвета ереси их насчитывалось не более семи-восьми сотен. Это неудивительно: их доктрина требовала отказа от всего земного и длительных аскетических ограничений, приводящих к подрыву телесного здоровья даже самых физически крепких людей.

Понятно, почему эти суровые и одновременно мягкие мужчины и женщины, жизнь которых представляла столь

разительный контраст с жизнью большей части католических клириков, пользовались таким уважением. Они излагали учение о спасении, а большинство людей были пресыщены церковными проповедями, ставшими лишь назойливым повторением избитых и бесполезных формул.

Для катаров нарушение заповедей «Не лги», «Не убий», «Не клянись», «Не прелюбодействуй» равнялось смертному греху. После принятия утешения самый мелкий грешок оборачивался святотатством, и верующий утрачивал Святой Дух, который обитал в нем. По этой причине многие верующие принимали *consolamentum* только в преддверии кончины: душа получала утешение, а у тела не оставалось времени согрешить.

Катары имели смелость утверждать, что человеку не нужен посредник для общения с Богом. В каждом из людей есть божественное начало, опираясь на которое можно установить высокую связь путем Гнозиса — прямого знания. Только бы устремиться к очищению сердца, потому что не может высшая благодать пребывать на человеке, ведущем нечистый образ жизни. Внешняя обрядность отрицалась ими как неподлежащая рациональному истолкованию.

Естественно, при таких воззрениях вся иерархия католической церкви, самовольно присвоившая себе право вещать от имени Бога, становилась ненужной. Бесполезным делалось и богословие, становившееся в то время столпом, держащим небо, догмой, решающей судьбы людей и народов.

Еретики упрекали католицизм за блеск богослужения, театральность обрядов, обольщающих воображение и отвлекающих от мыслей о Боге. Они указывали на корыстолюбие, жадность, насилие, греховную роскошь и распу-

ценность, чему в полной мере предавались католические священнослужители.

Сам папа Иннокентий III утверждал, что именно духовенство несет главную вину за возникновение ересей. Чтобы успешно им противостоять, клир должен пользоваться уважением и доверием верующих, чего давно уже не наблюдалось. Гениальный теократ, Иннокентий понимал, что для искоренения ересей необходимо использовать не только насильственные методы борьбы, и разделил движения мирян на две категории. К первой было отнесено движение катаров, создавших в Окситании собственную церковь и ставших на путь открытого противостояния с церковью Римской. Во вторую категорию вошли евангелистские движения: они были возвращены в лоно церкви. Именно благодаря этому шагу стало возможным официальное признание нищенствующих орденов.

В 1207 г. Иннокентий III благословил основание ордена миноритов, чуть позже — доминиканцев. Новые братства, с одной стороны, придавали институциональные формы религиозным идеалам мирян и давали им возможность вести евангельский образ жизни, не вступая при этом в конфликт с церковью, с другой — были призваны бороться с ересью при помощи проповеди. Таким образом, наряду с разработкой законодательства против еретиков, совершенствованием процедуры расследования преступлений против веры и привлечением к борьбе с ними светских властей создание нищенствующих орденов стало одной из ключевых мер, предпринятых римской курией для искоренения еретических движений.

Между еретиками не всегда существовало единство. Одно направление — собственно альбигойцы, или катары, — было основано на восточных философских системах

в их синтезе с христианством, имело выраженный дуалистический характер, связь с манихейством и производными от него верованиями. Другое представляло собой евангелический, строго христианский протест и, хотя было уничтожено в Окситании в XIII в., со временем воскресло в идеях Реформации и воззрениях кальвинизма. Но альбигойских пастырей обоего толка — и это признавали сами католики — роднило одно: они были трезвы, просты, доброжелательны, трудолюбивы и никому не отказывали в бескорыстной помощи.

Катары свято соблюдали все, что декларировали в проповедях. А личный пример на фоне развращенного римского духовенства оказывал на души людей потрясающее воздействие. Сами звания — «Добрый мужчина» и «Добрая женщина» — вызывали уважение. Катарам помогали, их кормили, им добровольно жертвовали средства.

Совершенные отрешались от мира и от общества, их имущество принадлежало всей церкви. Они отрекались от семейных и родственных уз, давали обет целомудрия и нищеты; их жизнь была чередой аскетических подвигов. Четыре раза в год они соблюдали строжайшие сорокадневные посты, три раза в неделю не ели ничего, кроме хлеба и воды.

Петр Сернейский, ярый недоброжелатель еретиков, дает немногие и краткие сведения о катарской иерархии. У еретиков «были представители власти, которых они называли “дьяконами” и “епископами”, их просили о наложении рук, дабы всякий умирающий полагал возможным спасение своей души, но в действительности, если они налагали руки на умирающего, какая бы вина на нем ни была, если только он в состоянии был прочитать *Pater Noster*, они считали его спасенным и, пользуясь их выражением, “утешен-

ным” до такой степени, что без всякой епитимьи, без какого-либо другого искупления своих грехов он поднимался на небеса».

Действительно, церковь катаров имела свою иерархию и свои диоцезы¹. Их число и размеры с течением времени несколько менялись. На Юге было всегда три диоцеза — Тулузский, Каркассонский и Альбигойский; другие, вроде Разесского и Аженского, возникли позже и исчезли раньше. Одна из целей катарского собора в Сен-Феликс-де-Карамане в 1167 г. заключалась в точном определении границ этих диоцезов. Во главе каждого из них стоял епископ, управлявший диоцезом единолично с помощью двух священников, именуемых Старшим и Младшим сыновьями. Когда епископ умирал, ему автоматически наследовал Старший сын, посвящаемый Младшим, который тогда становился в свою очередь Старшим. Собрание катарских Старцев избирало нового Младшего сына. Епископы поддерживали постоянные отношения друг с другом, а также переписывались с епископами других краев.

Альбигойцы доказывали, что смертная казнь не должна существовать, что человек ни под каким видом не должен обречь себе подобных на смерть. Их вера запрещала всякое кровопролитие и войну. Даже перед лицом смерти Совершенные должны были терпеливо сносить боль и раны, не поднимая руку в свою защиту.

Катары перевели на язык ок Библию и ревностно проповедовали ее учение. Распространяя свои религиозные воззрения, они обратили в свою веру многих представителей известных родов. За добродетельную жизнь и чи-

¹ *Диоцез* — центральноадминистративная территориальная единица в католической, англиканской и некоторых других протестантских церквях, во главе которой стоит епископ.

стоту помыслов они пользовались всеобщим уважением и поддержкой всей южной знати. Совершенные жили как святые, отринув радости телесные и предпочитая восторги духа. Самый большой ужас внушала им возможность умереть внезапно, в состоянии греха, не успев получить *consolamentum*. Апостольская жизнь еретического клира весьма существенно отличалась от эпикурейства католического духовенства. Не заметить это различие было невозможно.

Шло ли катарское вероучение снизу, как в свое время христианство? Скорее всего, нет. Местная насмешливая знать давно ввела моду на интеллектуальные дискуссии, на светские и немного либертинские взгляды относительно многих, считавшихся церковью непогрешимых истин. Пытливый человеческий ум искал объяснения законам мироздания, и часто в жарких спорах образованных и просвещенных сеньоров и дам звучали вполне еретические утверждения.

Религия катаров, отрицая сущность полов, как и все реалии плотской жизни, провозглашала равенство мужчин и женщин. Здесь еретики основывались на концепции апостола Павла, изложенной в Послании к галатам (3:28—29): «Нет уже иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе...» Правда, и католицизм этого равенства тоже уже не отрицал, но на практике всегда оставался религией решительно антифеминистской.

Женщин Совершенных было меньше, чем мужчин, но не намного. Повествуя об «удостоенных» еретиках, схваченных крестоносцами, историки той эпохи не называют точных цифр, хотя не создается впечатления, что среди арестованных мужчины превалировали. Эти «добрые хри-

стианки» осуществляли свой апостолат среди женского населения. Они много занимались уходом за больными и врачеванием, поскольку в ту эпоху женщины предпочитали лечиться у медиков одного с ними пола. Наконец, чаще, чем мужчины, они посвящали себя жизни созерцательной.

У катаров женщины, принявшие Святой Дух, могли, как и мужчины, передать его наложением рук, хотя практиковали это лишь в экстремальных случаях и гораздо реже, чем мужчины. О епископах, или диаконах, — женщинах сведений нет. Активная роль апостолата оставалась за мужчинами, более приспособленным к тяготам и опасностям страннической жизни. К женщинам Совершенным относились с не меньшим пиететом, и часто они становились настоящими матерями для своих общин. Они жили отшельнически в отдельных домах или составляли особые общины, где занимались рукоделием или воспитанием девочек, принимая также на свое попечение больных. Это было устройство, напоминающее католический монастырь.

Как отмечал один католический священник, «хотя ересь типично мужское изобретение, благодаря женщинам она разносится по земле и обретает бессмертие».

Женщинам (не Совершенным) не позволялось сидеть за одним столом с посвященными. Враги вынуждены были с неохотой признавать, что посвященные никогда не позволяли себе даже прикоснуться к женщине рукой.

Католиков смущала чистота жизни еретиков. Они, исходя из собственных представлений, не верили, что такое возможно. Поскольку очевидность подтверждала аскетизм катаров, церковники, обвиняя их в тщеславии, настаивали на том, что эти лицемеры чисты только напоказ, днем; ночью же выказывают всю свою необузданность.

В этой атмосфере всеобщего уважения и преклонения перед нравственным подвигом катаров странно звучали слухи, распускаемые католиками. Исходя из того что чаще всего еретики странствовали по двое, их обвиняли в гомосексуализме. Н.А. Осокин передает некоторые из клеветнических измышлений католического духовенства: рассказывали, что «на своих ночных собраниях еретики якобы вызывали дьявола, который являлся им преимущественно в виде животного. Распевая гимны в честь мерзких исчадий, катары целовали кошек, жаб и другую нечисть. Затем, погасив свечи, они предавались свальному греху, где побуждения плоти не удерживались никакими пределами. Детей, здесь зачатых, через шесть дней после рождения сжигали, и пепел их служил вместо христианского причастия».

Как совместить эти обвинения с бытом вечно голодных Совершенных, падающих в обморок от случайного прикосновения женщины?

Кроме Совершенных альбигойское сообщество включало верующих и слушающих. Верующие могли вступать в брак, носить светскую одежду, пользоваться оружием и даже давать клятвы. Здесь и находится ответ на вопрос, как же воевали альбигойцы, если, всегда полуголодные и слабые телом, они не могли прибегать к оружию даже для защиты собственной жизни. Знатные сеньоры и трубадуры, воспевающие прекрасных дам и волочащиеся за горожанками; городские консулы, строго карающие за малейшее неповиновение; богатые купцы, не брезговавшие надуть конкурента; множество ремесленников и крестьян, живущих полнокровной жизнью человека Средневековья, — все они знали, что в конце жизни могут принять утешение, «встать в согласие с Богом». Именно эти люди оставляли

свои замки, конторки, прилавки и шли по призыву сеньора защищать свою веру и свои исконные вольности.

Женщины из простых верующих были более многочисленны и зачастую более отважны, чем мужчины. Все они, от знатных дам, смолоду окруженных воздыхателями и поэтками, а во вдовстве обратившихся к молитве и делу милосердия, до простолюдинок, прислуживающих за столом или пересекающих страну из конца в конец в качестве гонцов, были активнее, чем мужчины. Причина тому очень проста: мужчин, даже глубоко верующих, связывало множество обязательств — профессиональных, социальных или военных, которые они не могли нарушить. В обществе, где большая часть человеческих взаимоотношений обуславливалась клятвой, мужчины не смели открыто исповедовать религию, которая клятвы запрещала. А женщины, более свободные в этом смысле, могли посвятить себя религиозной деятельности без страха нарушить иные обязательства.

Кроме того, во времена Крестовых походов простая осторожность заставляла мужчин не особенно афишировать свои убеждения. Даже если граф и большинство феодалов поддерживали еретиков, это не могло долго продолжаться — ведь Римская церковь была могущественна и держала часть административной власти в стране. Вот почему еретиков часто принимали в домах видных аристократок Аделаиды де Буасссон-и-Ломбар и Эрменгарды де Сейсак, сестры Совершенного Гильберта из Кастра, а также Бланки де Лорак, супруги сеньора Монреалья, основавшей монастырь для женщин-катарок. Этот список можно продолжить именами Гульельмины де Тоннейн, Фабриссы де Мазероль, Ферранды, Серраны, Байоны и многих других.

Таким образом, отцы, мужья и братья оставались укрытыми от карающего церковного закона: ведь с ересью только мирились, ее не признали официально.

Южные графства были известны своей веротерпимостью. Тулузские графы и другие сеньоры юга Франции предоставляли людям религиозную свободу. Но и немного севернее, у слияния Роны и Сонны, в местности, изобилующей садами и виноградниками, возникали очаги инакомыслия. В Лионе, городе, где раньше всех в Галлии утвердилось христианство, где церковь обладала властью над правосудием, зародилась секта вальденсов. Она возникла позже, чем альбигойцы, около 1170 г., и ориентировалась на городские низы и крестьянство. Началось с того, что богатый купец Вальд (Вальдо) нанял клириков, чтобы перевести с латыни на родной язык Евангелия и другие сакральные тексты. Когда он вник в содержание переводов, в его сознании произошел перелом. Он раздал все, что имел, бедным и отправился проповедовать евангельские истины, подкрепляя свои слова выученным наизусть текстом. Вальд учил подражать строго нравственной жизни апостолов, призывал к евангелической бедности, аскетизму. Скоро он обрел множество последователей. Члены его общины называли себя Совершенными.

Вальд и его сторонники отправились на III Латеранский собор в надежде получить разрешение проповедовать. Однако, хотя папа Александр III отнесся к ним достаточно благосклонно, они не получили от римской курии вразумительного ответа на свою просьбу. А через пять лет, в 1184 г., в Вероне папа Луций III своей декреталией отлучил их от церкви вместе с другими движениями.

Когда одного несчастного на допросе инквизиции в Тулузе спросили, чему его учили наставники, он ответил так:

«Не творить зла, не делать другому того, чего не пожелал бы себе, не лгать и не давать клятвы». Учение вальденсов распространялось по Франции и Северной Италии. Уклад их жизни был более чем скромным, потому что почти все они были крестьянами и ремесленниками¹ — бедным, презираемым народом. С точки зрения церкви, такие, как они, существовали только для того, чтобы облагаться налогами, если они придерживались истинной веры, либо гореть в огне, если они были еретики. Все, мужчины и женщины, молодые и старые, не переставая, учились и учили других. После тяжелого трудового дня они посвящали вечер занятиям. И если отупевший и уже неспособный к учебе мозг отказывал воспринимать новое, они ободряли себя словами: если каждый день заучивать единственное слово из Священного Писания, через год будет уже триста, и так мы победим.

После осуждения Вальда и его сторонников еще не считали еретиками. Только когда вальденсы разделились на умеренных и крайних и последние стали утверждать, что личные пороки (несовершенство) священников лишают тех права вершить таинства (1218 г.), грянула анафема.

Петр Сернейский, упоминая вальденсов, говорил, что они «были скверными, но гораздо менее чем иные еретики». Другой католический автор признавал, что «вальденсы, коих рационализм был, по-видимому, свободным проявлением человеческого духа», были бы не опасны для католической церкви, но, к сожалению, «они имели у себя наставником некоего Идроса, который, если судить по его имени, был грек».

¹ Сесиль де Фуа, сестра графа Роже и Эсclarмонды, супруга графа де Комменжа, была приверженцей вальденсов.

Еретиков карали смертью. «Борцы за чистоту веры» полагали, что гибель на костре оправдана словами апостола Иоанна: «Кто не прибудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают». Виновного предварительно не душили, как это было принято во времена расцвета испанской инквизиции. Взрывчатые вещества еще не были изобретены, поэтому осужденному не прикрепляли мешочков с порохом вокруг шеи, чтобы сократить его страдания, как это делали в более поздние времена. Его, живого и здорового, привязывали к столбу, возвышающемуся над дровами, чтобы все верующие имели возможность до конца проследить все подробности трагедии, и сразу поджигали вязанки хвороста. До последнего момента рядом с несчастным находились слугители церкви, дабы в случае раскаяния вырвать его душу из лап сатаны.

Нелегко указать, что именно в учении катаров и вальденсов наполняло людей таким одухотворенным стремлением к мученичеству. Но действительно, ни одна другая религия не могла назвать больше своих приверженцев, которые, полные решимости и радости, предпочитали смерть в самой ужасной ее форме отступничеству от своей веры.

Некоторые моменты доктрины катаров, остающиеся в тени, могут заставить думать, что она содержит какое-то эзотерическое знание. Альбигойцев всегда окутывал ореол непознанного, не исчезнувший и сегодня. Окруженные полутенью, свойственной всем великим тайнам мировой истории, они остались одной из самых привлекательных загадок прошлого Франции.

Известный теософ Е.П. Блаватская и австрийский философ Рудольф Штейнер, основатель антропософии, в своих произведениях сходятся в признании некоей «традиции му-

дрости», которая через посредство розенкрейцеров берет свое начало у катаров и тамплиеров, а те сами были обладателями более древних тайн.

Рыцарей-тамплиеров, ставших излюбленной темой для разного рода теоретиков тайных обществ, разработчиков альтернативной истории и авторов триллеров, часто смешивают с хранителями Грааля. Над ними тоже довлеет груз вопросов и чарующая атмосфера так и неразгаданной загадки. Действительно, основание ордена и его первые несколько лет покрыты тайной, хотя начальная цель была проста — облегчить паломничество в Святую Землю.

Сторонники связи тамплиеров и катаров основывают свое убеждение на том факте, что командор ордена Храма в Тулузе в начале Альбигойского крестового похода был членом катарской семьи Транкавель. Документ, найденный в архивах семьи Молеон де Брюйер, показывает, что тамплиеры в некоторых землях открыли убежище для Совершенных. Многие крупные землевладельцы, будучи сами катарами или сочувствующими, принесли в дар ордену большие земельные владения. Четвертый великий магистр ордена Бертрам де Бланшфор, как и его семья, определенно был катаром. Действительно, спустя сорок лет после смерти де Бланшфора его потомки сражались на стороне других сеньоров-катаров против войск Симона де Монфора.

Тамплиеры подчеркивали свою нейтральность в отношении истребления альбигойцев и ограничились тем, что объявили настоящими крестовыми походами только походы против сарацин. Однако, по рассказам некоторых современников, крепости тамплиеров служили убежищем для еретиков, и им даже приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить скрывающихся.

Однако катары и тамплиеры, скорее, были антагонистами. Действительно, что общего у одухотворенных, не признающих земных сокровищ, не берущих в руки оружия Совершенных с воинственными рыцарями-тамплиерами, банкирами и ростовщиками? Первая ссуда, предоставленная храмовниками, была зарегистрирована уже в 1135 г. «Самым длительным занятием тамплиеров, их вкладом в разрушение монополии Церкви на ростовщичество, было занятие экономикой. Ни одно средневековое учреждение не сделало большего для развития капитализма». Пожалуй, только таинственность, в которую облечены их деятельность и обряды, сближает тамплиеров и катаров. Орден цистерцианцев немало сделал для истребления катарской ереси; известно, что цистерцианцы покровительствовали тамплиерам. Знаменитый Гийом Ногаре, советник Филиппа Красивого, уничтоживший тамплиеров, по слухам, был потомком катаров. «Патарен, сын патарена», — гневно обличал его папа Бонифаций VIII.

Встречается множество упоминаний об участии тамплиеров в уничтожении катаров. Верность рыцарей Храма Симону де Монфору никогда не подвергалась сомнению. В 1215 г. он с дружеским визитом посетил Дом тамплиеров недалеко от Монпелье. Таким образом, тот факт, что некоторые храмовники исповедовали катарское учение и иногда были расположены к еретикам, можно рассматривать как исключение, подтверждающее общее правило.

В гораздо большей степени с катарами были связаны братья другого ордена — госпитальеров. По мере становления ордена Святого Иоанна завязывал все более тесные связи с графами Тулузскими, причем не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. У госпитальеров имелось много владений на Юге, а в Триполи им принадлежала мощная

крепость Крак-де-Шевалье, пожалованная Раймундом II Триполийским, знаменитым внуком Раймунда IV Тулузского. Естественно, во время Альбигойских войн они держали сторону наследников столь щедрых благодетелей. П.П. Рид утверждает, что рыцари-госпитальеры — в отличие от храмовников — были крепко связаны с катарами политическими и экономическими отношениями. Если орденам приходилось участвовать в военных действиях, то госпитальеры поддерживали Раймунда VI и Педро II, а рыцари-храмовники всегда с крайним тщанием исполняли свои обязанности в отношении папы и Святой церкви.

Как видно, Средневековье не отличалось одинаковостью чувств и мыслей и, несмотря на риск жестокого наказания, представляло собой эпоху расцвета ересей и духовных исканий.

Но сила католической церкви была велика; Рим не собирався легко сдавать свои позиции.

И в воздухе Окситании все настойчивей витала нервозность кануна событий, предчувствие грядущих бед.

ТРУБАДУРЫ

Трубадуры, отразившие в своей поэзии веселую легкость и жизнерадостную чувственность Юга, не желали думать о тревогах и невзгодах, которые готовило им будущее. Лавандово-дымчатые дали полей Прованса и Лангедока, синес небо и еще более синес море, оливковые рощи и апельсиновые сады, знойные дни и сине-лиловые ночи рождали восхищение всем сущим и песни о любви и красоте.

Еще XI в. в Провансе возникло такое новое для Средневековья явление, как куртуазная поэзия. Оно началось с культа Прекрасной Дамы. Чтобы славить ее, провансаль-

ская нация первая из всех наций Нового времени выработала литературный язык. В те времена, когда не существовало печатных книг, устное творчество способствовало ренессансному подъему общества. Многие прекрасные стихи унесены временем в море забвения, но лучшие песни запоминали и пересказывали, и они разлетались по всей Европе, где некоторым из них посчастливилось быть записанными и дойти до наших дней.

И на Севере начинался общий духовный и материальный подъем. Строгий романский стиль окончательно устранился, уступив место более мягким готическим обычаям. Поднялась культура виноделия и выращивания фруктов, появились всевозможные утонченные привычки повседневной жизни, равно как элементы духовного образования и художественного творчества. Бесконечные разбойничьи набеги постепенно уходили в прошлое, общественное одобрение стали получать придворные формы поведения. Настоящему рыцарю наряду с войнами и турнирами необходимо было переживать любовные приключения. «Покорение — все равно кого, врага или женщины, — вот что становится жизненной задачей рыцаря, именно это приносит ему славу».

«Рыцарь полон жизни. Его крепкое тело натренировано, а пища, почти исключительно состоящая из остро приправленного мяса, и хмельные напитки волнуют его кровь. Насилие, жестокость, разбой, вымогательство по-прежнему остаются частью рыцарского ремесла и определяют поведение мужчины. Но со временем его представления о себе меняются. Смена менталитета происходит в течение нескольких лет. Мужчины упражняются в искусстве пения, танца и композиции, чтобы заслужить благосклонность придворных дам. Они носят более изящную одежду, об-

заводятся носовыми платками, осознают необходимость и пользу мытья, отгачивают мастерство остроумных бесед».

У младших отпрысков знати появилась возможность праздной жизни при больших дворах, где они неизбежно испытывали влечение к женщинам, на которых им никогда не удастся жениться. Любовь расцветала там, где устанавливался феодальный порядок, который обеспечивал праздность и достаточное материальное благополучие. А уж они благопритствовали новой игре, идеально соответствующей новой задаче общества — привить мужественности утонченность и культуру.

Видные трубадуры и жонглеры собирались ко дворам владетельных дам, чтобы показать свое искусство: Аймерик де Пегильян, Арно (Арнаут) де Каркассэ, Гийом Фабр и Бернарт Аланхам воспевали любовь и чувственные радости жизни.

Поэты славили дворы графов Тулузских, сеньоров Монпелье, правителей Родеза, виконтов Нарбоннских и Прованских. Эпопея рыцарских чувств наполнялась нежностью, люди в высших феодальных слоях приобретали вкус к развлечениям ума, начинали ценить книги и сами сочинять. Образовывались блистательные кружки молодых просвещенных мужчин и женщин, где обсуждались вопросы галантности и любовной казуистики, где создавался особый культурный настрой интеллектуальной элиты Юга.

Поэзия и куртуазная любовь в обществе элегантно и блестящем восхвалялись как замечательное интеллектуальное достоинство.

Эрменгарда, правительница Нарбонны, большая ценительница поэзии, оказывала всемерное покровительство трубадурам, которые без устали воспевали красавиц и ее в первую очередь. Аделаида Безьерская устраивала беско-

нечные пиры и празднества при своем дворе, прекраснейшем в землях Ока.

Куртуазная идеология, по-видимому, сложилась под влиянием настроений самой многочисленной и необеспеченной части дворянского сословия — младших сыновей известных родов, мелких рыцарей, кондотьеров и пр. К этой группе примыкали молодые образованные горожане, купцы, ремесленники и даже свободно мыслящие клирики.

Ни одна страна в то время не славилась большей свободой и терпимостью, чем Романья. Любые мнения можно было выражать вслух, все вероисповедания были уравнины в правах, а классовых противоречий практически не существовало. До наших дней дошел перечень условий, при которых простой человек мог стать шевалье.

Придворное вежество, именуемое куртуазией, стало знаменем социальной элиты, вытесняя аскетическую доктрину раннего Средневековья. *Gai saber* — «веселая наука» — объединяла и вельможу, и трубадура, и горожанина. В этой науке слово «радость» обозначало помимо прямого смысла также «утеху», «веселье», «счастье», «пользу», «приятность». Трубадур ставит его в центре любви, и эта «радость» могла быть как духовной, так и более земной. Лучший способ добиться признания в поэзии и в любви — ухаживать за дамой, соблазнять ее, хвалить, чествовать, льстить, служить, воспевать и т.д. Поскольку женщины пользовались в окситанском обществе большим влиянием, на этой почве возникло так называемое «служение даме».

Культ Прекрасной Дамы зарождался с особого поклонения Деве Марии. В ее честь возносились горячие молитвы, слагались стихи. Она именовалась «кроткой Дамой небес», «небесной королевой», ее изображения на иконах облакались в драгоценные одежды, увенчивались короной.

Такое поклонение Богородице возвеличивало в свою очередь и земную женщину. Земная любовь к ней получала все более возвышенный, более духовный характер и окрашивалась особыми поэтическими тонами. Окружая почитанием какую-либо «даму сердца», рыцарь, в сущности, служил не ей, а какому-то отвлеченному идеалу красоты и непорочности, который он создавал в своей душе.

По установившимся взглядам того времени, рыцарь и не должен был стремиться к разделенной любви, дама сердца должна быть для него недосыгаемой, недоступной. Такая любовь, как считалось, служила источником всяческой добродетели и входила в состав рыцарских заповедей. «Редкие достигают высшей добродетели, храбрости и доброй славы, — гласило одно из поучений, — если они не были влюблены».

Ритуализированное почитание женщины удовлетворяло неутоленную потребность мужчины в чувстве симпатии — результат системы брака, которая совсем не заботилась о любви.

Ухаживать за дамой — это значит хорошо о ней отзываться, показывать себя любезным и учтивым. Учтивый влюбленный хвалит в своей даме такие качества, как вежливость, приятность, образованность, приветливость. Достоинства дамы, воспеваемые поэтом, включают в себя благородное происхождение — она дворянка из хорошей родовой семьи, — доброту, красоту, любезность, мягкость, молодость.

Но и сам трубадур должен иметь ценимые дамами качества. Он надежен, верен, постоянен, правдив, сердечен, скромн, подчиннен, покорен... или, по крайней мере, пытается быть таким.

Многие люди, которые жили позже трубадуров, считали, будто сама куртуазная лирика была изобретена могущественным герцогом Гийомом Аквитанским. Противники этого утверждения полагают, что знатный сеньор всего лишь оказался первым поэтом, творчество которого было записано.

Рядом с трубадуром, создателем произведения, почти всегда находился жонглер — исполнитель длинных поэтических текстов. Жонглеры не занимались высоким искусством стихосложения, а использовали поэзию и музыку как ремесло. Жонглер танцевал, кувыркался, прыгал через обруч, подражал пению птиц, бегал и прыгал на высоко натянутом канате и вообще исполнял роль шута и паяца. В обязанности жонглера входило также умение дрессировать животных и демонстрировать различные фокусы. Назвать трубадура жонглером значило нанести намеренное оскорбление. Жонглеры пользовались куда меньшим уважением, чем трубадуры.

Именно во времена трубадуров поэзия стала королевой европейской словесности. Пора прозы еще не пришла, а души человеческие нуждались в красоте, как цветы в солнечном свете.

Истинные дети природы, трубадуры расцветали весной и плодоносили весенними песнями, полными радости и буйства чувств. Эти песни так и назывались — «весенние запевы» и, разумеется, славилась любовь. Как правило, объектом любви выступала знатная замужняя дама. Отношения между влюбленным и его возлюбленной были подобны отношениям между сеньором и вассалом. Стремление к даме бесконечно: его цель не обладание любимой, а трудное, но радостное духовное совершенствование.

В феодалных кругах Южной Франции женщины имели довольно большую свободу. Согласно древним римским законам они могли наследовать фамильные владения и выступать в роли феодалных сеньоров, окруженных толпой придворных. Все, что основывалось понятиями «кровные узы», «семья», «династия», «страна», было связано с женским началом. Женщина занимала более высокое положение, чем потом, в более поздние времена, и была значительно раскрепощеннее, чем в то же время на севере Франции. Знатные дамы Юга весьма благосклонно относились к куртуазной поэзии, возносившей их на пьедестал. Эта атмосфера всеобщей легкой влюбленности формировала нравы.

Развлечения при дворе крупного сеньора были традиционными и включали кости, шахматы, гадания; популярностью пользовалась игра в мяч. Дамы разделяли забавы рыцарей своего окружения и не хуже их владели приемами всех этих игр. Если позволяла погода, все общество участвовало в конных выездах и охоте, одинаково любимых как мужской, так и женской частью двора. Все дамы владели искусством вышивки, умели играть на музыкальных инструментах и петь нежные песни; весьма ценилось умение грациозно танцевать.

И мужчины, и женщины немало времени уделяли своим нарядам. Невнимание к своей внешности, неряшливость или нечистоплотность могли послужить причиной изгнания из общества.

Рыцарь продолжал оставаться воином, однако он не просто носился целыми днями, не слезая с коня и щеголяя грубой силой, но приобретал придворное изящество. Этикет требовал от него, чтобы наряду с традиционной доблестью он обладал изящными манерами, соблюдал во всем «меру», почитал прекрасных дам и был приобщен к искусству.

Около 1184—1186 гг. Андреем Капелланом был написан знаменитый трактат «О любви» — единственное в своем роде сочинение, где изложена этика куртуазной любви. В книгу вошли высказывания на эту тему самых знаменитых женщин эпохи¹: семь принадлежали Марии, графине Шампанской, три — английской королеве Алиеноре Аквитанской, два — Изабелле Вермандуа, три — королеве Франции Адели Шампанской, пять — Эрменгарде Нарбоннской.

Согласно законам куртуазности, дама должна быть неприступной владычицей, недостижимым божеством — словом, неземным созданием. Ей можно только поклоняться издалека и проливать слезы умиления, которые, впрочем, скоро высыхали, стоило трубадуру вернуться к семье и заняться добыванием хлеба насущного.

Однако женщины не желали оставаться лишь созерцательницами и нередко становились активными участницами дуэта любви. Знаменитая Эрменгарда, виконтесса Нарбоннская (1143—1192), была одной из таких женщин, одинаково способных предводительствовать в военной экспедиции и обсуждать государственные дела, покровительствовать поэтам и писать любовные стихи. Не сохранилось ее творений, зато остались на века стихотворные строки о ней: «Правит донна всей Нарбонной... добра, мила, проста».

Ее воспевали не только южане, что можно было бы расценить и как желание подольститься.

Во время Первого крестового похода, направляясь на помощь христианским войскам, Ренгвальд Кали, знамени-

¹ *Алиенора*, герцогиня *Аквитанская*, в первом браке супруга Людовика VII Французского, во втором — Генриха II Английского, мать Марии Шампанской, тетка Изабеллы Вермандуа. *Адель Шампанская* — третья супруга Людовика VII.

тый оркнейский ярл, остановился в Нарбонне. В «Оркнейской саге» рассказывается о впечатлении, произведенном на него Эрменгардой, когда однажды на пиру она вошла в зал в сопровождении своих дам. Его сразу, как громом, поразила ее красота. «Она несла в руках кубок, была одета в прекраснейшие наряды и распустила волосы, как девушка, перехватив их золотой лентой». Могучий северный воин импульсивно вскочил, взял ее за руку и произнес (наверное, на родном языке) одну из своих вис¹:

Действительно, твои волосы, умная Билль, более
Прекрасны, чем у других, увитых
Золотом жен.

Жепщина позволяет упасть на плечи своим
волосам —

Я обагрил когти жадного

Орла — золотым, как шелк.

«И долго еще оркнейцы испытывали тоску по Эрменгарде Нарбоннской».

Сохранили бы восхищение уctивой красавицей лишь недавно обращенные в христианскую веру северяне, узнай они о том, что виконтесса Нарбоннская привечает еретиков-катаров и во многом разделяет их верования?

До наших дней дошли лирические, но очень энергичные песни графини де Диа, адресованные трубадуру Рембо Оранжскому (Раймбауту Оранскому). Беатрис де Диа, предположительно супруга Гийома де Пуатье, горько и необыкновенно красноречиво упрекает возлюбленного в

¹ *Виса* — оригинальная форма древнескандинавской поэзии, строфа с внутренне регламентированными рифмами.

холодности и измене. За силу открыто явленного в стихах чувства ее принято называть «Провансальской Сапфо».

Любовная лирика заняла одно из самых видных мест в литературе Средних веков. Католическая церковь еще сохраняла власть над умами верующих, но уже стали появляться очаги религиозной крамолы. В начале XII в. возникли первые частные школы, не связанные непосредственно с церковными организациями и поэтому более свободные в своих начинаниях. В них изучались греческий, арабский и еврейский языки. В Люнеле и Нарбонне ученики знакомились с древней иудейской наукой — каббалой¹.

Именно в стенах подобных школ протекала деятельность одного из наиболее выдающихся философов-вольномыслителей Средних веков — Пьера Абеляра. Он одним из первых понял, что не только жития святых, но и человеческая жизнь заслуживает интереса, и создал «Историю моих бедствий»². Он описал крушение своей жизни, в чем духо-

¹ *Каббала* — это специфическое еврейское эзотерическое и символическое толкование библейских текстов. Но на языке оккультизма этот термин стал синонимом метафизического действия, мистического опыта, в ходе которого сознание подвергается циклу испытаний и превращений, действия, которое можно найти также, например, в индийских религиях, буддизме и даосизме и в некоторых формах йоги и дзена. Каббалистический опыт включает серию ритуалов, которые поэтапно ведут посвященного к более высокому уровню сознания и знания. Эти этапы могут быть по-разному воспроизведены, но они скрывают одну и ту же единственную реальность.

² Пьер Абеляр, родом из Бретани, родился в благородной семье. Он отказался от наследства в пользу младшего брата и избрал духовное поприще. Прославился необыкновенными способностями в области философии и теологии. В центре этики Абеляра — утверждение полной моральной ответственности человека за свои поступки — как добродетельные, так и греховные. Парадокс заключается в том, что, выбрав духовный путь, предполагающий безбрачие и целомудрие, он полюбил Элоизу. Она воспитывалась в монастыре Святой

венство усмотрело еретические идеи: возрастающее самосознание личности и хвалу человеческому, а не божественному разуму. Ставя человеческое сознание выше предания и мертвой догмы, Абельяр с уважением отзывался об античных философах, которые для него олицетворяли истинную мудрость и по своему нравственному благородству далеко превосходили представителей современного католического клира. Воззрения Абельяра дважды осуждались господствующей церковью как еретические.

Среди трубадуров встречались и люди скромного происхождения, лишенные сословных привилегий, и могущественные знатные сеньоры. Однако преобладали служилые рыцари, тесно связанные с аристократическими дворами — центрами новой куртуазной культуры. Часто, чтобы возвыситься из своего незаметного состояния, достаточно было цветисто прославлять господина и его супругу. Не важно, что сеньор тучен и осторожен в бою, а его жена криклива и глуповата, — в стихах трубадура господин — сам бог Марс, госпожа — Венера. Но даже такие стихи «на случай», раболепные подобострастные восхваления людей, от которых зависел стихотворец, возмущали косные умы. Блаженный Августин называл поэзию «вином заблуждений», а святой Иероним — «пищей демонов».

Марии, который давал женщинам блестящее, небывалое для женщины тех времен образование. Элоиза не была обыкновенной девушкой, и дядя и опекун епископ Фульбер демонстрировал ее как чудо света. Он счел полезным нанять 16-летней Элоизе учителя, которым стал Абельяр. По-видимому, его 40 лет считались возрастом, когда страсти угасли. Но между учителем и ученицей возникло большое чувство. Оскорбленный Фульбер приказал оскопить философа. Теперь тому была закрыта церковная карьера. Но общее сочувствие к несчастьям ученого заставило сделать для него исключение, и его школа вновь стала центром публичного обсуждения богословских проблем.

Многие считают практически установленным, что красивую сказку о Святом Граале выдумали, а может быть, всего лишь приукрасили трубадуры. Галантные певцы подчеркивали, что в числе оберегающих святыню должна присутствовать необыкновенная харизматическая женщина — Хранительница. Но, может быть, и эта сказка, как любая другая, содержит зерна истины? Ведь именно сказания об осаде Трои подсказали Шлиману, где искать место для раскопок.

В теплое время года трубадуры странствовали от одного именитого двора к другому. Те, кто мог себе это позволить, путешествовали в обществе жонглера, полуприятеля-полуслуги. Они навещали старых покровителей и искали более могущественных. Когда же погода портилась, трубадуры возвращались на родину, чтобы переждать непогоду и сочинить новые песни, ожидая весны и готовясь к следующему путешествию

Не только придворные певцы, но и знатные сеньоры в прочувствованных строфах описывали свои переживания и надежды — так, тяжело заболев, герцог Гийом Аквитанский сочинил такие строки:

А я в содеянных грехах
Пред всеми каюсь. Жалкий прах
В молитвах и в простых словах
Взываю ко Христу: прости!

Я ради наслаждений жил,
Но Бог предел мне положил,
А груз грехов, что я свершил,
Мне тяжек стал в конце пути¹.

¹ Здесь и далее стихи приводятся в переводе В. Дынник.

Любовная лирика в провансальской поэзии — это наряду с весенними запевами романсы — небольшие лирико-эпические произведения; любовные послания; альбы — утренние песни; серены (серенады) — песни вечерние. Любовь трубадуров явилась своего рода бунтом человеческих чувств против злобы, глупости, суеверия, невежества в мире, где сословие поглощало личность. Однако и в этой, казалось бы, частной, интимной сфере трубадуры ухитрились согрешить против устоев католической церкви. Кощунственное использование религиозных образов и выражений рассматривалось как один из тяжких проступков. В произведениях вольнодумцев часто присутствовали святотатственные заявления: например, что дама лишится «райского блаженства» за отказ в «милостях любви»; или что ради любви избранницы поэт готов претерпеть «адские мучения». Чувство любви в стихах трубадуров ставилось выше интересов религии и часто бесцеремонно смешивалось с ними.

До наших дней дошла тенсона Марии де Вентадорн из знаменитого рода Тюреннов, в которой она, якобы споря с одним известным трубадуром, утверждает, что любовь — выше знатности.

Азалаида де Поркайрагес, родовитая лангедокская дама, в прелестном стихотворении «Вот и зимняя пора...» очень изысканно говорит о чувствах и тоже высказывает довольно смелую для своего времени мысль, что любовь и преданность дороже, чем знатность и богатство.

Донны — всех безумней донн,
Если сердце им избрало
Тех, кто властью облечен
Выше скромного вассала.

Мысль Овидия проста:
Власть и нежность — не чета.
Я смеюсь над чванной донной,
Только титулом плененной.

От такого заявления недалеко до отрицания иерархии церковной и — страшно подумать! — земной.

Безымянный монах из Монтаудона совершенно по-своему обращался со священными понятиями: «Давеча я в рай ходил...» или «Я к Господу как-то попал...». В лирических порывах южных певцов постоянно прорывалось если не равнодушие, то, по крайней мере, непочтительное отношение к религии.

«Прекрасная Дама, мне кажется, я созерцаю Божество, когда вглядываюсь в твоё прекрасное тело!» — восклицал трубадур Пейре Видаль.

Пейре Карденаль заявлял без всяких околечностей:

Хоть клирик ядовит
И злобою смердит,
А в пастыри глядит, —
Он за одежды чтим.

Могло ли понравиться католическим священникам подобное кощунство?

Любовная лирика была основной, но не единственной темой творчества окситанских поэтов. В их произведениях присутствовали сирвенты — стихотворения на злобу дня, затрагивающие общественно-политические темы; тенсоны — поэтические столкновения мнений, спор с реальным или вымышленным собеседником по наболевшим вопросам. Своими сирвентами, плачами и тенсонами трубадуры охотно откликались на бурные события современности.

Хуле и осмеянию часто подвергались представители католического духовенства и сам папский престол:

Рим, ты виноват
В потере Дамиетты¹.
Нам бедой грозят
Всегда твои советы.
Алчный пустосвят,
Лишь помнишь о себе ты.
Да низвергнет Бог
Пышный твой чертог!
Низость и порок —
Вот, Рим, твои приметы.
Глуп ты и жесток.

Гийом Фигейра

Ему вторит Пейре Карденаль:

Поп правит без парада,
Но поп неодолим,
Нет с этим вором слада.
Поповский трон — амвоц,
И под церковный звон
Даятель обольщен,
А поп обогащен.

¹ *Дамиетта* — важный торговый город и стратегический пункт в Египте. По настоянию папского легата Пелагия, не дожидаясь подкреплений и не прислушиваясь к предостережениям, армия крестоносцев двинулась на дальнейшие завоевания, была отрезана от Дамиетты и понесла огромные потери. Французский король Людовик IX за свое освобождение из плена вынужден был вернуть город мусульманам.

Церковные власти и суровые северные короли не уставали клеймить «бесстыдные любовные песни», «дьявольские любовные песни, распеваемые в деревнях женщинами». Действительно, в культурной, вселой Окситании беспечные южане были скорее язычниками, чем христианами. Они весело воспевали свои грехи, вместо того чтобы горько их оплакивать. Ссверяне обвиняли южан в бесшабашном разгуле и сладострастном разврате.

Многие трубадуры были катарами — верующими. В замке трубадура Гийома де Дюрфора в Фанжо проживала община Совершенных. Катарское учение исповедовал известный поэт Мир Бернат де Лорак. Раймон де Мираваль был клириком, но однажды повесил сутану на гвоздь и пошел с лютней по дорогам Прованса, славя жизнь и любовь. Он обожал Аделаиду Тулузскую, а после ее смерти воспевал еретичку Аделаиду де Буассессон. Трубадур Аймерик де Пегильян к концу жизни стал Совершенным и умер в Ломбардии. Трубадур Саварик де Маллсон сражался под знаменами Раймунда VI. Трубадур Юк де ла Балариа родился в семье архитектора, строившего Монсегюр. Сын трубадура Пейре Видаля погиб при защите Монсегюра.

Так что эти куртуазные песнопевцы не только брэнчали на музыкальных инструментах и распевали чувствительные песенки. Они могли стать опасными врагами на политическом или религиозном диспуте и на поле боя.

Сказать, что все трубадуры принимали альбигойское учение или сочувствовали ему, было бы преувеличением. Некоторые из них оставались добрыми католиками. Широко известный Бернар де Вентадур, скорбя о смерти Раймунда V, к которому был сильно привязан, ушел в католический монастырь. Другие находили себя в гонениях на собратьев по перу. Исарн, трубадур и инквизитор, изре-

кал только общепризнанные истины. Он утверждал, что ни один из верующих не может быть обращен в ересь катаров или вальденсов, если рядом с ним будет хороший духовный наставник. Инквизитором стал и Раймон Костиран, не снижавший большой славы на ниве стихотворства.

Но самую большую известность как гонитель еретиков получил трубадур Фолькет Марсельский. Он родился в портовом городе Марселе в семье богатых торговцев. Молодой человек обладал красивой внешностью, получил хорошее образование и удачно женился, но коммерция его не привлекала. Начав творческий путь при дворе виконта Барраля I де Бо, он прославился как автор множества стихов и девятнадцати лирических поэм, посвященных в основном графине Монпелье Евдоксии Константинопольской. Воспевая «ад и страсть» своего чувства, он приобрел большую известность. Его привечали Раймунд V и Ричард Львиное Сердце, он был в приятельских отношениях с Раймундом VI.

Неожиданно стало известно, что Фолькет удалился от мира и принял монашество в католическом монастыре Фонфруад. Его жена также стала монахиней.

Впоследствии Фолькет Марсельский сыграл роковую роль в судьбе Тулузы и графа Раймунда.

И все-таки трубадуры, представляющие аристократическую музыкально-поэтическую этику Лангедока, повсеместно определившие развитие европейской придворной культуры, чаще всего горячо сочувствовали катарам и впоследствии разделили их участь. Более того, когда в наше время говорят о созданной катарами широко разветвленной сети агентов влияния, обычно имеют в виду именно этих веселых бродячих музыкантов. Существует мнение, поддерживаемое рядом современных исследователей творчества

трубадуров, что, воспевая любовь — Апог (при прочтении наоборот — Рома), они на самом деле в иносказательной форме клеймили пороки Рима. При всей искусственности такого предположения оно тоже имеет право на существование.

Вклад трубадуров в развитие средневекового общества огромен. Но одна из самых больших заслуг свободных песнопевцев заключается в том, что их творчество обогатило мировую культуру прекрасным и возвышенным образом недостижимого Святого Грааля.

СТРАСТИ ВОКРУГ ГРААЛЯ

Так что же такое Грааль, легенда, сказка, придуманная трубадурами, или действительно существовавший сакральный предмет?

Святой Грааль описывался в виде блюда, потира, тарелки, чаши или камня. И все же в сознании всего христианского мира Святой Грааль — это чаша Тайной вечери, в которую собраны капли крови Спасителя.

На языке ок grael означает «чаша», а латинское слово *gradua* — «богослужбная книга».

Первая легенда, в которой мы находим следы Грааля, — древнеирландское сказание о детях богини Дану. Спустившись с неба, чтобы хранить род людской, дети Дану принесли с собой волшебные котел, камень, копье и меч. И пока эти четыре реликвии бережно охранялись, избранный богами народ жил в довольстве и счастье. Меч и копье помогали обороняться от любого врага, котел же и камень давали вечное изобилие и помогали добиваться благородных целей всем, кто касался их.

При неясных обстоятельствах реликвии были утрачены.

Древнейшее сохранившееся упоминание о чудесной чаше содержится в житии святого Лаврентия. Они основываются на свидетельствах того, что Грааль в числе других христианских святынь в 258 г. во время гонения на христиан императора Валериана был вверен папой Сикстом II заботам дьякона Лоренцо (Лаврентия). Он переправил его в Испанию, в город Уэску, где жили его родители. По видимому, те укрыли реликвию так хорошо, что следующие несколько сотен лет о ней не было ни слуху ни духу.

Следующий рассказ о Граале появился в книге Талиесина (*валл.* «Сверкающее чело», или «Сверкающая бровь»), поэта VI в., писавшего на валлийском языке. Он считался волшебником, бардом и первым из смертных, обладавшим даром прорицания. Талиесин рассказал, как вождь Артур ездил за Граалем в преисподнюю и привез его на землю, где тут же вновь наступило счастливое время. Грааль продолжал даровать изобилие и помогать людям в достижении возвышенных целей.

В VIII в. рассказ о почитании чаши появляется в записках паломника, которому в Иерусалиме показали некий серебряный сосуд, пояснив, что это и есть Грааль. В IX в. артефакт уже в Египте: Бернгард фон Верден сообщал императору Лотарю II о «великолепном gradale из Александрии» как о блюде или чаше.

Карл Великий (ок. 742—814) предположительно получил в дар от римского первосвященника тарель — неглубокое широкое каменное блюдо, инкрустированное восемью золотыми рыбками, которое обычно использовали при евхаристии. Середина тарели была выполнена из серпентина — темно-зеленого камня.

По повелению короля Карла Лысого (823—877) тарель была вставлена в золотую оправу, инкрустированную изумрудами, аметистами, лунным камнем, гранатом, сапфиром, жемчугом, цветным стеклом. Центральная окружность составлена из двенадцати мелких самоцветов, двенадцати жемчужин и двадцати четырех каменных сердечек. По большой орбите расположены двенадцать крупных самоцветов и двенадцать жемчужин, перемежающихся трилистниками и геральдическими лилиями. По краю тарели в золотые полоски вкраплены гранаты. Карл Лысый передал реликвию аббатству Сен-Дени, где уже хранились реликвии Иоанна Крестителя и святого Петра, трон короля Дагоберта, скипетр и меч Карла Великого и другие священные предметы.

Сейчас тарель выставлена в Национальной библиотеке Франции в Париже.

В Средние века самые различные сосуды выдавали за Священную Чашу. Говорили о серебряном потире в часовне под Иерусалимом. Один из самых добросовестных и осведомленных хронистов Средневековья Вильгельм Тирский упоминал о зеленом кубке, вывезенном из мечети в Кесарии около 1101 г. Сначала считалось, что он сделан из изумруда, теперь выяснилось — из египетского стекла.

Первые беллетризованные рассказы о Святом Граале появились при дворе графа Филиппа Эльзасского. Граф, желая угодить жене, любившей слушать красивые песни и стихи, пообещал триста серебряных марок тому трубадуру, чья благочестивая поэма заставит заплакать очаровательную графиню Изабеллу Вермандуа. Слезы из ее прекрасных глаз потекли, когда она слушала вдохновенные стихи о чаше крови Господней, которые прочитал Кретьен де Труа.

Кретьена прославили переводы классических легенд с греческого и латыни, а позднее он направил свое искусство на сочинение цикла сказаний о великих рыцарях. Ему якобы подарил некую книгу его покровитель граф Филипп Эльзасский. В книге была легенда о Парсифале (или Персивале), юноше, выросшем в лесу, непорочном и мечтательном. О таинственном замке, который является лишь тогда, когда действительно нужен, — во всех последующих произведениях он отделен от мира водой, бесконечным полем или наиболее древним и интересным мостом — лезвием. В романе есть увечный король-рыбак, правитель полуразрушенной, несчастной страны, которого позже назовут потомком Иосифа Аримофейского. Спасти его можно, лишь задав вопрос, который, боясь за свою честь (рыцарь не должен задавать лишних вопросов), Персеваль не задаст. И конечно же, сам Грааль, «проливающий чудный свет, не сравнимый со светом звезд и со светом солнца, свет, проникающий в самую душу». Его появление сопровождается процессией прекрасных дев в белых одеяниях, несущих сопутствующее чаше копьё, с которого всегда капает кровь, серебряное блюдо и сломанный надвое меч.

В романе Кретьена де Труа почти нет намеков на магию. Замок спрятан в лесу, поэтому его трудно найти, король-рыбак ранен в честном бою. Волшебство появляется почти незаметно, приоткрывая дверь в древний и неразгаданный сказочный мир.

Современному читателю мало о чем говорят эти предметы. Между тем «рыба» трактуется как символ ранних христиан; «кровоточащее копьё» — копьё Лонгина, которым центурион поразил в бок Иисуса; «меч» — оружие стражников. Грааль сделан из чистейшего золота и драгоценных

камней, «самых превосходных и дорогих, какие только бывают на земле и в море».

Чтобы увидеть Грааль, нужно было стать достойным его; Грааль открывался не всем. «Природа Грааля была такова, что каждый, кто о нем заботился, должен был быть человеком совершенной чистоты и воздерживаться от всякой вероломной мысли», — писал Кретьен.

После кончины графа Фландрского в 1191 г. последовала подозрительная смерть Кретьена де Труа. В совпавшем с ней по времени пожаре исчезла рукопись с окончанием романа. Однако неоконченное творение уже пошло по рукам. Оно не только волновало души читавших; поднятая из глубин прошлого, так и неразгаданная загадка Священной Чаши заставляла все новых и новых авторов браться за перо, предлагая свой ответ.

Вскоре последователи Кретьена объявили Грааль волшебным источником благодати, хотя у него он — лишь загадочный сосуд, значение которого неизвестно.

Тему Грааля продолжил развивать Робер де Борон, небогатый рыцарь из Бургундии, в поэме «Иосиф Аримафейский», или «Романе об истории Грааля». О Бороне известно, что он служил у графа Готье де Монбельяра, участника Четвертого крестового похода, впоследствии регента Кипрского королевства, и сопровождал его в Святую землю.

Де Борон взял за основу роман Кретьена де Труа, евангельские описания Тайной вечери, апокрифическое евангелие от Никодима и отождествил таинственный Грааль с сосудом, которым пользовались Иисус и его ученики во время Тайной вечери. Перо Робера де Борона вписало эту мистическую реликвию в христианскую традицию. Так появился самый известный в наше время образ Грааля.

В произведении де Борона рассказывается, что член синедриона богатый человек Иосиф из города Аримафея явился к римскому прокуратору Понтию Пилату, чтобы выпросить тело распятого Христа. С помощью Никодима он снял тело Иисуса с креста, и из раны, нанесенной копьем центуриона, снова потекла кровь. Иосиф, взяв чашу, из которой пил Спаситель в свой последний вечер, и собрал в неё кровь тела Господа. Затем Иосиф, сам тайный ученик Иисуса, обернул тело Учителя плащаницей и положил его в высеченную в скале гробницу, которую приготовил для себя неподалеку от Голгофы. Его обвинили в похищении тела и бросили в темницу умирать с голоду. Там Иосифу явился Иисус и вручил ему сосуд с драгоценной кровью. Многие годы Иосиф провел без еды и питья, чудесно питаемый из чаши Грааля.

В XIII столетии Александр Галес изобрел, а Альберт Великий и Фома Аквинский развили и усовершенствовали знаменитое учение о сокровище благодати. По их словам, одной капли крови Христа было достаточно для искупления грехов всего мира. После его смерти остался неисчерпаемый запас благодати, который еще увеличился заслугами святых, поскольку они совершили гораздо больше подвигов, чем было нужно для их личного спасения. Папа как наместник Христа вправе распоряжаться этим открывающим рай запасом.

В произведении Борона Грааль исцеляет императора от проказы, что под силу только доброму волшебству. Быть может, неиссякаемый Грааль и рассматривался как хранилище благодати? Тогда становится понятно стремление церкви единолично владеть реликвией и даровать благодать по своему усмотрению.

После освобождения из темницы Иосиф собрал вокруг себя общину единомышленников, и все вместе они отправились в дальние края. Чаша всегда пребывала с ними.

По преданию, подхваченному де Бороном, Иосиф Аримафейский прибыл в Европу, затем пересек Галлию, переправился через пролив и высадился в Англии, где поселился в Гластонбери и основал монастырь. В нем и сохранилась легенда о принесенном Иосифом чудесном сосуде и созданном для него знаменитом Круглом столе, который стал прообразом Круглого стола короля Артура. Удивляет, что в откровенно антисемитском «Романе об истории Грааля» в роли героя выведен иудей.

Вместе с Иосифом Аримафейским члены его семьи, позднее названной «семья Грааль», — сначала сестра Энигия со своим мужем Броном, затем сыновья — стали первыми Хранителями Чаши. В многочисленных романах о Граале рассказывается о приключениях Хранителей и об ударах судьбы, постигших их преследователей.

Именно Робер де Борон указал, что Священный Грааль должен иметь трех хранителей.

Используя тему Грааля, Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — ок. 1220), человек большой культуры (хотя сам утверждал, что не знает грамоты), самый значительный немецкий миннезингер Средневековья, создал поэтический эпос «Парцифаль», полный и совершенный стихотворный роман о загадочной реликвии. И современники, и потомки считали творение Эшенбаха непревзойденным шедевром. Сохранилось более восьмидесяти списков романа.

Вольфрам фон Эшенбах ставил в вину Кретьену де Труа легкомысленное отношение к тем сакральным сведениям, которыми судьба дала ему шанс воспользоваться. Сейчас уже невозможно установить, откуда Вольфраму стало из-

вестно, что Кретъен якобы был посвящен в действительную историю Грааля неким провансальским ученым по имени Киот. Находясь в Толедо, который в то время принадлежал маврам, любознательный провансалец в одном из забытых хранилищ наткнулся на старинный арабский манускрипт, сразу поразивший его воображение. Он попал под власть странной силы, исходящей от свитка, которая отныне управляла ученым и подвигла Киота выучить арабский язык, чтобы он мог постичь сокровенные знания. Старания стоили того: рукопись оказалась притчей о Граале, написанной мусульманским астрономом Флегетанисом, потомком царя Соломона, весьма уважаемым за ученость. Флегетанис умел предсказывать исчезновение каждой звезды и момент ее возвращения; он утверждал, что все земные события определяются движениями светил. Изучая созвездия, астроном открыл глубокие тайны, о которых говорил с трепетом. Он заявлял, что существует волшебный предмет, именуемый Граалем. Это имя он ясно прочитал по звездам. Войско ангелов положило Грааль на землю. С тех пор о нем должны были заботиться люди, ставшие христианами, такие же чистые, как ангелы.

Можно предположить, что эти сведения баварский миннезингер почерпнул из бесед с Гиотом де Провеном, монахом и трубадуром из Прованса. Тот писал любовные песни, сатирические стихи, направленные против церкви, и хвалы ордену Храма, горячим приверженцем которого являлся. Известно, что в Троицын день де Провен ездил в Майнц, по случаю посвящения в рыцари сыновей императора Фридриха Барбароссы. На церемонию съехались поэты и трубадуры со всего христианского мира, и именно здесь юный Вольфрам фон Эшенбах имел возможность познакомиться с Гиотом и поговорить с ним о столь занимавшем его пред-

мете. Основываясь на общности интересов и сходстве имен (Гиот—Киот), можно предположить, что Эшенбах получил из первых рук ту же историю, что некогда Кретьен де Труа, но осмыслил и интерпретировал ее по-своему.

Взяв за основу рассказанное Гиотом, собирая по крохам разрозненные сведения, быть может, облеченные в символическую форму, перебирая в уме все известное ему о Граале, Эшенбах сочинил, а потом надиктовал роман. Но у него Грааль — это магический камень, упавший с небес. Он назвал Грааль *lapsit exillis*. В романе рассказывается, что, когда Люцифер затеял войну на небесах, некоторые ангелы предпочли соблюдать нейтралитет. Разгневанный Бог послал их на землю стеречь Грааль. Вольфрам фон Эшенбах не знает, простил или погубил Господь этих ангелов, ему известно лишь одно — Грааль перешел под охрану простых смертных, избранных Богом.

Как указывают Саймон Кокс и Марк Оксбрау, вокруг названия, данного камню Эшенбахом, среди медиевистов разгорелась серьезная полемика. *Lapsit exillis* можно перевести как «маленький, пустяковый камень» и как «камень, прилетевший со звезд». Высказывалось предположение, что камень Вольфрама — метеорит, то есть камень, действительно упавший с неба. Небольшие черные камни, как полагают — фрагменты метеоритов, часто находили в Провансе. Если их смочить, они «кровоточили» красным светом. «Кровоточащие» камни обладали некоторыми целительными свойствами.

Но чаще Грааль Вольфрама рассматривают как небольшой алтарный камень, который прикрывал вход в вырубленную в скале гробницу Спасителя. Известно, что из всех дошедших до нас религиозно-философских символов самым таинственным является камень.

Такие разночтения объясняются тем, что Грааль в романе детально не описан. Однако автор, разжигая воображение слушателя или читателя, дает понять, что Грааль совершеннее всего земного и в нем заключены «все наслаждения Царства Небесного; в нем все самое истинное и сущее, что есть на этом свете».

Нет такого больного, который перед этим камнем не получил бы гарантию избежать смерти в течение всей недели после того дня, когда его увидел. Кто видит камень, тот перестает стареть. Начиная с того дня, когда камень появился перед ними, все мужчины и женщины принимают тот вид, какой они имели в расцвете своих сил... Этот камень дает такую мощь человеку, что его кости и плоть тут же находят вновь свою молодость. Смерть над ними не властна.

Но благое действие чаша распространяет только на тех, кто чист душой. Напротив, недостойные, приблизившиеся к святыне, заболевают, гибнут в муках.

Не отсюда ли произошла вера в мистический философский камень, дарующий бессмертие?

Стражами Грааля могли стать лишь избранные. При этом рыцари, служащие Граалю, должны были не только беречь его тайну, но и скрывать имена тех, кому выпала честь стать его Хранителями. Сами Хранители-мужчины не называли свое имя, чтобы не навредить Граалю. Среди Хранителей непременно должна присутствовать женщина. У Вольфрама это Репанс де Шой («Не знающая гнева»). Женщины не обязаны были держать в тайне свое имя и происхождение.

Когда юный немецкий миннезингер беседовал с провансальским поэтом, тот был уже далеко не молод. Можно предположить, что второго шанса встретиться и поговорить о Граале и его Хранителях судьба им не предоставила. Возможно, поэтому у Эшенбаха не соблюдается хроноло-

гия и лишь приблизительно и неточно указана генеалогия героев. Это особенно заметно в его последнем романе «Титурель».

Одна из последующих разработок сюжета о Граале — роман Альбрехта фон Шарфенберга «Младший Титурель», созданный на основе незаконченной работы Вольфрама фон Эшенбаха во второй половине XIII в. и посвященный истории «королей Грааля». Автор сделал попытку развернуть в самостоятельный эпос побочную линию «Парсифаля» и собрал воедино известные сведения о семье Грааль. Наконец, определяется относительно точное расположение замка, где он хранится, — это Пиренси. Благодаря Альбрехту на авансцену выдвигаются новые герои. Во французской литературе это Ланселот и его сын Галахад¹ (прозаический цикл «Повесть о Ланселоте Озёрном», или «Ланселот-Грааль»; «Поэма о святом Граале» — первая половина XIII в.). В немецкой — сын Персеваля Лоэнгрин (поэма Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем»; анонимная поэма «Лоэнгрин», тоже относящиеся ко второй половине XIII в.).

Сюжет «Лоэнгрин» известен более всего по опере Р. Вагнера.

Эльзу, герцогиню Брабантскую, несправедливо обвиняют. Ей грозит гибель. Внезапно появляется челн, влекомый лебедем. В нем — прекрасный рыцарь Лоэнгрин. Он спасает красавицу и соглашается стать ее мужем с единственным условием — не спрашивать, кто он, иначе он уйдет и не вернется. Семь лет Эльза крепится, потом поддается искушению, и Лоэнгрин, объяснив, что он — Хранитель Грааля, уплывает навсегда. Однако он оставляет дитя, которое станет (это уже «из другой оперы») то ли отцом, то ли дедом Годфрида Бульонского.

¹ По другим сведениям, Галахад — сын Иосифа Аримафейского.

Далее тема Грааля на два столетия по неизвестной причине исчезает из европейской литературы. Скорее всего, церковь, с трудом победив с помощью инквизиции катарскую ересь, запретила всякие вредные умствования на эту сомнительную тему.

Только в 1452—1456 гг. появляется роман «Смерть Артура», сочиненный английским писателем и «отъявленным нарушителем закона» сэром Томасом Мэлори. Находясь в тюремном заключении за очередное преступление и желая убить время в камере, он написал свой рыцарский роман. Трудно представить, что его автор, совершивший множество шокирующих преступлений против личности и общества, способен на создание произведения о человеческом благородстве, чести и любви. Тем не менее он создал такой роман, где описал Святой Грааль похожим на сосуд Причастия, хотя и представленный в мистическом виде. Мэлори назвал реликвию, которая могла исцелять раны и вызывать видения, «Сангреаль». Автор дал понять, что святыня доступна не каждому; получить ее способен только самый совершенный, добродетельный и непорочный рыцарь. Мэлори отождествил Грааль с кубком, и на этой основе выстроил чисто рыцарский роман, из которого были исключены мистические и символические аспекты древних легенд.

Потом из одного слова «Сангреаль» родилось несколько образов, и споры вокруг них не прекращаются уже много десятков лет. Варианты самые разные: Sang Real — истинная кровь, Sang Royal — царская кровь, San Graal — Святой Грааль или просто Graal — Грааль.

Как будет показано ниже, эта игра слов имела неожиданные последствия.

Роман Мэлори «Смерть Артура» вдохновил выдающегося писателя викторианской эпохи лорда Теннисона («Коро-

левские идиллии»), Уильяма Морриса, Вордсворта, Вальтера Скотта и многих других известных мастеров пера на создание произведений «рыцарского цикла» о Святом Граале. Прерафаэлиты создали целый ряд живописных полотен в своем простом, приближенном к природе стиле («Моление о чаше»¹ и др.).

В Новое время немецкие романтики разрабатывали сюжет Грааля в поэзии (Л. Уланд) и драматургии (незаконченная пьеса Ф. Фуке, «Мерлин» К.Л. Иммермана). В музыкально-драматическом искусстве легенда о Граале нашла монументальное воплощение в операх Р. Вагнера «Лоэнгрин» (либретто композитора по анонимному роману конца XIII в.) и «Парцифаль» (либретто композитора по произведению Вольфрама фон Эшенбаха). В книжной миниатюре (иллюстрации в рукописях XIII — XV вв.) Грааль изображался преимущественно в виде потира.

Но Грааль не только книжный образ.

В соборе Валенсии хранится потирная чаша, вырезанная из красного агата и закрепленная на золотой ножке. У сосуда две золотые ручки, а на основании едва различима надпись на арабском языке. Как и сама чаша, основание выполнено из камня, обрамлено золотым ободком и инкрустировано двумя изумрудами и жемчугом. В 1399 г. король Мартин I Арагонский получил эту реликвию из монастыря Сан-Хуан-де-ла-Пенья. Но, возможно, грехи короля превысили меру — чаша не принесла ему счастья. Мартин пережил смерть всех своих детей и умер в одиночестве, оставив несчастное королевство без наследника, в смутах и распрях. Затем, как свидетельствуют королевские архивы, чаша переходила от монарха к монарху, не даровав нико-

¹ Картина под таким же названием есть и у русского живописца XIX в. Петра Соколова.

му особенной удачи, пока, наконец, в 1437 г. король Жан Наваррский не передал агатовую чашу Валенсийскому собору. Анализами установлено, что она изготовлена между 350 г. до н.э. и 50 г. н.э. Те, кто убежденно принимает валенсийский артефакт за чашу Иисуса Христа — Священный Грааль, — утверждают, будто она использовалась в Уэске на севере Испании еще до прихода мавров. При мусульманском владычестве ее скрывали в разных храмах и переносили с места на место в целях безопасности, пока она не оказалась в церкви Сан-Хуан-де-ла-Пенья.

В соборе имеется документ, датированный 262 г., в котором удостоверяется, что чашей пользовались апостол Петр, первый епископ Рима, и его преемники — понтифики при совершении мессы. В 1959 г. папа Иоанн XXIII признал аутентичность священного сосуда, известного в Испании как «Санта калис», и обещал индульгенцию всем паломникам, пожелавшим увидеть диковинную редкость. Папы Иоанн Павел II и Бенедикт XVI считали ее Священной Чашей, которую держал в руках Иисус Христос.

На Пиренейском полуострове было несколько королевств, но с именем Грааля связан только Арагон. Возможно, этому способствовали кровные связи арагонских королей и правителей Окситании. Арагонский король Педро II погиб, сражаясь на стороне Хранителей Грааля. Но можно предположить, что мало затронутые романским просвещением мрачные горцы более истово веровали в волшебные силы Грааля и более строго хранили сакральные тайны.

В XV в. Рене Анжуйский, правитель Прованса, сын одной из реальных претенденток на арагонский престол Иоланды, утверждал, что владеет некоей волшебной чашей, намекая, что она и есть истинный Грааль. Лукавый фантазер король Рене был жизнелюбивым человеком; он про-

славился покровительством трубадурам и воскрешением в Провансе «судов любви». Однако в политике ему явно не везло. Обладая формальными правами на престолы нескольких государств — Иерусалимского, Неаполитанского, Арагонского, — реально он не сумел овладеть ни одной короной. За ним осталось прозвище «король без королевства».

В Уэльсе долгое время народ верил в Грааль, которым считали кубок, изготовленный из дерева маслины. Полагали, что именно его, чашу Тайной вечери, привез в Англию Иосиф Аримафейский. Сначала чаша находилась в Гластонберийском аббатстве, но во время гонений на католиков Генриха VIII семеро монахов, рискуя жизнью, вывезли реликвию из разрушенного аббатства в Уэльс. Там в имении Нантеос (отсюда — «чаша Нантеоса») недалеко от города Аберистуита она хранилась долгое время, собирая огромное количество паломников. Правда, ученые, обследовав кубок, подтвердили лишь его древность. Однако вырезан он не из оливкового дерева, а из горного вяза и не во времена Христа в Палестине, а примерно в XIV в. в Европе. В дальнейшем было установлено, что древнюю чашу одно аристократическое семейство отыскивало в развалинах заброшенного монастыря; ее нарекли «Святым Граалем» из-за невероятной популярности «Королевских идишлий» Теннисона.

С момента появления знаменитого произведения «Смерть Артура» Томаса Мэлори до сегодняшнего дня Грааль не уходит из всех западных литератур и, наверное, из всех культур, ибо под разными обличьями он присутствует во всех странах, несмотря на то что его внешние признаки разнятся. Так, в восточнославянских преданиях Святой Грааль — это корзина с рыбой и бутылью красного вина.

XX в. подарил читателям множество в той или иной степени удачных пересказов красивой легенды о Священном Граале и его Хранителях. Романов, построенных на основе темы Грааля, его благородных Хранителей, на мистических воспоминаниях об Иисусе, очень много, и их чудеса и феерии до сих пор поражают воображение и приводят в восторг.

Но иногда легенда используется в откровенно коммерческих целях, чему примером служат произведения Дена Брауна. Для написания своих бестселлеров он воспользовался весьма дискуссионной работой профессиональных историков.

Sang Real (истинная кровь) и Sang Royal (царская кровь) из романа Мэлори во второй половине XX в., по-видимому, дали толчок воображению трех писателей: Майкла Бейджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна. В интересной, изобилующей малоизвестными историческими подробностями книге «Святая кровь и святой Грааль», упорно продвигается мысль о том, что Святой Грааль — это вовсе не сосуд или камень, а Мария Магдалина. Путем некоторых своеобразных трактовок сакральных текстов авторы приводят читателя к выводу о том, что Христос был женат. И он вовсе не был «сыном плотника», а происходил из царского рода Давидова. Однако на власть в Иудее притязал и другой знатный дом, к которому принадлежала Мария Магдалина. Брачный союз потомков двух царственных семейств давал Иисусу безусловное право называться «царем иудейским». Авторы убеждают, что Спаситель не умер на кресте; его заменили другим человеком. После этой инсценировки Магдалина, ее сестра Марфа и воскрешенный зятем Лазарь оказываются в Марселе. Здесь на свет появляется потомок Христа, от которого пошла первая королевская династия

Австразии — Меровинги. Эти «длинноволосые короли», утверждают авторы, безусловно, имели иудейское происхождение, поскольку, как библейский Самсон, чрезвычайно дорожили волосами и никогда их не стригли.

Иудейскую династию Меровингов сверг майордом Пипин д'Эрystalь, отец Карла Великого, от которого произошли Каролинги. Они брали в жены меровингских принцесс, и постепенно престолами всех крупных областей на территории Европы: Аквитании, Бретани, Лотарингии, Тулузы и др. — овладели внуки и правнуки колена Вениаминова. Учитывая, что выше авторы установили, что готы, населявшие территорию современной Франции, — это на самом деле потомки одного из колен Израилевых, читатель подготовлен к новому открытию. Оказывается, Готфрид Бульонский — «царь иудейский»; отправляясь в Первый крестовый поход, он желал вернуть Иерусалим как фамильное достояние.

Пересказ можно продолжить, но, наверно, интересующихся лучше отослать к первоисточнику или его русскому переводу.

Здесь же интересно отметить, какими доводами в пользу своей версии пользуются авторы. Они утверждают, что Грааль не может быть чашей, поскольку на картине Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» перед Христом чаши не видно. Напротив, на полотне неясно вырисовывается как будто женский лик. Хотя в Первом послании к коринфянам святого апостола Павла говорится: «Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял... чашу после вечери и сказал: “сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание”». Действительно, на фреске Леонардо это блюдо, а не чапа.

Таким образом, авторы, безусловно знакомые с атрибутикой Грааля, просто передергивают факты.

Очевидно, что тема Священного Грааля, возможно, с какими-то элементами реальности, насыщенными христианской и языческой символикой вне временных и пространственных рамок, вобрала в себя целый ряд переплетающихся между собой мифов, сказаний и легенд. Она дала толчок воображению многих одаренных писателей и стала источником новых оригинальных предположений, которые не перестают выдвигаться и в наши дни.

В сознании всего христианского мира Священный Грааль — это волшебная чаша Тайной вечери, в которой никогда не иссякает чудодейственный напиток, ибо он содержит капли крови Иисуса Христа, пролитой им на голгофском кресте. Достойный его, вкусив из чаши, становился обладателем вечного блаженства и сокровенных знаний, не доступных простым смертным.

Доныне сущность понятия «Грааль» не установлена окончательно. Медиевисты так и не пришли к единому мнению относительно внешнего облика Святого Грааля. Была ли это простая деревянная или глиняная чашка сына плотника или богато украшенный и инкрустированный золотой сосуд, достойный называться священной чашей Иисуса Христа?

Приходится признать, что Грааль — это химера, мечта, порождение ненасытного воображения Средних веков, вскормленное мистикой. *И все-таки Святой Грааль — символ перерождения человека и обретения им новых качеств.*

Сейчас это увлекательно, забавно и интересно и не грозит автору ничем, кроме упреков критиков и собратьев по

перу в слишком вольном толковании текстов или в пердегивании фактов.

Не так было в те далекие времена. Тогда не только писаное слово, но любое своесудрие и вольномыслие карались строже, чем самые тяжкие преступления против личности. Поэтому сомневающиеся всех мастей и особенно сочинители, слишком свободно выражающие свои убеждения, рисковали не только свободой, но и самой жизнью.

Однако трубадуры, катары и другие вольнодумцы были в безопасности, пока им покровительствовали сильные мира сего.

ЗНАТЬ

Во главе всего гордого окситанского дворянства стояли графы Тулузские из владетельного дома Сен-Жиль. Не исключено, что они происходили от Каролингов, и, хотя этот факт документально не подтвержден, их знатность сомнению никогда не подвергалась. Представители Сен-Жильского дома приобрели известность не только в Европе, но и в Палестине. Раймунду IV пилигримы Первого крестового похода предлагали трон Иерусалимского государства, но граф отказался возложить на себя корону в местах, где Спаситель носил терновый венец. Однако он со своими провансальцами сумел захватить богатую Триполийскую область, и его потомки правили до пресечения этой ветви династии в 1152 г.

Раймунд V (1134—1148—1194), сын прославленного крестоносца Альфонса-Иордана, был не только самым могущественным государем Романьи, но и одним из влиятельнейших монархов Запада. Он успешно противостоял нашествию воинственных графов Барселонских, в то время носивших корону Арагона, и сумел защитить отчье достоинство. Его домены во много раз превосходили домен фран-

цузских королей; он был сеньором четырнадцати графов; его столица Тулуза являла собой средоточие романской цивилизации и культуры. Кроме графства Тулузского и маркизата Прованского Раймунду принадлежало герцогство Нарбоннское, облакающее своего владельца достоинством первого пэра Франции. Его владения фактически не зависели от французской короны, сюзеренитет¹ французского монарха был чисто формальным.

Раймунд заставил непокорных вассалов служить при дворе и правил, опираясь на тулузскую торговую буржуазию, для которой установил режим благоприятствия. Трубачуры при нем переживали золотое время: он любил их жизнелюбивые песни, ценил их талант и остроумие. Но граф всегда демонстрировал свою приверженность к католической религии и примерную правоверность. «Он далеко отстоял от романского катаризма, который сам провозгласил “чистым учением”».

Граф никогда не стремился в Святую землю или, по крайней мере, в Триполи, принадлежавший Тулузскому дому, и не принимал участия в Крестовых походах. Церковные советники никогда и близко не занимали подле графов Тулузских места, подобного тому, которое им принадлежало у Капетингов. Более того, он для собственных нужд изъяснял ценности родового Сен-Жильского аббатства, за что был отлучен от церкви на три года.

¹ *Сюзерен* (от слова «старший») — в Западной Европе в Средние века крупный феодал, верховный сеньор территории (король, князь), являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам. *Вассал* (от лат. «слуга») — землевладелец, феодал, обязанный нести определенные повинности; не допускать какого-либо ущерба телу сюзерена, его достоинству, его чести, его интересам, ограничения его свободы и действий. Вассалы верховного сюзерена в свою очередь имели своих вассалов, по отношению к которым являлись сеньорами.

На земли Раймунда притязали английская и французская короны. Людовик VII Французский под различными предложениями обнаруживал к тулузскому графству отчетливый интерес, стараясь заручиться дружбой и верностью его правителя. Генрих II Английский предъявлял на владения графа династические претензии. Лавирование между двумя сильными государями принесло Раймунду славу человека двуличного и неискреннего — таким он предстает и в английских, и во французских хрониках. С таким же основанием его можно считать патриотом своей страны, мастером компромисса. В те времена, когда лукавство было нормой, его уклончивая дипломатия служила защитой от вражеских нашествий и способствовала процветанию графства.

Чтобы обезопасить себя от энергичного и предприимчивого Генриха II Английского, юный Раймунд V взял в жены овдовевшую дочь Людовика VI Французского Констанцию (1124—1180), которая стала матерью его дочери и троих сыновей. Но в 1165 г. он развелся с женой. Хронист недоумевает: в чем причина? Действительно, разве то обстоятельство, что супруга была старше графа на 24 года, отличалась непомерной толщиной и сварливым нравом, могло рассматриваться как весомый повод? Впрочем, Раймундиды никогда не блистали семейными добродетелями.

После развода граф признал себя вассалом Генриха II.

Южные бароны весьма легко разводились с законными женами, чтобы вступить в новый брак, сулящий золото или увеличение владений. Нередко наследницы крупных наделов выходили замуж по четыре-пять раз, и никого это не удивляло. Поэтому все семьи Юга были объединены многочисленными родственными связями, большинство дворян приходились друг другу либо двоюродными, либо единокровными (по отцу), либо единоутробными (по ма-

тери) братьями и сестрами. Недаром правители испанских королевств искали себе жен в дальних северных странах — угроза вырождения, бесплодия уже в те времена нависала над правящими домами.

Обретя свободу, граф посватался к вдове графа Прованса Риксе, или Рихенце¹. Эта польская принцесса, дочь Владислава Изгнанника и Агнессы Франконской, сосватанная королю Кастилии Альфонсу VII его дядей папой Каликстом II, не по своей воле прожила необыкновенную жизнь. Перенесенная из польских заснеженных лесов в знойную Испанию, отданная в жены пожилому вдовцу, она родила ребенка, девочку², и через пять лет овдовела. Можно представить себе отчаяние несчастной женщины, едва овладевшей чужим языком и оставшейся без всякой поддержки, практически в одиночестве в чужой стране! Но папы чувствовали ответственность за ее судьбу и не оставили своими заботами. Их стараниями принцесса из Силезии была выдана за графа Барселонского, потом — за графа Прованса.

Раймунд не только искал руки Рихенцы, но предусмотрительно устраивал и другой союз: своего старшего сына и Дульчи Прованской, единственной наследницы покойного графа, дочери графини-вдовы. Благодаря двойному браку он надеялся навсегда объединить графства Тулузское и Прованское. Эти матримониальные проекты пришлись весьма не по вкусу двоюродному брату Дульчи, королю Альфонсу II Арагонскому. Решительно объявив незакон-

¹ О судьбе Рихенцы Польской рассказывает Я. Ивашкевич в романе «Красные щиты».

² Эта девочка, Санча Кастильская, стала матерью Педро II Арагонского, Леоноры и Санчи, жен соответственно Раймундов VI и VII Тулузских и Констанции, любимой супруги императора Фридриха II Гогенштауфена.

ность женского правления, он захватил Прованс и пожаловал его своему младшему брату.

Правитель Арагона носил титул короля, но маленький Арагон, враждующий с соседями и теснимый мусульманами, был не сильнее мощного графства Тулузского. Раймунд уверенно рассчитывал на помощь своих могучих вассалов, прежде всего — Роже II Транкавеля, виконта Безье, Альби, Каркассона и Разеса. Чтобы скрепить союз, он в 1171 г. отдал ему в жены свою старшую дочь Аделаиду.

Несмотря на то что у графа, помимо дочери, имелось три сына, это был сильный ход.

В Окситании значение женщины было велико, как нигде в это время. В Пиренеях всеобщее избирательное право для решения местных дел было освящено обычаем, и женщины традиционно участвовали в голосовании. Древнейшие роды носили имена женщин; атрибутами женщины были не веретено и колыбель, а перо и скипетр. Каждый, получивший в приданое тысячу солидов, должен был по крайней мере половину отдать жене в виде свадебного подарка.

Владельческому роду Транкавель власть над Каркассоном и Безье тоже принесла женщина. Один из Транкавелей, виконт Альби и Нима, в незапамятные времена женился на наследнице этих тучных земель Эрменгарде, и их сын, получивший власть над огромными владениями, взял в жены дочь графа Прованса. Две его внучки стали графинями Тулузы и Фуа, а внук Роже II считался одним из самых богатых государей Юга.

Как и многие другие знатные семьи, Транкавели имели свои скелеты в шкафу.

Отец виконта Роже, Раймон Транкавель, подстрекал своего племянника, короля Арагонского, а вместе с ним и короля Англии к войне против тогда еще молодого графа Рай-

мунда V Тулузского. Его подданные выражали возмущение павязанной им братоубийственной войной. Особенно негодовали жители Безье. Недовольство вылилось в убийство Транкавеля, его младшего сына, его баронов и епископа (15.10.1167). После этого в течение многих лет единственными правителями в городе оставались консулы: жители не желали слышать ни о епископе, ни о виконте. Они смеялись над яростью дворянства и отлучением Рима.

Еще не достигший двадцатилетия сын Раймона Транкавеля Роже, страстно мечтая отомстить за отца и брата, обратился к своему кузену королю Альфонсо Арагонскому. Тот со своими баронами и каталонскими идадьго выступил против Безье, и после двухлетней осады город покорился. На радостях Роже простил виновных в умерщвлении его родственников и правил по-рыцарски — мягко и справедливо. Но времена требовали не мира, а сражений. Мечи ржавели в ножнах, бароны скучали, некоторые открыто упрекали молодого правителя в том, что он «продал кровь своего отца»; трубадуры слагали о неуместном миролюбии виконта насмешливые песни; приближенные не уставали подбивать Транкавеля на кровавую месть.

Старания партии войны принесли плоды. Однажды ночью отряды арагонского короля, призванные Роже, захватили город и вырезали в нем все мужское население. Лишь женщины и сврси получили пощаду. На следующее утро виконт и епископ Бернар принудили жен и дочерей убитых обвенчаться с арагонскими убийцами.

Однако молодой виконт чувствовал себя крайне неудобно в притихшем краю, не забывшем его злодеяния. Арагон был за горами, а Тулуза рядом. Поддержка графа Тулузского могла стать гарантией благополучия правителей Безье. С другой стороны, их преданность пришлась бы весьма

кстати графу Раймунду. Залогом прочности союза и стала единственная дочь графа, отданная в жены виконту Роже.

Двоюродная сестра короля Франции Людовика VII через мать Констанцию Французскую, Аделаида еще более озарила своей яркой личностью ту великолепную эпоху, которая предшествовала бесчеловечным Альбигойским войнам. Несмотря на несколько детских лет, проведенных вместе с матерью на Севере, она была настоящей южанкой. Пребывание при дворе французского короля придало ее личности разносторонность и многогранность. Она развилась в женщину незаурядную, получила известность как одна из самых знаменитых дам Европы, чья слава звенела от Барселоны до Флоренции и Парижа.

Принцесса занимала высокое положение не только в силу происхождения, но и благодаря врожденным особенностям характера. Семья Транкавелей, в которую гордо вошла старшая дочь графа Тулузского, всегда оказывала покровительство катарам и совсем не уважала католическое духовенство. Сам виконт разгромил аббатство Сен-Понс, бросил в тюрьму епископа Альби и назначил ему в тюремщики катара. Молодая жена виконта была всецело на стороне еретиков. Супруги не считали нужным скрывать свою приверженность альбигойскому вероучению. В этом дуэте ведущую партию играла Аделаида. Окруженная катарским духовенством, она, конечно, старалась придерживаться идеалов того непротivления злу и всепрощения, которые проповедовали еретики, но это мало сдерживало ее врожденную страстность и не мешало виконтессе вместе с супругом иногда занимать враждебную позицию по отношению к сюзерену и отцу Раймунду V. Поводом служили территориальные и религиозные разногласия.

В 1179 г. Роже Транкавель перешел на сторону короля Арагона.

Аделаида часто замещала мужа, и в затруднительных случаях виконт, лукавый гасконец, устранился, а его супруга, пользуясь преимуществами своего пола и происхождения, разрешала себе гораздо больше, чем мог безнаказанно позволить мужчина.

Так было, когда большая группа цистерцианских монахов и католических прелатов направилась к виконту Безье с целью принять от него покаяние, заставить выдать укрываемых им еретиков и примириться с церковью; в противном же случае — предать вечному проклятию. Но виконт переправил альбигойских архиереев вместе с Аделаидой в Кастр. Этот город принадлежал вассалам Транкавеля, которые, не порывая с миром, стояли на стороне еретиков. В то время как Роже скрывался в скалистых горах, Аделаида встречала церковную делегацию в Кастре. Один из сеньоров Кастра, Гильберт, был патриархом катаров. В ущелье вблизи города располагалась подземная церковь, где он укрыл братьев по вере.

Безуспешно склоняли цистерцианцы Аделаиду и ее баронов выдать им еретиков. Аделаида приняла отлучение за мужа. На увещевания прелатов отречься от заблуждений решительная женщина ответила надменным отказом. Громы и молнии католических священников не могли причинить вреда единственной дочери могущественного властелина Тулузы, и посланцы церкви наконец вынуждены были оставить Кастр.

Весной 1181 г. Аделаида вместе с альбигойскими архиереями находилась в замке Лавор. Папский легат кардинал Анри де Марсан со своим воинством осадил крепость, гарнизон которой возглавляла женщина. Первый штурм был

отбит защитниками, однако атаки продолжались. Никто не предполагал, что дело пойдет так далеко, поэтому в городе не было ни запасов продовольствия, ни достаточного количества защитников. Аделаида вынуждена была сдать замок. Выговорив выгодные условия капитуляции, она презрительно удалилась.

Эти половинчатые действия католической церкви можно рассматривать как первую войну против альбигойцев.

Устрашенные успехами врагов виконт Роже и его бароны наперебой бросились искать примирения с церковью и отречься от заблуждений (впрочем, с их стороны это было военной хитростью), но Аделаида не унизилась до притворства.

Не сохранилось описаний ее внешности, мы не знаем, была ли она чарующе красива и обворожительна, или ее личность привлекала окружающих качествами более значимыми и глубокими, чем телесная красота. Когда женственность так явственно сочетается с жизненной энергией, это неотразимо.

Известны песни, посвященные виконтессе трубадуром Арнаутом де Марейлем, полные искреннего чувства. Можно ли на них основывать логические построения? Трубадуры охотно продавали свой талант тому, кто больше заплатит. В их песнях самая заурядная посредственность представляла королевой фей. Впрочем, принято считать, что несчастный Марейль умер от любовной скорби, неразделенного чувства к своей даме.

Не только трубадуры искали милостей Аделаиды. Лишь только она овдовела в 1194 г., ее руки стал настойчиво добиваться король Арагона Альфонс Непорочный. Но никакими высокими чувствами здесь и не пахло. Для арагонского короля имели значение только богатые земли Аделаиды.

Женившись на вдове своего двоюродного брата Роже, он надеялся обеспечить верховное сеньориальное господство над областями Каркассон и Безье.

Проницательная Аделаида понимала происки своего родственника так хорошо, как будто он ей их сам расписал, и вовсе не стремилась надеть корону королевства Арагон. Она молилась Богу катаров, надеясь со временем принять *consolamentum*. Пока же в ее окружении формировались блистательные кружки, где наряду с обсуждением вопросов галантности и любовной казуистики, спорили о книгах и писателях, сами начинали сочинять прозу и стихи, рассуждали о бессмертии души и вере, об искуплении и воздаянии; вели неспешные беседы о смысле жизни и о Боге. Твердая в убеждениях, бесстрашная перед лицом врагов, Аделаида вовсе не была прирожденной мужеподобной воительницей, с грубым темпераментом и суровой закалкой души и тела. Она создала в Каркассоне «двор любви», который являлся средоточием героизма, поэзии, рыцарской учтивости и в то же время «целомудренности и грациозности, поскольку скипетр находился в руках Аделаиды».

Столь же привержены новой религии были и многие другие знатные дамы.

Позднее одним из пунктов обвинения против графа Тулузского Раймунда VI стало поведение его сестры. «Его родная сестра сделалась сретичкой. Когда умер ее муж, она явилась в Памье, прожила там полных три года и бесстыдно проповедовала свое опасное учение».

Своим приближенным Аделаида позволяла глумиться над служителями католической церкви. Когда в 1197 г. монахи Алета избрали аббата, неприятного опекуну юного виконта, он разорил аббатство и заключил в тюрьму нового избранника. А затем усадил тело умершего аббата на пре-

стол и приказал ему повиноваться, пока монахи не согласились избрать угодное ему лицо.

После смерти супруга Аделаида получила волю распоряжаться собой подобно всем благородным вдовам, исповедовавшим альбигойскую религию. Забота о душе единственного сына Роже и его воспитание были возложены ею на крепкого в катарской вере Бернара де Сессака. Сама же, отказав всем претендентам на свою руку и богатейшие владения, отринув гордость и обретя необходимую кротость, приняла *consolamentum*. Более того, по-видимому, она была избрана одной из Хранительниц Грааля. Об этом нигде не упоминается как о бесспорном факте, но многочисленные инвективы католического духовенства, гневные намеки на ее великие прегрешения, духовная близость с Гильабсртом де Кастром делают вполне возможным такое предположение. Однако, скорее всего, виконтесса не «вступила в должность»: она умерла почти одновременно с Раймундом V.

Старый граф не поощрял катаров, хотя и не слишком подвергал их гонениям. Он рассматривал сочувствующих еретикам как своих подданных, приносящих ему доход и поддерживающих его против самовольства знати. Раймунд V выполнил долг католического государя, заявив о своей правоверности на Тулузском соборе 1161 г. Позднее он призывал к походу против еретиков — в то время, когда европейские правители не знали, как разобраться со своими проблемами. Этим его рвение в борьбе с ересями и ограничилось. Вместо него символы веры альбигойцев защищали его зять и внук из Транкавелей Каркассонских.

Старший сын Альфонс рано умер, не оставив потомства. Второго сына Раймунда граф приобщал к делам управления, но всегда правил по-своему, самовластно.

На фоне достаточно колоритного наследника Раймунда его младший брат Бодуэн выглядит на удивление скромно. О нем почти нет сведений, и можно предположить, что он находился в полном небрежении. И только предательство и ужасная гибель вывели его на историческую сцену.

Граф устроил брак наследника с Эрменсиндой де Пеле, который принес Тулузе власть над графством Мельгей. Впоследствии, поскольку сюзереном графства являлся папский престол, оно было отобрано, а Эрменсинда умерла через два года, в 1176 г., не оставив потомства. Только спустя четыре года граф принял решение о второй женитьбе сына; его выбор пал на Беатрис Безьерскую (надо подчеркнуть, что первые две женитьбы происходили по воле отца, поскольку во время противостояния церкви и Тулузы враги часто упрескали Раймунда VI в многоженстве). Этот союз подарил тулузскому дому дочь Констанцию¹ и уверенность в воспроизводительных возможностях наследника.

Семья Беатрис недаром слыла ерстической — все ее члены, формально считаясь добрыми католиками, горячо сочувствовали катарам и всемерно их поддерживали. По видимому, через Беатрис Раймунд в определенной мере приобщился к альбигойскому учению. Но главным его вероучителем, несомненно, была старшая авторитетная и любимая сестра.

В последний год жизни старого графа произошло значительное событие, надолго давшее пищу разговорам и обсуждениям. Из Святой земли через южные графства возвращалась Беренгария Наваррская, недавно обвенчанная на Кипре с Ричардом Львиное Сердце. Кто мог предположить, что она больше никогда не увидит своего знаменитого мужа и проживет оставшуюся жизнь жалкой приживал-

¹ Выдана замуж за короля Наварры Санчо VII; умерла в 1260 г.

кой у богатых родственников? Ее встречали как отважную подругу героя-крестоносца, королеву Англии, оказывали ей великие почести — практически последние в ее незадавшейся жизни. Свиту Беренгарии украшали знатные девушки, прелестные своей первой молодостью, среди которых взгляд наследника Тулузы сразу выделил Бургонь, дочь первого короля Кипра Амори де Лузиньяна. Любовь к экзотической красавице поразила сердце Раймунда; он думал только о ней и неудержимо стремился обладать этой красотой в полной мере. Но честь юной дочери короля не могла допустить пошлой любовной интрижки с женатым мужчиной. Тогда — развод! Молодой Раймунд, несмотря на слезы жены и негодование ее родственников, отослал Беатрис Безьерскую, оформил расторжение брака и, наконец, в 1193 г. смог назвать женой свою желанную. Оскорбленная Беатрис приняла *consolamentum*.

В подобных случаях принято говорить, что волнения приблизили кончину седого старца родителя. Это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, но, действительно, Раймунд V умер в декабре 1194 г., на 61-м году жизни, оставив страну в состоянии войны с английскими Плантагенетами. Кроме того, он вынужден был сделать некоторые уступки своим вассалам, оскорбительные для его достоинства.

Графскую корону надел Раймунд VI.

От личности правителя зависело слишком много, чтобы можно было игнорировать особенности характера Раймунда, получившего огромную власть в тот переломный момент, когда скрестились интересы католической церкви и еретических учений, просвещенного Юга и фанатично религиозного Севера.

Раймунд VI, второй сын Раймунда V Тулузского и Констанции Французской, родился 27 октября 1156 г. и только в 38 лет унаследовал титул своего отца. Уже не мальчик, а зрелый мужчина, чувствовавший себя как рыба в воде на турнирах, в боевых схватках, войнах, он заключил выгодный договор с Ричардом Львиное Сердце, который наконец тоже обрел самостоятельность после смерти Генриха II Английского. Они объединили свои силы, привлекли еще несколько крупных сеньоров и выступили против французского короля Филиппа Августа. Ричард с помощью союзников сильно потеснил своего врага, и Раймунд тоже не остался внакладе. Два новых правителя скрепили союз династическим браком. Как только появилась возможность взять в жены овдовевшую сестру Ричарда, Иоанну Английскую (будущую Жанну Плантагенет), Раймунд, следуя по проторенной дорожке, развелся с Бургонь и в октябре 1196 г. женился на ней, в приданое за которой брат дал Ажене. Что случилось после этого с Бургонь, история умалчивает.

Английская принцесса, как почти все дети Алиеноры Аквитанской, отличалась замечательной физической привлекательностью, элегантностью и утонченностью. Уже через год она стала матерью Раймунда VII, породнив его с королями Англии, Франции и Кастилии.

Появление наследника сделало Раймунда по-настоящему счастливым. Теперь ему было кому оставить владения. Они занимали значительную территорию, поскольку помимо собственно графства Тулузского включали герцогство Нарбоннское, Прованс, Керси, Руерг, Ажене, Альбигуа, виконтство Нимское, графство Венессен; вассалитет Тулузы признавали виконтство Безье, Каркассон, графство Фуа, сеньория Монпелье.

Однако уже через год Жанна Английская пребывала в «усталости, опустошенности и горестной подавленности». Неясно, что привело ее в такое состояние — вряд ли необходимость почти в одиночку, на шестом месяце беременности, бежать из Лораге, осажденного мелкими вассалами графа, вечно строившими против своего сеньора комплоты и заговоры. Скорее, это была какая-то неудовлетворенность личного порядка. В таком удрученном настроении графиня решительно заявила о желании посвятить себя Богу и поселиться в монастыре Фонтенвро. Она настояла на своем, невзирая на канонические установления, запрещающие уход от мира беременной женщине. Жанна приняла постриг, произнесла обеты, а затем умерла весной 1197 г. преждевременными родами в возрасте 34 лет. Дитя мужского пола едва успели окрестить до того, как он последовал за матерью.

Как ни посмотри, не похоже, что пятый брак Раймунда был особенно счастливым.

Неизвестно, долго ли горевал овдовевший граф, только в 1200 г. он уже развелся с новой (шестой!) женой.

В свое время Ричард Львиное Сердце отвоевал Кипр у правителя из императорского дома Исаака Дуки Комнина, пленив самого византийского принца и его дочь. Судьба Исаака покрыта мраком, но принцесса упоминается рядом с супругой и сестрой Ричарда: утонченные знатные дамы придавали куртуазность его двору в Акре. По-видимому, эта «кипрская девица» — даже имя ее неизвестно — некоторое время была рядом с Раймундом в качестве его супруги.

Разведясь с ней, граф Тулузский уже не спешил жениться снова.

К этому времени относится желчный выпад некоего клирика против Окситании и ее правителей: «Графы Русильонские, Серданские, Конфланские и Безалу были врагами графов Тулузских. Дома Беарнский, Каркассонский, Альбийский и Нимский были расположены к ним не лучше. Пиренеями владели бедные, но чрезвычайно предприимчивые вожди в роде кондотьеров, которым счастье приготовило блистательную будущность; я говорю о домах Фуа, Альбре и Арманьяк. Арманьяки, Комменжи, графы Беарнские и Тулузские только тогда и были согласны между собой, когда нужно было воевать против церкви. Проклятия духовенства вовсе их не беспокоили. Граф Комменж женат был на трех женах; граф Тулузский, Раймунд VI, содержал гарем. Эта французская Иудея, как тогда называли эти края, не одною горной смолою и оливковыми деревьями напоминала восточную Иудею; она имела также свой Содом и Гоморру, и надобно было опасаться, что рано или поздно мщение церкви создаст ей и Мертвое море.

Поместья везде были отобраны у духовенства. Само имя священника было бранным словом. Если какой-нибудь ревностный миссионер решался проповедовать слово Божие, то над ним насмеялись. Святость жизни, красноречивые увещания не производили никакого действия. Даже св. Бернар не избег осмеяния».

Действительно, церковные советники никогда и близко не занимали подле графов Тулузских места, подобного тому, которое им принадлежало у Капетингов. Церковь если и не была беднее, чем где-либо еще, то все-таки не так могущественна, как в то же время к северу от Луары. Юг не дал церкви ни одного видного теолога, тогда как на Севере блистают имена святого Бернара и Гуго Сен-Викторского.

Когда граф не был при оружии и не усмирлял непокорных вассалов, он держал роскошный двор в своей летней резиденции — Бокере-на-Роне или зимой в Тулузе, в замке Нарбонн. Туда стекалась знать, приученная к придворной жизни еще его отцом, красивые незаурядные женщины, записные остроумцы, молодая поросль аристократов, прославленные трубадуры, жонглеры. При этом дворе все искрилось, сверкало, пело и радовалось жизни. Острая пряная кухня уже отошла от первоначальной аскетической простоты неприхотливых трапез баронов-разбойников. Затейливые блюда из мяса и рыбы, крепко приправленные чесноком, чабрецом, укропом, базиликом; десерты, фрукты, в том числе апельсины и лимоны, которые арабы завезли в Южную Европу в своих седельных сумках, и, конечно, разнообразные вина создавали особую атмосферу убаглования и довольства жизнью. Яства и питье разносили подростки, одетые в особую форму — ливреи, новшество для той эпохи.

Нескрываемый гедонизм не мешал Раймунду и его приближенным покровительствовать всем новым веяниям своего времени и сочувствовать альбигойцам. Противник катаров Петр Сернейский яростно обличал графа: «Он, можно сказать, с колыбели любил еретиков и благоволил им, тех же, кто жил на его землях, он почитал как только мог... Повсюду, куда ни отправлялся, он вел с собой еретиков, одетых в обычное платье, для того чтобы, если ему придется умереть, он мог бы умереть у них на руках: в самом деле, ему представлялось, что он может быть спасен без всякого покаяния, если на смертном одре сможет принять от них наложение рук».

Странное пристрастие светского человека, сибарита и любителя «изящных досугов» к строгой и требовательной

аскетической доктрине катаров. А ведь ради спасения адептов еретического учения он пошел на конфликт с могущественным Римом и воинственной Францией. Что-то должно было привлечь непостоянную и изменчивую натуру Раймунда к катарской доктрине, и это «что-то» оказалось сильнее его гедонистских наклонностей и беспечности характера. Трудно отказаться от предположения, что это был тот таинственный предмет, ради приближения к которому люди совершали невозможное, — Священный Грааль.

Его отец, правитель рациональный и не склонный к фантазиям, рассматривал альбигойскую ересь как угрозу существующему порядку вещей, отношения с которой, однако, можно урегулировать на государственном и на духовном уровнях. Как любой человек Средневековья, он верил в божественные чудеса, неодолимую силу святых мощей и образов, но вряд ли признавал существование чего-то более чудесного. Иначе он не обратился бы к папе с просьбой избавить его подданных от пагубных заблуждений. Может быть, старый граф думал, что чудеса Грааля не про него: как политику, ему приходилось кривить душой, давать ложные клятвы; как правителю — проявлять жестокость и вести войны. Его семейная жизнь была далека от христианского идеала; более того, современники обвиняли его в противостественных склонностях. Более романтичный и интеллигентный сын, отодвинутый от дел правления энергичным и деятельным отцом, напротив, принимал в расчет главным образом существование в педрах альбигойской церкви таинственного Священного Грааля, источника благодати и спасения души.

Нередко, особенно в романизированной литературе, мелькает предположение, что Раймунд VI, а впоследствии и его сын Раймунд VII принадлежали к замкнутому кругу

Хранителей Грааля. В основе этой догадки, скорее всего, лежит значение имени Раймунд — «хранитель, защитник». Но приблизиться к Граалю было дано только чистейшим из чистых, а князья в силу своего положения каждый день вынуждены были нарушать Господни заповеди.

Так что при всей привлекательности этого предположения от него приходится отказаться.

Скорее всего, Раймунд VI был призван к не менее почетной миссии — оберегать от опасностей избранных, Стражей Грааля, которые в силу канонов своей веры не могли явить вооруженного отпора и оказывались беззащитными перед лицом жестокого и беспощадного врага. Тогда становятся понятными многие необъяснимые с исторической точки зрения поступки Раймунда, его уклончивость и лавирование, оскорбления, которые ему пришлось претерпеть: ради такой высокой цели не позорно было принять унижение.

И подданные понимали причину поступков своего сеньора и снисходительно судили его слабости.

Понятны и побуждения католической церкви: в 1179 г. Раймунд вместе с виконтом Безье, графом де Фуа и большинством баронов Романьи был отлучен от церкви папой Александром III. А спустя только год после смерти отца, в 1196 г., был снова отлучен папой Целестином III «за преступления против церкви и монастырей». Он разрушил несколько церквей, принадлежащих монастырю Святого Эгидия и всячески притеснял эту обитель. Епископ Тулузский был лишен возможности объехать свою епархию из опасения окрестных дворян; его мулы не могли без вооруженной стражи идти на водопой.

В наши дни трудно представить себе зависимость человека Средневековья от церкви. Она являлась осью су-

ществования: культурным и информационным центром, клубом по интересам, советчиком при решении семейных проблем, психоаналитиком. Отлучение от церкви означало почти исключение из жизни. Замолкали колокола, прекращались мессы; запрещались такие церковные службы, как крещение, венчание и панихиды — все обряды, столь почитаемые народом. Зима без праздника Рождества и Богоявления должна была казаться бесконечной.

Отлучение от церкви играло огромную роль как главное средство самозащиты церкви и главное ее орудие в борьбе за господство над миром. Это было, с другой стороны, и могучее средство поддержания дисциплины в самой церкви. Его применение не могло не подавать повод к злоупотреблениям. Еще святой Августин предостерегал против легкомысленного обращения с этим страшным оружием. Иннокентий III тоже порицал исполнителей своей воли, не всегда соблюдавших в этом деле должную умеренность.

В 1198 г. папа Иннокентий, надеясь на лояльность графа, снял с него церковное отлучение.

Блестящий аристократ и отважный воин, граф казался следующим поколениям способным себялюбцем, человеком легких путей, добрым, но безвольным. «Неукротимый на поле битвы, — писал Н.А. Осокин, — он терялся среди политических интриг. Он не был создан для дипломатической деятельности, для государственных дум. Его двойственный характер сложился под влиянием тех условий, в какие его поставило альбигойство. Он веровал в ересь, но, опасаясь католической церкви, не смел высказаться прямо... Ему не доставало ясности политики, потому что не доставало твердости воли. Он был сильным, смелым на словах и робким, когда надо было действовать решительно...» И далее он полагает, что своей уклончивостью тулуз-

ский граф парализовал действия самых сильных вассалов и все дело альбигойцев.

Скорее всего, такая оценка сложилась из-за невзгод и неудач графа: окажись тот победителем, автор нашел бы совсем другие слова.

Иначе видит Раймунда Зоя Ольденбург: «Этот “покровитель еретиков” твердо решил оставаться таковым до конца, наперекор всему. Поступая так по личной склонности или, вероятнее всего, из чувства справедливости, Раймон VI для еретиков был гарантом безопасности, надежной опорой. От этого он никогда не отступал. Этот “слабак” оказался изворотливым дипломатом, реалистом, необычайно твердым в своей позиции. Напугать его было трудно. Раймунд VI, быть может, как никто другой, понимал, что церковь — сила практически непобедимая и бороться с ней возможно, только разыгрывая самую преданную покорность. Он не откажется от этой тактики до того дня, когда его подданные-католики вступятся за него вопреки интересам Господа и в ущерб своим правам».

В самом деле, трудно представить, чтобы подданные так любили и почитали своего сеньора, несмотря на его заблуждения и ошибки, будь он слабым, никчемным человеком. Южане, если иногда и бунтовали против графа в благополучные дни мира, проявили самую искреннюю верность и преданность в тяжелые и унижительные моменты его жизни. И он, казалось бы миролюбивый, рассудительный и склонный к компромиссам, всегда оставался тем, кем его сделала Судьба — покровителем державы, величие которой не мог оспорить никто, — прекрасной просвещенной Романьи. До последнего дня жизни он был защитником своего народа — в мирное время жизнерадостного и озорного, но в годину бедствий мужественного и стойкого.

ЭСКЛАРМОНДА, ХРАНИТЕЛЬНИЦА ГРААЛЯ

В могуществе не многим уступали графу Раймунду его многочисленные вассалы и родичи. Одним из самых сильных и знатных был граф де Фуа. Родовое имя Фуа (*фр.* Foix) на старофранцузском языке означало «вера» или «верность», в которой клялся вассал, принося присягу своему сеньору.

Гордые графы Фуа владели территориями плодородных земель, покрытых пашнями, виноградниками и лесными угодьями от границ графства Тулузского до Пиренеев, включая территорию сегодняшней Андорры. Леса изобиловали ланями, оленями, зубрами, в них водилось множество медведей и волков, не говоря уже о прочей дичи. Равнины, орошаемые бурными водами рек Арьеж, Жер и Лассет, переходили в альпийские луга, на которых паслись огромные стада. На скалах, достигающих тысячеметровой высоты, подобно орлиным гнездам, возвышались неприступные замки.

Графам принадлежали города Лавлане, Аск, Лимукс, Прейссан. Сильно укрепленный Тараскон, по преданию, имел даже собственное чудовище — полурыбу-полузверя Тараска. Кровожадное животное выходило из теплых вод Роны и утоляло свой голод человеческой плотью. Горожане заметили, что, если Тараск съедал зараз восемь человек, следующие полгода он не нуждался в пище. Запуганные люди пришли к печальной необходимости установить очередность жертв. Чудище так бы и продолжало свои бесчинства, не появившись в городе святая Марфа. Бестрепетно войдя в воду, она показала Тараску деревянный крест, и тот был укрощен.

Такими же бесстрашными и решительными вошли в историю многие женщины из рода де Фуа.

Издавна Фуа роднились с Транкавеллями, Комменжами, Бигоррами, Беарнами, Альбре, графами Барселонскими. Несколько женщин из рода де Фуа стали королевами небольших испанских королевств. Храбрые, гордые и независимые, эти окситанские вельможи неколебимо противились холодному мертвящему давлению Севера.

В наше время замок Фуа, как бы парящий над прелестным городком, поражает своей мощью и неприступностью. Он настолько колоритен и гармонично вписан в окружающий пейзаж, что кажется, будто возник из скал, стоял здесь испокон веков и останется навечно. В замке есть портрет молодого человека, белокурого и голубоглазого, с розовым лицом и длинным носом — Генриха Наваррского, впоследствии знаменитого короля Франции Генриха IV. И в нем текла кровь графов де Фуа. Спустя триста лет ему тоже выпало на долю пережить эпоху кровавых религиозных войн — противостояния католиков и гугенотов.

Однако прекрасной и героической легендой, переходящей через столетия, символом непокоренной Окситании стали не военачальники, политики и короли из дома де Фуа, а женщина, носившая имя Эсклармонда.

Ей воздвигнуты памятники, она изображена на картинах, о ней сложены стихи и баллады, написаны прекрасные оратории. Тем не менее о Великой Эсклармонде известно очень мало фактов личного характера, и даже отрывочные сведения о ней легендарны.

Возможно, легенда о ней содержит некоторые достоверные факты, но никаких доказательств этого нет. Мы должны смириться с тем, что плохо представляем себе человеческий облик всех глав катарского движения. В большой

степени в этом вина инквизиторов, которые мало интересовались человеческой сущностью своих жертв, иначе у них не хватило бы духу послать их на костер. Но это и благородная вина самих катаров, не придававших никакого значения своей смертной оболочке.

Обычно действительность оказывается примитивнее и зауряднее легенды, но теперь уже никто не может оспорить очарование неземной грации этой женщины, летящей тонкости тела, очерченного фантазией потомков и игрой их воображения. Ее хрупкий силуэт стал символом величественного и доблестного прошлого Юга.

Протестантский пастор и поэт Наполеон Пейра, автор лирической «Истории альбигойцев», восхищаясь катарской святой, создал поэтический и вместе с тем героический женский образ, но, вольно или невольно, свел в один несколько исторических персонажей, носивших это имя.

Его героиня объединила черты Эсклармонды де Фуа и Эсклармонды, дочери Рамона Переллы. Перелла, храбрый защитник альбигойцев, не оставил своих жену и дочь до последнего дня. Юная Эсклармонда была парализованной экзальтированной девушкой, с восторгом и ужасом ожидавшей костра. По-видимому, ее страшная смерть в огне дала пищу легенде о том, что Великая Эсклармонда погибла в Монсегюре.

Еще одна Эсклармонда происходила из знатного и могущественного дома еретиков де Ниоров. Ее свекровью была Бланка де Лорак, мать знаменитой Жеральды де Лавор и Эмери де Монреала, державшая вместе со своей дочерью Мабиль дом для женщин-катарок.

Мать троих рыцарственных сыновей прославилась тем, что упорно подвигала их на сопротивление французам. Когда архиепископ явился к ней в дом, чтобы наставить

в католической вере, репительная женщина прогнала его прочь. Овдовев, Эсклармонда де Ниор стала Совершенной. На ее примере мы можем представить, сколько горячих сторонников среди этой части общества получили катары.

И наконец, Эсклармонда д'Айон, племянница Великой Эсклармонды, внебрачная дочь ее брата Раймона Роже. Она с решимостью отчаяния помогала защитникам Монсегюра, а в конце жизни была сожжена на костре инквизиции.

Что же известно об альбигойской святой относительно точно?

Она родилась, скорее всего, в 1155 г. Ее родителями были Роже Бернар I де Фуа, по прозвищу Толстый, и Сесиль Безье. Девочку назвали Эрменгардой. Это имя давалось дочерям знатнейших родов Юга и Севера. О детских годах и впечатлениях Эрменгарды мы не знаем практически ничего. Упоминается, что ее отец и мать были приверженцами катарского вероучения — впрочем, лишь предположительно: принадлежность к еретической секте никак документально не фиксировалась. Да и вряд ли подобные документы, если бы они имелись, сохранились католиками после того, что они сотворили в Окситании.

Сесиль Безье, по-видимому, умерла, родив трех дочерей.

Скорее всего, с детства, как это было принято в знатных домах, Эрменгарда воспитывалась при дворе своей родственницы виконтессы Аделаиды Каркассонской, женщины со смелым широким умом, развитым образованием, безоговорочно сочувствующей катарам. Надо полагать, что харизматическая личность Аделаиды сильно повлияла на убеждения и мировоззрение юной дочери де Фуа. Впрочем, должно быть, никакого религиозного фанатизма девочка не проявляла, поскольку отец без принуждения выдал ее замуж за знатного и богатого вельможу Жордена де ле Лиля,

виконта де Гимозша. Тот был только на год старше своей жены, являлся потомком старинного иберийского дворянского рода, близкого Комменжам, и владел крупными земельными угодьями по обе стороны Пиренеев. Путем этого брака были объединены разрозненные прежде владения Комменжей и Фуа.

Принято считать, что красивый и благородный Жорден на долгие годы стал ее защитником и другом.

Однако период замужества — это терра инкогнита в жизни Эрменгарды. Нет упоминаний, что супруги, принадлежавшие к высшей знати Лангедока и не стесненные в средствах, держали открытый дом, привечали песнопевцев, устраивали праздники, диспуты, «суды любви», хотя это было обыкновением практически во всех благородных семьях. Ни разу супружеская чета не упоминается в качестве гостей Тулузского двора или дворов других знатных вельмож. Не нашлось ни одного трубадура, который избрал бы Эрменгарду своей дамой и посвятил ей хотя бы единственное поэтическое творение.

Об этой паре в период их брака неизвестно ничего. Быть может, именно тогда произошло нечто, определившее дальнейший жизненный путь этой женщины.

В слащавых современных перепевах таинственной жизни Эрменгарды осторожно отмечается, что слыла она супругой «любящей и верной». Надо полагать, что этот вывод сделан на основании рождения шестерых детей: трех дочек — Эскароньи, Обики и Филиппы и троих сыновей — Бернара-Жордана, Жордана и Отона-Бернара. Впрочем, в разных родословных и количество, и имена детей называются по-разному. О потомстве Эрменгарды сведений практически не имеется. Лишь некоторые авторы мимоходом

упоминают одного из ее сыновей среди защитников Монсегюра.

Больше всего удивляет, что она осталась в истории не как виконтесса ле Лиль, а как женщина из дома де Фуа.

В 1187 г., незадолго до смерти, отец, Роже-Бернар I, завещал своей старшей и, по-видимому, любимой дочери развалины древнего замка на горе Монсегюр, чтобы она стала там «госпожой и повелительницей». Позже, объясняя свое отношение к сестре и ее подвижнической деятельности, граф де Фуа удивлялся: «Пик Монсегюр? У меня нет на этот замок никаких прав, нет над ним никакой власти: он мне не принадлежит... Имела ли право моя сестра жить на наших землях? Да. Я дал клятву умирающему отцу».

Эрменгарда передала Монсегюр своему вассалу Рамону де Перелле вместе с большой суммой денег, повелев восстановить святыню, с древнейших времен почитаемую как храм Солнца.

Через семь лет после кончины отца умер и супруг Эрменгарды (ок. 1200). История не сохранила подробностей этого печального события. Правда, упоминается, что условия завещания оказались для нее исключительно благоприятны. Дети были уже взрослыми, и больше ничто не привязывало виконтессу к мирской жизни. И она, поделив между ними богатейшее наследство, вернулась домой, в графство Фуа, во главе которого стоял ее брат Раймон-Роже (1157—1222/3), правая рука графа Раймунда VI Тулузского.

Он был старшим сыном ее отца от второго брака с женщиной по имени Саура (больше ничего не известно о матери графа де Фуа, хотя в некоторых родословиях он называется сыном Сесиль Безьерской).

Этот гордый аристократ не был домашним тираном. В то время, когда не семья принадлежала человеку, а человек се-

мье, он позволял женщинам своего дома иметь собственное мнение и придерживаться собственных убеждений.

Раймон-Роже являлся вторым по значимости после Раймунда Тулузского государем в Лангедоке. Из неприступного фамильного замка на скале, высящегося над долиной реки Арьеж, он зорко охранял безопасность пиренейских горных перевалов. Граф славился воинственностью и полководческими талантами. Однако его натура была богата и разнообразна. Трубадуры прозвали его «Друт» — «Влюбленный», поскольку граф постоянно пребывал в волнении чувств из-за любовного влечения то к одной, то к другой красавице. Его пылкость испытали и Эрменгарда дю Тей, родившая ему сына Лупа де Фуа, и Стефания Лоба. Возможно, из-за своей вечной влюбленности он женился поздно, в 35 лет, на двадцатилетней Филиппе Монкада, дочери виконта Беарнского. Красноречивый оратор, музыкант, автор множества стихов, в том числе и хвалебных о себе самом, он был достаточно свободен в вопросах религии и не переставал заботиться о своей супруге, которая, прожив в браке семь лет, приняла *consolamentum* и возглавляла Дом Совершенных в Дюне.

Историки единодушно утверждают, что в 1204 г. в местечке Фанжо, при большом скоплении народа виконтесса де Лиль Жорден вступила в лоно катарской церкви, приняла *consolamentum* и облачилась в скромное черное одеяние. Она отказалась от этого мира и стала готовить себя к жизни грядущей. Но уже задолго до этого ее стали называть Эсклармондой.

Независимо от собственного желания Эсклармонды ее значение в Окситании возрастало. Из отдельных замечаний современников, но главным образом из преданий и легенд вырисовывается образ женщины, которой было суждено

сделаться знаменем сопротивления свободолюбивого Юга властным притязаниям рационального Севера и католического Рима. По всей видимости, она выделялась какой-то особой одухотворенностью и душевной деликатностью; полная достоинства, она никогда не казалась высокомерной, ее служение вере было лишено предрассудков и фанатизма. Будучи доброй и сострадательной, она умела быть решительной и твердой. Она обладала высоким чувством справедливости, позволяющим судить строго, но праведно. Ее замечания были вежливы и обезоруживающе доброжелательны. Все недостатки, если они имелись, восполнялись щедростью сердца и спокойствием духа.

Брат Раймон-Роже построил для нее в местечке Памьедом под названием «Кастеллар», походивший на монастырь и живущий по принципам трудовой общины. В доктрине катаров важное место уделялось ежедневному труду: человек, в том числе и знатный, был обязан постоянно заниматься каким-то делом. Женщины-катарки славились искусством ткачества. Катаров иногда называли «ткачами». И Эсклармонда тоже делила свое время между жизнью внутренней — чтением Евангелия, размышлениями над теологическими трактатами катаров — и жизнью внешней. Она неустанно разъясняла основы вероучения множеству людей, стекавшихся сюда со всей Европы и месяцами пользовавшихся ее гостеприимством, поддерживала, утешала, врачевала. На свою часть наследства она строила школы, мастерские, приюты, готовые принять первых жертв витавшей в воздухе войны между севером и югом Франции.

Судя по строкам песни, оставленной нам трубадуром Гийомом Монтанаголем, люди боготворили ее¹.

¹ Некоторые историки полагают, что эти строки относятся к Эсклармонде д'Айон, племяннице Великой Эсклармонды.

«Госпожа Эсклармонда приятна и чиста,
Поэтому она нравится людям.
Госпожа Эсклармонда, ваше имя показывает,
Что вы воистину даруете свет миру», —

пел знаменитый трубадур, и вся Окситания знала, о ком идет речь. Ведь *Es clara e tunda* означает «несущая свет миру». «Тот, кто зовет к вам, не подвергнется злу целый день», — повторяли вслед за трубадуром окситанцы и с радостью нарекали ее именем своих дочерей. Ее любили, преклонялись как красивому, непонятному и очень другому.

Враги называли Эсклармонду «женщиной-папой».

История донесла до нас сообщение об участии Эсклармонды в теологической дискуссии, так называемой ассамблее («Монреальское собрание»), которые пока еще проводились между католиками и катарами. В 1207 г. на богословский диспут в Памье, организованный Эсклармондой, приглашены были папские легаты, представители католического духовенства и самые известные философы-еретики.

Католическая церковь сделала все, чтобы не осталось даже памяти о катарах, но через века до нас дошли отзвуки этого события. Известно, что раздосадованные клирики не смогли найти веских аргументов в споре и перешли к прямой грубости. На вопрос Эсклармонды, который очередной раз поставил их в тупик, один священник раздраженно предложил ей не мешаться в мужские дела, а отправляться, как подобает честной женщине, к своему веретену.

Кто бы вспомнил имя французского клирика Этьена де Минье, не останься оно как грязное пятно рядом с именем Эсклармонды? Это ему принадлежали слова, которыми он надеялся ее унижить.

Спорящие разошлись еще более непримиримыми, чем до начала собрания. После памьерского диспута стало оче-

видным, что время дискуссий миновало и репрессии против инакомыслящих вскоре еще более усилятся.

Иннокентий еще раз убедился, что компромисс с альбигойцами невозможен. Силу духа еретиков не победить проповедями его легатов. В обсуждениях спорных вопросов они, уверенные в своей правоте, необоримы. Единственным действенным средством борьбы против заблуждений осталась сила.

Это понимали и еретики.

Катарам требовалось позаботиться об убежище на случай новых гонений. Замок Монсегюр, принадлежащий Эсклармонде, находился на высокой горе Фавор. Его держал от нее один из верных защитников катаров в среде мирских владык Рамон де Перелла. Он укрепил стены замка и практически заново отстроил цитадель. Рамон принадлежал к дому, глубоко преданному катарскому вероучению, известному своим благородным происхождением, имениному, гербом которого были башня, рыба и полумесяц — предметы, почитаемые катарами. Главой этого дома в то время был барон Пьер Роже де Мирпуа. В 1204 г. раненный при покушении на него правоверных католиков, Пьер Роже принял *consolamentum* из рук Гильаберта де Кастра, но еще долго продолжал свою борьбу с ненавистными попами. Предполагают, что в 1206 г. он предоставил свои владения катарам для проведения там собора.

Рамон Перелла испытывал глубокую личную преданность к Эсклармонде. Это было и поклонение рыцаря даме, и восхищение необыкновенными свойствами духа этой женщины. Свою младшую дочь он нарек ее именем.

Народ, населявший в XIII в. Южную Францию, складывал о своей соотечественнице прекрасные возвышенные сказания. В несчастьях и бедствиях она оставалась хлад-

покровна и тверда как сталь, в то время как ее гибкий ум и мягкая безоговорочная воля подчиняли себе окружающих. Она обладала какой-то сверхъестественной способностью утешать страждущих, воодушевлять колеблющихся, внушать надежду отчаявшимся. Эта уже немолодая, но как бы нестареющая и не имеющая возраста хрупкая женщина стала символом непобежденной Окситании. Ее благородный образ ярко выделяется на мрачном фоне того периода Средневековья, который известен сегодня под названием «Альбигойские войны».

Так получилось, что альбигойская трагедия обрела своих мучеников, своих героев, но в глазах потомков вождем сопротивления Юга нашествию с Севера стала именно эта женщина. Она не вела в бой отряды, не изощрялась в дипломатических уловках, но в то время, когда предводители-мужчины были частью уничтожены, частью предпочли отойти в тень, Эсклармонда оказалась для своих единоверцев высшим авторитетом, духовным вождем в силу редкой душевной энергии, магнетизма, таинственной и всепобеждающей убежденности.

Рядом с Эсклармондой видится фигура патриарха еретиков, епископа Гильберта де Кастра. Этот сын знатного рода не пожелал носить меч и вести полагавшуюся ему по рождению жизнь воина и рыцаря. Он отказался от всех мирских благ, окружил себя бедностью, предался посту и посвятил свое существование служению новой вере. Он сохранил в Фанжо больницу и Дом Совершенных. В 1207 г. он выступил достойным оппонентом святого Доминика на конференции в Монреале. До глубокой старости Гильберт без усталости колесил по просторам Романьи, проповедовал и рукополагал новых Совершенных. Судя по некоторым высказываниям, он наставлял молодого Транкавеля, хотя ни-

каких документальных подтверждений этому не имеется. Зато почти наверняка именно Гильберт де Кастр принял в лоно катарской церкви свою духовную дочь Эсклармонду¹. А в 1222 г. он попросил Рамона Переллу предоставить замок Монсегюр в распоряжении катарской церкви.

Ученица превзошла своего учителя. Гильберт де Кастр почти забыт, тогда как память об Эсклармонде пережила века. Загадки, связанные с именем этой женщиной, неисчислимы. Сама ее смерть таинственна. Все представители рода де Фуа находили упокоение в фамильной усыпальнице в цистерцианском аббатстве Бульбонн². Все, кроме Эсклармонды — ее захоронения там нет. Но нельзя же, в самом деле, считать, что она улетела на небеса, обернувшись голубкой.

Имена Эсклармонда и Монсегюр всегда рядом. Этому замку графиня предназначила роль последнего убежища для своих единоверцев, места, где приближенность к небесам облегчит им переход в жизнь истинную.

Но предназначение Эсклармонды не исчерпывалось ожиданием переселения в мир иной. Ее роль была шире и значительнее.

Окситанцы почитали Эсклармонду как Хранительницу некоего сокровища — Священного Грааля.

Через много столетий было высказано предположение, будто Святой Грааль на самом деле символизирует священное женское начало и олицетворяет реальную женщину — Марию Магдалину. Как уже отмечалось выше, три автора-исследователя — М. Бейджент, Р. Ли и Г. Линкольн — опу-

¹ Эсклармонда была на десять лет старше Гильберта де Кастра. Может быть, это она была его наставницей?

² Крестоносцы, не сумев захватить замок Фуа, ослепили монахов из Бульбонна, отрезали им носы и уши. Такая жестокость, следует подчеркнуть, была проявлена к католическим монахам!

бликовали в 1982 г. книгу «Святая кровь и Святой Грааль». Они-то и назвали Марию Магдалину Святым Граалем, поскольку она, по их версии, вышла замуж за Иисуса Христа и понесла в своем чреве от него ребенка. Эту концепцию генеалогического рода Христа подхватила Лиз Грин в повести «Мечтатель виноградной лозы» и другие писатели, работающие в жанре фэнтези, а в 2003 г. она появилась в романе Дэна Брауна «Код да Винчи». Однако идея о тождественности Святого Грааля и Марии Магдалины вызвала крайне негативную реакцию теологов, историков и Ватикана.

Действительно, раскаявшаяся блудница — Святой Грааль? В это трудно поверить.

Но была ли женщина, носившая подобное имя, единственной? Мария Магдалина означает «Мария из Магдалы». Быть может, в Магдале жила не единственная Мария?

Однако предположение о какой-то неизвестной добродетельной Марии, избраннице Христа, оказывается несостоятельным после анализа доступных нам текстов.

Мало кто помнит, но с Иисусом были связаны три Марии — жены-мироносицы, пришедшие с благовониями и мазями, чтобы умастить тело распятого Христа: Мария Магдалина, Мария Клеопова и Мария Саломея.

Известна также Мария из Вифании — сестра Лазаря и Марфы. Марфа отличалась скромностью, а Мария вела свободный образ жизни.

Католическая церковь отождествила Марию Магдалину с Марией из Вифании, но это разные женщины. В Новом Завете и апокрифических текстах совсем немного ссылок на Марию Магдалину. То, что она потомок царя Давида, как утверждает М. Бейдженг, невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить. Но, по-видимому, Магдалина была состоя-

тельной женщиной, поскольку в Евангелии от Луки упоминается, что она обеспечивала Иисуса некоторыми материальными благами, а он ее исцелил: изгнал из нее семь бесов.

Последнее упоминание о Марии Магдалине — тот момент, когда она первая увидела Христа после его воскрешения. Затем ее имя исчезло, остались лишь легенды.

Однако в раритетном документе, «Берлинском папирусе 8502», Мария Магдалина выступает как весьма важная фигура, не менее значимая, чем апостолы. Правда, этот раритет практически не доступен для ознакомления.

В средневековом сочинении епископа Якова из Ворагины «Золотая легенда» — сборнике житий различных святых, созданном на основе религиозных текстов и народных легенд, — рассказывается, что иудеи посадили в челн без весел и парусов Иосифа Аримафейского, Лазаря и его сестер и отправили в море. На южном побережье Франции на протяжении многих столетий бытовала легенда о том, что Грааль привезли в Марсель сестры чудесно воскрешенного Спасителем Лазаря Мария Магдалина и Марфа вместе с Дионисием Ареопагитом (трое Хранителей!).

Иосиф, по-видимому, отправился в Англию, а Мария удалилась в пещеру и там окончила свою жизнь.

Местные жители почитали Марию Магдалину как близкого и преданного друга Иисуса, считали ее основательницей истинного христианства и «матерью Грааля». Этот таинственный предмет, как рассказывается в старинном предании, она до своей смерти прятала в пещере неподалеку от Тараскона.

В честь святой Марии Магдалины, почитаемой как просветительница Галлии и Франкии, в разных областях Южной Франции еще в раннем Средневековье было возведено множество храмов и часовен.

Особенно широкое распространение культ Марии Магдалины получил в городке Ренн-ле-Шато в провинции Лангедок, где построенный в ее честь большой храм был расписан замечательными фресками о житии святой. В преданиях Лангедока Мария Магдалина упоминается как «владычица вод» и «Мария на море».

Можно сказать, что в ее загадочном образе запечатлена идея поиска вечной женственности, недаром, согласно некоторым легендам, она также являлась земным воплощением Софии Премудрости Божией.

Тем не менее, проанализировав множество документов. С. Кокс и М. Оксбрау называют абсурдным предположение, отождествляющие Святой Грааль с Марией Магдалиной, а теорию, выдвинутую М. Бейджентом, Р. Ли и Г. Линкольном, — неправдоподобной.

Но мотив священного женского начала всегда был где-то рядом с Граалем. Иногда это девять девственниц, согревающих его своим дыханием, или девять чародей, искушенных в целительстве, которые оберегают магический сосуд на волшебном острове Авалон.

Кретьен де Труа описывает Деву, охраняющую Грааль, как благородную, изумительно красивую и изысканно одетую. Она непорочна, чиста, целомудренна. Другие прелестные девушки заботятся о копье и иных предметах, сопровождающих Грааль: чудесной реликвии придавалась соответствующая свита.

Поэтому предположение, что происходящая из старинного аристократического южнофранцузского рода Эсклармонда де Фуа, Совершенная, известная своими выдающимися душевными и нравственными качествами, стала Хранительницей Святого Грааля, кажется вполне обоснованным. Об этом свидетельствует все, что известно об этой

женщине: ее происхождение, окружающий ее ореол духовности и непорочности, ее стойкость и бесстрашие. Вещи не звали ее обладать ими, власть не привлекала. Около двадцати лет, до самой смерти, она преданно служила Граалю и готовила себе достойных преемниц. Известно, что женщина Хранительница не должна была так строго соблюдать тайну своего происхождения, как Хранитель-мужчина. Поэтому наши знания о других его Хранителях основываются только на косвенных свидетельствах.

Понятно стремление Эсклармонды обустроить замок Монсегюр. Там можно было укрыть сокровище от всех опасностей грядущего завоевания. Внутри горы Фавор под основанием крепости вода проточила множество подземных лабиринтов, потайных ходов и гротов, ведущих к пещерам Орнольяка, через которые пролегали почти незаметные пути в Испанию. Отсюда святыню можно было при необходимости переправить в другое укрытие.

Катарская секта, к которой принадлежала Хранительница Эсклармонда, пользовалась в регионе беспрекословным авторитетом и всеобщим уважением. Быть может, этому способствовала молва о Святом Граале? Альбигойцы полагали, будто Святой Грааль — кубок необыкновенной красоты, изготовленный из лучистого камня, выпавшего из короны Люцифера, нечто принесенное с неба, возвышенное и непостижимое, лежащее за пределами брэнного мира и человеческого понимания.

Потаенная катарская реликвия неудержимо влекла к себе верующих. На горе между землей и небесами Совершенные, чье существование проходило в молитвах и самосозерцании, учении и проповеди истинной веры, находили нечто, необходимое для жизни души. Люди стекались туда со всех сторон, чтобы участвовать в катарских богослуже-

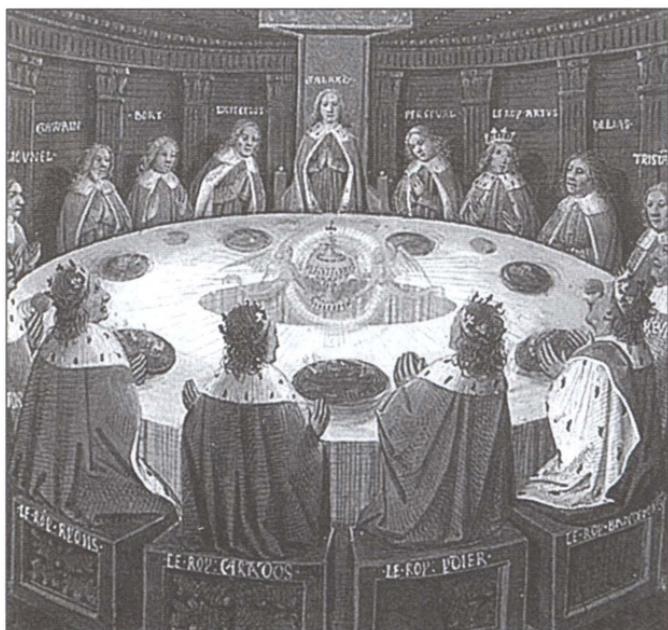
Трубадуры. Средневековая миниатюра

*Папа Иннокентий III отлучает альбигойцев от церкви.
Крестоносцы убивают еретиков. Средневековая миниатюра*

*Иосиф Аримафейский собирает Кровь Христову в Чашу.
Средневековая миниатюра*

Явление Святого Грааля. Художник Ж. Фуке

*Диспут святого Доминика с Гильябером де Кастром в Фанжо.
Художник П. Берругете*

Пленные катары выходят из Каркассона. Средневековая миниатюра

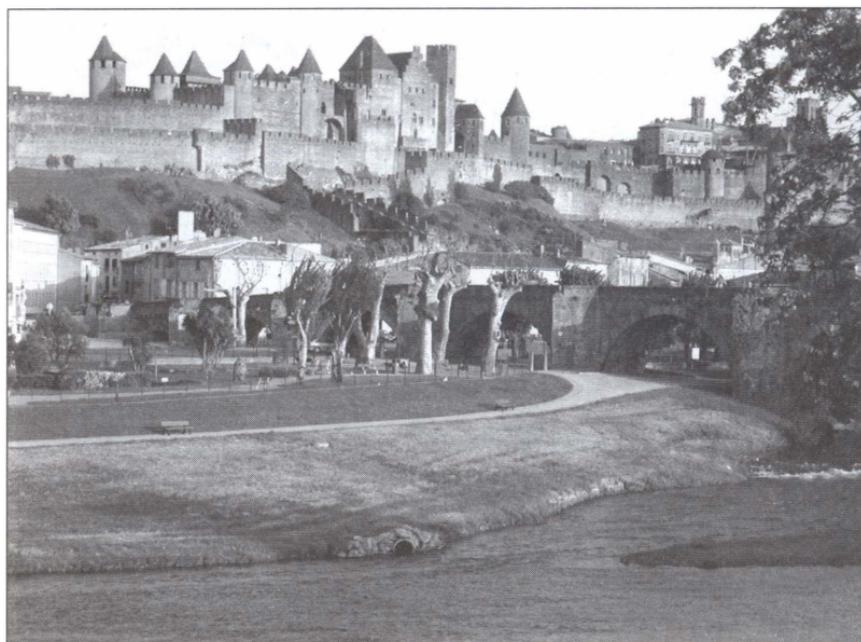
*Осада Тулузы крестоносцами во время Альбигойских войн.
Барельеф из церкви в Каркассоне*

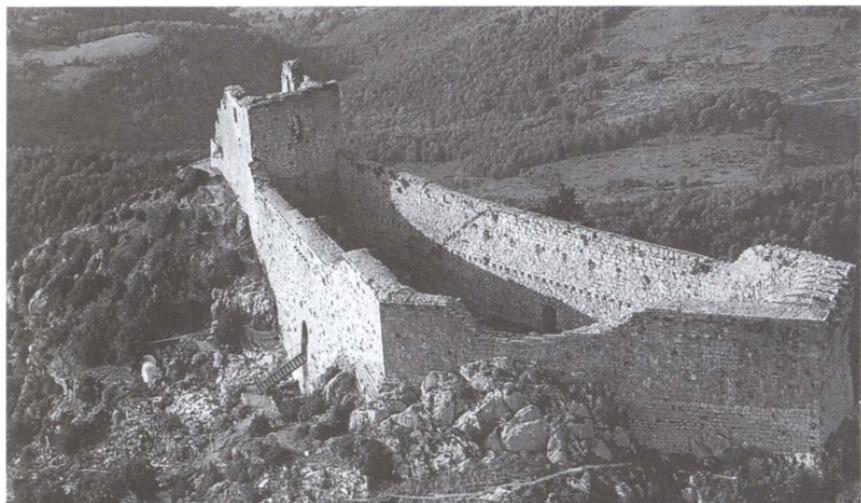
Безье. Современный вид

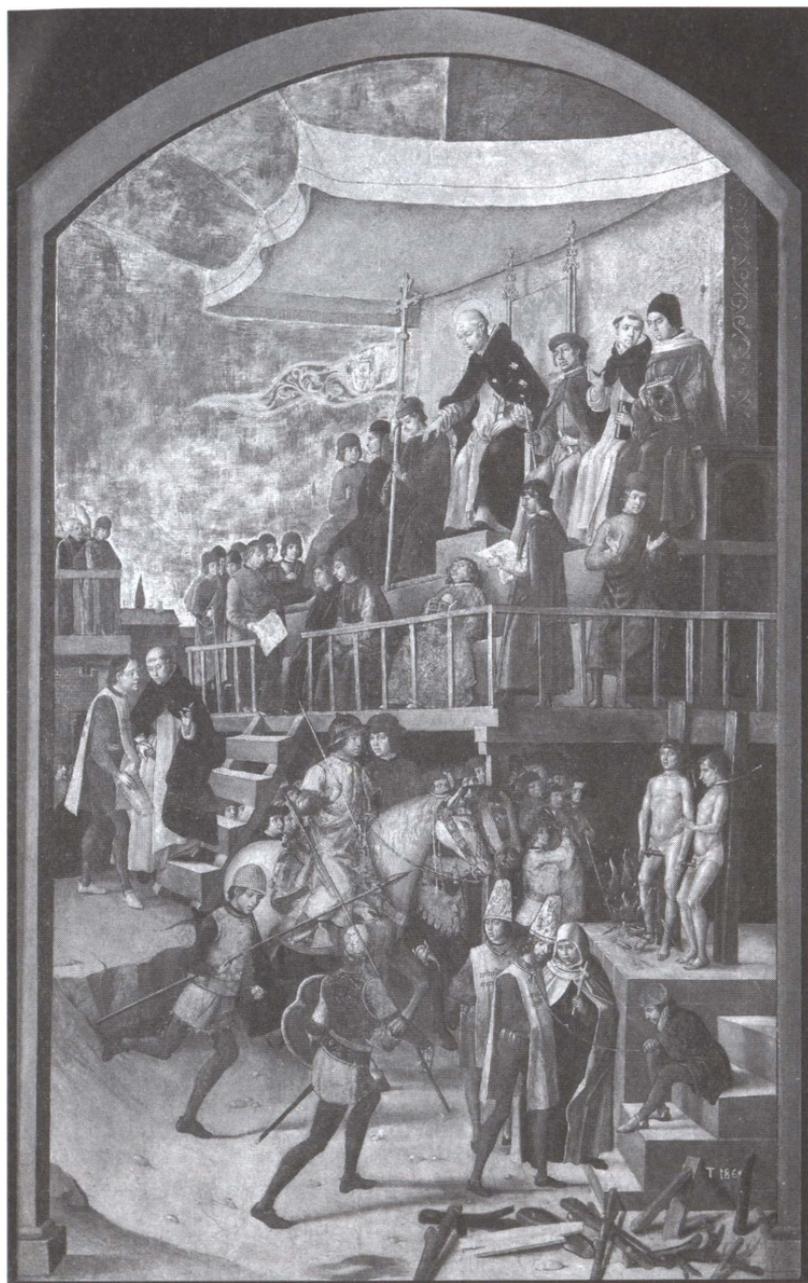
Альби. Современный вид

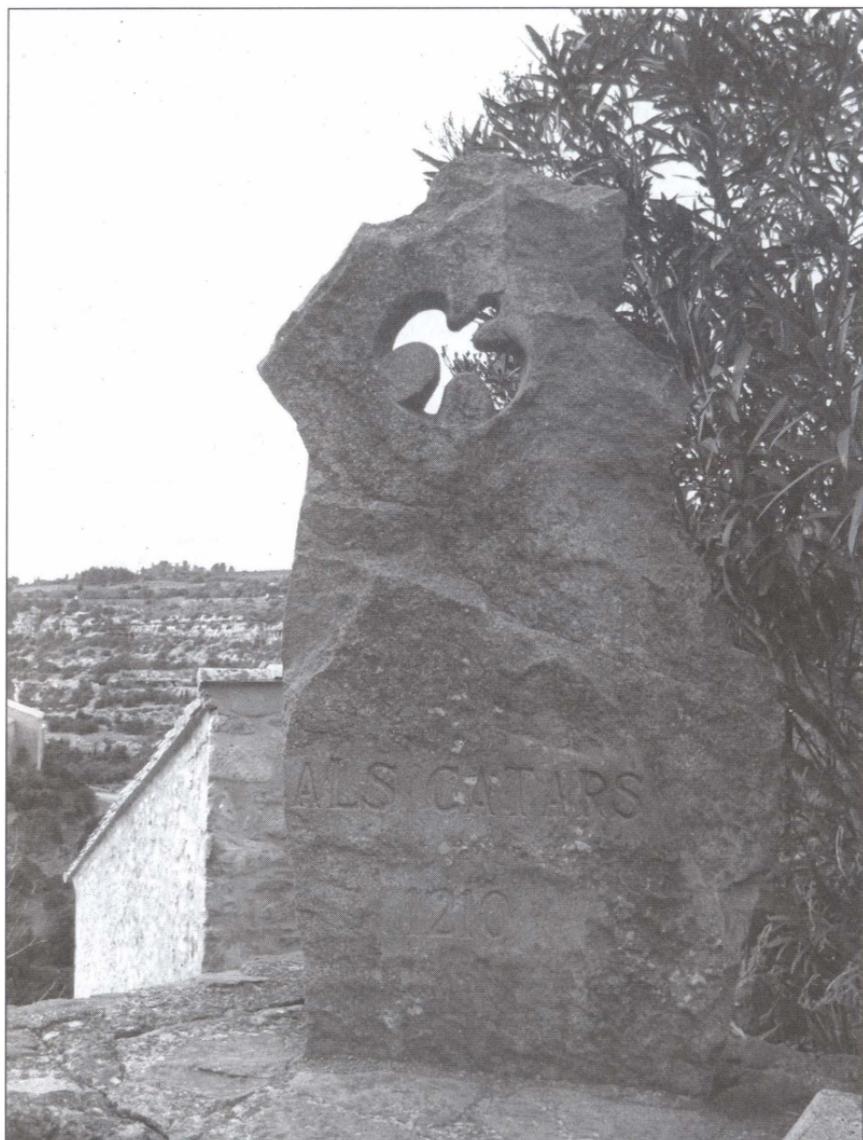
Каркассон. Современный вид

Руины Монсежюра

Святой Доминик руководит ауто да фе. Художник П. Берругете

Памятник альбигойцам, сожженным в Минерве

ниях и приобщиться к молитвенному созерцанию своей святыни.

Иннокентий III, который не мог не знать о поклонении кумиру, из-за чего не затухал огонь неповиновения и из лона церкви ускользал богатейший регион, требовал от северных баронов идти в Крестовый поход на южных грандов. Папа желал огнем и мечом выжечь альбигойскую ересь. Однако из дипломатических соображений он не упоминал в своих проповедях о Святом Граале, хотя обладание Граалем всегда было заветной мечтой палестинских крестоносцев и европейских рыцарских орденов. Поиски Святого Грааля могли стать смыслом жизни какого-нибудь особенно экзальтированного рыцаря.

Быть может, верна догадка П. Понсуа, который пишет: «Многие из знатных людей были близки к ордену тамплиеров и признавали над собой его власть. К таковым относится и Иннокентий III, если судить по его буллам». Нельзя исключить, что выдающийся понтифик стремился завладеть Граалем для славы католической церкви или для упрочения позиций ордена.

НАЧАЛО АЛЬБИГОЙСКИХ ВОЙН

Сначала Иннокентий III поручил двум цистерцианцам Ренье и Ги разгромить катарских проповедников на одном из диспутов. Папские легаты явились в Окситанию подобно могущественным князьям: их одежда была сшита из драгоценных тканей, носилки украшены резьбой и позолотой, на откормленных мулах переливались дорогие вышитые попоны с золотыми кистями. Испушенные в теологических дискуссиях, надменные богословы надеялись без труда победить бескровных, похожих в своих черных одеяниях на бедных простолоудинов еретиков. Однако истощенные, но

одухотворенные Совершенные своими доводами не оставили камня на камне от логических построений папских теологов.

Пафосное появление легатов и их постыдный провал на диспуте наблюдал некий испанский монах Доминик, к этому времени основавший орден нищенствующих проповедников.

Роль этого человека в судьбе Романьи настолько велика, что, пожалуй, следует привести две версии его жизни и деятельности, чтобы было понятнее, насколько мало общего имеет предубеждение с действительностью.

Согласно каноническому варианту святой Доминик родился в 1170 г. в небольшом городке Старой Кастилии. Оба его брата стали священниками. Предание повествует, что маленький Доминик так жалел нищих и бездомных, что стремился, как мог, разделить их страдания: ночью выползал из кровати и спал на голом полу.

В 14 лет Доминик поступил в университет, где изучал естественные науки, риторику и богословие. А в 1191 г. в Кастилии разразился ужасающий голод. Бедный и вечно недоедающий Доминик продал все свои вещи, одежду и даже книги, по которым учился, и раздал деньги голодающим. Товарищи упрекали Доминика: «Брат Доминик, ведь без книг ты не сможешь получить образование!» Он отвечал со слезами: «Неужели вы думаете, что я буду учиться на мертвой коже, когда живые люди умирают от голода?» Пристыженные его примером, профессора и студенты собрали огромную милостыню, благодаря которой сумели выжить тысячи людей.

Милосердие святого Доминика подчас приобретало героический характер. У одной бедной женщины мавры взяли в плен единственного сына. И студияз Доминик вы-

звался добровольно идти в рабство вместо совершенно незнакомого юноши. И пошел бы, но благочестивая женщина не приняла великодушное предложение Доминика.

Десять лет учебы в университете превратили Доминика в выдающегося богослова. «Путь моей жизни — это странствия и проповеди. Ибо что может быть выше, что может быть важнее спасения человеческих душ?» — восклицал Доминик.

В 1203 г. король Кастилии послал Доминика провести переговоры о браке наследника кастильского престола и дочери французского графа де ла Марша. Доминик прибыл на юг Франции, где особенно свирепствовала ересь альбигойцев. Он был потрясен увиденным. Разрушенные церкви, аббатства и монастыри, ужасающее падение нравов.

Он остановился на ночлег в Тулузе. Выяснилось, что хозяин гостиницы — убежденный еретик. И Доминик, буквально падающий с ног от усталости, так и не лег спать: всю ночь он убеждал хозяина гостиницы порвать с сектантами и вернуться в лоно христианской церкви. И добился своего: утром трактирщик пошел в маленькую, чудом уцелевшую церковь и раскаялся в своем заблуждении.

Доминик выполнил поручение кастильского короля и отправились в Рим, к папе Иннокентию. Он просил папу позволить ему вступить в борьбу с еретиками на юге Франции. Папа, видя искренний порыв молодого проповедника, отправил его в Тулузу. Простые люди Тулузы очень скоро полюбили этого скромного, доброго проповедника. Главные еретики, озлобленные тем, что им не удастся одолеть Доминика в открытых диспутах, дважды пытались убить его, но всякий раз, встретив его кроткий взгляд, опускали оружие.

После проповедей Доминика тысячи людей, колеблющихся в вере, возвращались в лоно христианской церкви. Святой Доминик, милосердный до самопожертвования, не признавал методов насилия. Этот проповедник обладал огромной силой нравственного воздействия. Вот как скажет о нем впоследствии духовная дочь Доминика, блаженная Цецилия: «От лба его и из точки между бровями исходила сила, подобная лучу света и наполнявшая людей любовью и благоговением».

Папа подарил ордену Доминика римскую церковь Святого Сикста, затем передал доминиканцам крупный монастырь в Риме. Но святой Доминик понимал, что евангельская проповедь особенно важна в университетах Европы. Так возникло братство доминиканцев в Парижском университете, затем — в университете Болоньи.

Многолетние труды подорвали телесное здоровье Святого Доминика. Он скоропостижно скончался в своем монастыре в Болонье, где и был погребен. Перед самой смертью Доминик, как когда-то в детстве, попросил положить его на голый пол. Это случилось в 1221 г., когда святому Доминику едва исполнилось 50 лет.

А вот другое описание того же человека.

Житие святого Доминика (1170—1221) не более чем легенда. На самом деле он происходил из богатого кастильского дома и с шести лет был определен к духовной деятельности. Он учился в высшем духовном училище в Паленсии, послужившем основой знаменитого Саламанского университета. Здесь он выказал большие способности. Вернувшись домой, Доминик во время голода раздал все, что имел, и этим примером заразил других.

Это был ученый испанец, мрачный фанатик, пламенный и энергичный. Его переполняло жестокое религиозное рве-

ние, беспощадная злоба ко всему, что враждебно церкви. Страстный формалист-церковник, он глубоко ненавидел любое проявление ума или характера, нарушавшее традиционные учения. Доминик истреблял врагов церкви, и благодаря ему нищенствующие монахи сделались страшной силой. Новые аскеты шли в мир не для того, чтобы жить его жизнью и облегчить его бремя, но чтобы истреблять в нем грех и заблуждения и, в конце концов, чтобы управлять им в духе тогдашнего католицизма. Босой монах быстро проник во все классы общества и овладел всеми сторонами духовной жизни.

Монах Доминик призывал к всеобщему Крестовому походу против альбигойцев и впоследствии сделался личным советником зловещего Симона де Монфора.

Обе эти характеристики даны святому Доминику постфактум.

Известно, что сначала Доминик видел себя в роли носителя Слова Божьего среди полабских славян. Трудно даже вообразить, как сложилась бы судьба Восточной Европы, разверни свою деятельность среди славянских языческих племен этот слепой приверженец католической веры, не отступающий перед трудностями и жестокостями.

Пока же получив аудиенцию у папы, Доминик рассказал о том впечатлении, которое произвело великолепие папских легатов на пораженное срьсю население. Иннокентий был здравомыслящий человек и умел слушать разумные доводы. Он отозвал своих миссионеров-эпикурейцев, любителей роскоши и великолепных экипажей. Из-за них катары говорили, что эти христиане явились в раззолоченных каретах защищать своего Бога, чей сын ступал по дорогам Галилеи босыми ногами.

С той поры святой Доминик стал идеологом борьбы с альбигойскими еретиками.

В 1203 г. папа направил в Окситанию еще одного легата, цистерцианца Пьера (Пейре) де Кастельно. Резкий и нетерпимый, тот не тратил красноречие на диспуты, а сразу перешел к угрозам и быстро восстановил против себя всю знать Юга. Кастельно позволял себе прилюдно поучать не только приближенных Раймунда Тулузского, но и самого графа.

В 1207 г. легат сколотил лигу баронов, в задачу которой входило уничтожение еретиков. Но другой, не менее важной задачей было поднять восстание против их сюзерена — графа Тулузского. Понятное недовольство гордого сеньора было использовано священнослужителем как повод для отлучения. Не ограничившись этим, он дерзко угрожал Раймунду: «Тот, кто лишит тебя владений, поступит хорошо, но тот, кто лишит жизни, будет благословен». После этих оскорбительных слов легат отряхнул прах с ног своих и покинул Тулузу.

Самовластный правитель, представитель древнего благородного рода, могущественный граф был вне себя. В ярости он крушил все вокруг, называя рыцарей трусами и предателями, не способными защитить своего господина. Но оскорбление, нанесенное их сеньору, бесчестило и его приближенных. Возмущенные не менее своего господина, несколько решительных вассалов графа поскакали вслед за легатом. Настигнув Пьера де Кастельно на переправе через Рону, конюший графа зарубил его. Существует множество вариаций этого события, но суть остается неизменной: посланник папы, лицо неприкосновенное, был убит если не по прямому приказанию, то с ведома Раймунда VI. Более

того, граф дал убийце убежище в своем доме и богато его наградил.

Негодование папы и римской курии не знало границ.

Церковь расценивала это злодеяние почти как всем еще памятное убийство архиепископа Томаса Кентерберийского служителями короля Генриха II¹. Как тогда, так и сейчас, молва приписала убийство тому, чьим страстям потворствовало. Сам папа, как можно увидеть из его послания, находился под влиянием этого общего впечатления.

Обстановка убийства и участие в нем Раймунда изложены в послании весьма сбивчиво: говорится, что ни просьбы, ни мольбы аббата святого Эгидия, ни настояния консулов и горожан не могли смягчить безумный гнев графа, а затем утверждается, что убийцы сопровождали легата к переправе через Рону помимо желания графа и к его огорчению. Тем не менее папа утверждает, что Раймунд считается виновником убийства на основании «несомненных улик». Ввиду всего этого граф предавался анафеме, все его вассалы и союзники освобождались апостольской властью от присяги верности, и всем католикам разрешалось не только преследовать его, но и занимать и удерживать за собой его владения.

Немедленно Иннокентий обратился к королям Франции и Арагона с требованием двинуть армии против погрязшего в грехах Юга.

¹ Томас Беккет — сначала был другом короля Генриха II, который сделал его примасом Англии, епископом Кентерберийским. В этом качестве он вступил в борьбу с королем за приоритет духовной власти над светской. Однажды Генрих в гневе воскликнул: «Кто же избавит меня от этого монаха!» Его преданные рыцари убили Беккета в храме. Чтобы заслужить прощение церкви, король Генрих был вынужден принять бичевание.

«Далеко на севере, в Париже», Филипп Август размышлял над предложением папы. Этому монарху были свойственны неожиданные действия и необычные решения, порожденные извилистостью мысли. Беспощадный и прагматичный, он всегда делал то, что нужно для его выгоды, как бы гадко оно ни было. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, когда он принял несколько строгих указов против павликан. По свидетельству апологета короля Гийома Бретонского, «он не позволял никому жить вопреки законам церковным, никому, кто бы осмелился чем-либо оскорблять католическую религию, никому, кто пытался бы отрицать таинства». Однако сейчас Филипп не спешил раздавить мерзкую ересь. Он был занят чрезвычайно важной для самого существования Французского королевства войной с Англией и не собирался дробить свои силы. Впрочем, он согласился не мешать вооружаться для богоугодного дела своим подданным.

Мать Раймунда VI была родной теткой Филиппа II, то есть сеньоры приходились друг другу кузенами, но родство в подобных случаях ничего не значило.

Король не хотел таскать каштаны из огня для Иннокентия; более того, он намеревался заставить его самого сделать всю черную работу. «Осудите его как еретика. Только тогда у вас будет право вынести приговор и приглашать меня, сюзерена графа, для того, чтобы законно конфисковать домены моего вассала», — якобы ответил французский король папе.

Иннокентию пришлось взять на себя высшее руководство крестовым походом через назначенных им легатов. И хотя не папа планировал военные действия, именно он обеспечивал успех кампании.

Из всех областей Западной Европы — из Иль-де-Франса, Бургундии, Лотарингии, Шампани, Австрии, из далекой Венгрии и почти фантастической Славонии — в Лион собирались крестоносцы. Весь христианский мир отправлялся в поход против Тулузы и Прованса, чтобы уничтожить повод для смут, печаливший и унижавший мать — католическую церковь на протяжении последних трех поколений.

На их благих побуждениях заметен был значительный налет практицизма.

Крестовый поход как спасительное средство заменял монастырь, и это имело огромную важность для рыцаря. Дворянин со своими вкусами и образом жизни находился в непримиримом противоречии с церковными требованиями и в конечном итоге с самим собой, поскольку он был человеком верующим. Все, чем он жил, церковь осуждала и проклинала. Его любимым, почти единственным занятием была война, а церковь запрещала даже турниры и лишала христианского погребения убитых на таком состязании. Рыцари проводили жизнь в пирах, не хотели знать никаких ограничений своему произволу, а церковь требовала от них поста, воздержания и всяческого послушания. Рыцарь считал эти требования справедливыми, страшно боялся ада и сплошь да рядом в конце жизни шел в монастырь. Но крутая дисциплина реформированного монашества была противна дворянину, состарившемуся в боях и попойках. Старый грешник редко умирал благочестивым иноком.

Крестовый поход давал возможность спастись войной, то есть тем, что рыцарь любил более всего на свете. Кроме того, он избавлял от кредиторов. К материальным выгодам борьбы против альбигойцев — военной добыче и захвату земель — присоединялись загробные блага. Легкий поход на близкий цветущий край с безоружным богатым насе-

лением был приравнен по заслугам к трудным и опасным путешествиям на Восток с его воинственным фанатичным народом. «Пальма мученичества за веру стала всем доступна».

В IX в. благочестивая Европа начала «охотиться» за реликвиями, связанными с земной жизнью Христа. Своего апогея этот процесс достиг в XIII в., когда Людовик Святой привёз в Париж из Константинополя и поместил в построенной для этой цели Святой капелле ряд орудий Страстей, чья подлинность мало у кого вызывала сомнение.

Однако среди этих высокочтимых орудий Страстей, которые выставлялись в различных храмах Европы, отсутствовала чаша, из которой вкушал Иисус на Тайной вечере. Это обстоятельство подстегнуло толки и предания о её местонахождении.

В противовес Парижу, который «монополизировал» многие святыни христианства, часть современной Франции, принадлежавшая английской короне, выдвинула легенду о чаше, которая скрыта где-то на просторах Британии.

В средневековых романах о Парсифале главный герой ищет и находит волшебный замок Мунсальвеш, в котором под охраной таинственных рыцарей хранится Грааль. В некоторых описаниях Грааль весьма напоминает неиссякаемый сосуд из более древних кельтских легенд, который по своей функции сходен с аналогичными предметами в мифологии других индоевропейских народов, в частности с рогом изобилия.

Начиная с Робера де Борона пребывание Иосифа Аримафейского в Британии стали связывать с Гластонберийским холмом. В 1190 г. монахи Гластонберийского аббатства объявили об обнаружении саркофагов короля Артура и его супруги Гвиневы. В 1278 г. прошла торжественная цере-

мония их перезахоронения, на которой присутствовали король Эдуард I с супругой. С тех пор Грааль в воображении позднейших поколений англичан был неразрывно связан с Гластонбери.

Пока же тысячи крестоносцев лелеяли сокровенную надежду обрести Грааль, сокрытый где-то на Юге и посредством его овладеть всеми благами мира.

Не меньшим количеством слухов и легенд были окружены таинственные и всемогущие Хранители Грааля. Им приписывались необыкновенные возможности и сверхчеловеческое могущество. Чтобы его сокрушить, вместе с рыцарями Креста, возглавляемые папскими легатами, двигались толпы архиепископов, епископов, священников и монахов. Благочестивые пастыри мирно соседствовали с отрядами разбойников, которые надеялись крупно поживиться в богатых южных городах; никому не казалось неуместным их присутствие в крестоносном воинстве.

24 июня 1209 г. огромная Христова рать выступила в поход.

Иннокентий советовал своим легатам следовать наставлениям апостола: «Я был хитер и коварством вас взял», объясняя, что это коварство «скорее надо было назвать благоразумием и стараться отделившихся от единства церкви поодиночке поражать». В силу этого он рекомендовал не начинать с графа Тулузского, а сначала, «с помощью искусного притворства вводя его в заблуждение, сокрушить прочих еретиков, чтобы предотвратить соединение сил этого Левиафана с его союзниками, причем было бы тем труднее побороть этих слуг Антихриста, чем большее упорство придало бы такое скопление их». Эта была та самая древнеримская политика, которая выражалась лозунгом: *Divide et impera* — «Разделяй и властвуй».

В Средние века сражения в строевом порядке велись редко. Большая часть кампаний представляла собой перестрелки, набеги и грабежи, разбойничьи налеты, нападения на города с целью получения трофеев. Во время осад баллисты и катапульты позволяли посылать каменные ядра и зажигательные снаряды поверх стен.

Кавалерия состояла частично из тяжелых конников, частично из легко вооруженных всадников.

Война прежде всего должна была быть рентабельной. Поэтому военные операции несли больше разрушений, чем смертей: за пленного всегда можно было получить выкуп, в то время как мертвый враг не давал ничего.

Капитуляция подразумевала, что местное население не будет трогать, оно может сохранить свое имущество, свои законы, религию и церкви. Последние два пункта к катарам не относились. Люди должны лишь подчиниться воле победителя, в обмен на защиту, которую он предоставлял, обязаны платить налоги, а также дополнительные пошрины и больше не воевать против него. Горожане не имели права строить новые храмы и обращать колеблющихся в свою веру. Тех, кто оказывал сопротивление, ждали плен и конфискация имущества. Бежавшие тоже теряли свое добро.

Первая проба сил кротчайшей католической церкви в Окситании произошла еще при Раймунде V и папе Александре III. В начале 1181 г. он послал на Юг своего кардинал-легата. Требовалось искоренить заблуждения отступников в области Альбижуа, если потребуется — силой оружия. Как ударную воинскую силу предполагалось использовать резервы южных сеньоров, не зараженных еретическими идеями.

Катары не были готовы воевать с оружием в руках, проливать кровь, наносить раны, причинять человеческим

существом страдания. И сейчас, и в дальнейшем военные действия вели не еретики, а лишь сочувствующие еретикам, которым их вера это не запрещала. Поэтому первое вооруженное столкновение закончилось полной победой католиков. Еретики укрылись в своих горных пристанищах, их защитники-сеньоры покаяться. Рыцари должны были, пока не пройдет срок покаяния, ездить на осле без седла, в черной одежде и с одной шпорой. Непокорившиеся дворяне назывались файдитами¹ и были лишены владений.

Судя по рукописям, датируемым началом Альбигойской войны, многие катары пополнили ряды тамплиеров, чем привели в уныние крестоносцев Симона де Монфора: они оказывались вне досягаемости церковного правосудия. Среди тамплиерской верхушки также фигурируют имена, безусловно принадлежавшие катарам. Вступив в орден тамплиеров, представители лангедокской знати, по всей видимости, предпочитали чаще всего оставаться в своих владениях, где они являли собой прочную основу ордену. В то же время они могли оказывать помощь братьям по верс. По-видимому, это была вынужденная мимикрия: против Окситании поднялась вся Европа. Орда крестоносцев, считающая еретиков исчадиями ада, под руководством католического аббата Арно Амори из монастыря Сито двинулась на юг, творя неисчислимые зверства. Раймунд VI не ожидал, что дело обернется таким катастрофическим образом. Положение осложнилось его отлучением: преданному церковному проклятию сеньору его подданные не обязаны были подчиняться. Граф решил отправиться в Рим, убедить

¹ Файдитами в Пиренеях назывались исключительно благородные господа, в первую очередь — войны, лишённые дома и ведущие с противником партизанскую войну. В более поздней трактовке файдитами именовались рыцари, по той или иной причине потерявшие дом и ищущие покровительства.

Иннокентия III в своей невинности и принести жалобу на жестокость и самоуправство его легатов. Перед поездкой он составил завещание в пользу единственного сына Раймунда, который в это время жил при английском дворе. Регентом при нем он назначал своего младшего брата Боудуэна. Если же оба принца скончаются без наследников, то земли, которые граф держал от французского короля, должны перейти Франции, а имперские лены — императору.

В Риме он испросил аудиенцию у папы и горячо и красноречиво убеждал его в своей невинности. Осокин уверен, что Раймунд и Иннокентий проводили долгие часы в доверительных беседах и папа, заглянув в сердце графа, не нашел в нем скверны. Понтифик постановил вернуть Раймунду его достояние, если будет доказано, что он невиновен в убийстве Пьера де Кастельно. «Иннокентий сделал все, что мог требовать от него долг чести, насколько позволяли ему это обстоятельства и условия, в которые было поставлено тогдашнее папство», — утверждал историк.

В таком случае папа оказался весьма непоследовательным (в чем его никак нельзя обвинить), поскольку еще 10 марта 1204 г. он писал французскому королю: «Твоя задача — согнать графа Тулузского с его земли, очистить ее от сектантов и дать ей добрых католиков, которые под твоим началом смогут верно служить Господу».

Коварство папы стало явным, когда граф ознакомился с условиями снятия с него отлучения. Он должен был стать третьим государем, подвергшимся публичному унижению перед церковью. До него только император Генрих IV босой, в рубище молил папу Григория VII о прощении, да Генрих II Английский принял наказание плетью за убийство архиепископа Кентерберийского.

Граф по собственному опыту знал, сколько неудобств причиняют церковные проклятия. Поэтому он сознательно решил пойти на унижение и принять бичевание — это и было одним из условий снятия отлучения.

В своем родовом городе Сен-Жиле в середине лета 1209 г. «граф в одной рубахе, босой, со свечей в руке опустился на колени перед легатом, положил руку на вынесенные из церкви мощи... и молил о пощаде. Он сам прочел длинный список своих преступлений перед церковью, объявляясь и теперь, и впредь во всем беспрекословно подчиняться повелениям папы и его легатов; граф отказывался от всякой свободы в действиях. Шестнадцать вассалов тут же подтвердили присягу своего государя. Тогда легат Милон поднял Раймунда, накрыл его своей епитрахилью, накинул веревку ему на шею, взял концы ее в руку и повел его в церковь, на ходу хлестая пучком розог».

Но если граф и его советники надеялись путем болезненных, но мало значащих при общем сочувствии населения унижений получить свободу действий, они просчитались. Раймунду было вменено в обязанность выдать свои укрепленные замки и замки своих вассалов, распустить войско и самолично принять участие в уничтожении еретиков — до этого он, сколько мог, старался защищать своих подданных.

Ему предстояло вести войско против альбигойского Безье.

С 1208 г. начинается свое повествование Гийом Тудельский, автор первой части «Песни о крестовом походе против альбигойцев». Ему мы обязаны непредвзятым взглядом на то, что происходило на некогда мирных просторах Окситании.

Безье стал первой жертвой Крестового похода, жертвой стратегии запугивания мирного свободолюбивого населе-

ния. Одному из самых старых городов Франции пришлось увидеть гибель своих жителей от меча и огня.

Как сообщает Гийом Тудельский, католики в Безье жили в добром согласии со своими соседями — катарами. На завоевателей они смотрели как на врагов городской свободы и независимости. У них не возникало сомнений, что французы явились сюда не для восстановления чистоты веры, а чтобы подчинить южан власти французского короля. По-видимому, они не верили в серьезность происходящего: когда крестоносцы предъявили жителям Безье ультиматум — выдать еретиков или подвергнуться осаде, те сбросили им на голову оскверненное Евангелие.

Утром 22 июня к стенам города хлынули банды наемников-бродяг (рутьеров) с пиками, мотыгами, штурмовыми лестницами. По природе свирепые и кровожадные, быстрые и дерзкие, они сражались в первых рядах нападавших. Горожане боялись рутьеров: в стране случались годы без недородов и стихийных бедствий, но без их набегов — никогда. Отталкивая французских солдат, рутьеры рвались вперед. Защитники под началом Бернара де Сервиана делали все возможное, чтобы удержать бастионы и привратные укрепления, но им не хватило времени. Ворота остались за наемниками. Едва крестоносцы ворвались в город, началась резня. Повсюду валялись мертвые и изувеченные тела; воины бились по колено в крови. Детей вырывали из рук матерей, порой отрубая и руки, и насаживали на мечи и копья. Отрубленные головы расставляли по стенам на корм воронья, так что стены казались украшенными кровавыми горгульями из плоти и кости. Убивали всех без различия пола и возраста.

Здесь Арно Амори печально прославился на века всего лишь двумя фразами. По преданию, солдату, спросившему

его, как отличить еретика от католика, он якобы крикнул: «Убивайте всех! Господь узнает своих!» Нет никаких подтверждений, что эти слова были произнесены; на них не ссылаются ни южане, ни северяне. Много лет спустя один немецкий монах привел их в своей хронике, и они «вросли» в историю, как будто на самом деле были произнесены.

Женщины и дети толпой устремлялись к церкви Святой Марии Магдалины и Святого Иуды. Там католические священники облачились для службы и запели «Реквием», но крестоносцы взломали двери и перебили их всех. Потом, оправдываясь, они говорили, что именно в церкви Святой Магдалины жители Безье за сорок два года до этого убили своего виконта, и вот теперь пришло возмездие.

За несколько часов город превратился в кладбище. Все богатые дома обобрали дочиста и разгромили. И только тогда вмешались французские бароны, которыми двигала не совесть, а алчность. До этого они просто наблюдали за избиением. Знать попыталась обуздать насмников, однако те, разъярившись из-за потери законной добычи, подожгли город, чтобы его богатства не достались никому. Деревянные дома на окраинах вспыхнули, как сухой трут. От жара затлели и рухнули перекрытия собора, погребя всех, кто искал в нем убежища.

Никому не известно, сколько людей нашли свою мученическую смерть в Безье. В одной из реляций Иннокентию III Арно Амори утверждал, что уничтожил 20 тысяч жителей. Называли и 50, и 100 тысяч. Но, скорее всего, в родном городе матери Эсclarмонды вырезали 17—18 тысяч человек — совсем немало для начала XIII в.! «В Крестовом походе против катаров нормальный уровень средневекового зверства был перейден и превышен».

После взятия Безье и расправы над его жителями война велась уже без всяких правил.

При осаде Безье отличился некий французский барон по имени Симон де Монфор. Уже не молодой человек, владевший небольшим наделом во Франции, он, похоже, являлся искренне верующим и, может быть, благочестивым католиком; более того, почти единственным из крестоносцев, кто верил, что исполняет волю Божию. С крепкой верой, с сильным духом, с мощной энергией он бросился искоренять скверну, разя направо и налево, и удостоился за свой пыл похвалы папских легатов.

Под Каркассоном он сумел завоевать себе славу и добычу.

Каркассон, самый эlegantный город Романьи, раскинулся в излучине реки Од. В стародавние времена дубы, священные деревья друидов, покрывали горное плато, на котором стоит Каркассон.

Очаг еретиков, по убеждению папы и духовенства Севера, красугольный камень власти в Окситании, по мнению французских баронов, Каркассон стал первостепенной целью Крестового похода. Именно сюда, под стены Каркассона, направил Иннокентий своего легата Арно Амори, чтобы сокрушить этот оплот катарской ереси.

На обрывистом склоне над рекой Од, к западу от городских холмов, возвышался замок виконтов Альби, Каркассона и Безье. Их родовым прозвищем было Транкавель — «тот, кто хорошо рубит». Из Каркассона Транкавели управляли богатыми городами Альби, Кастр и Безье. Им принадлежала вся область от реки Тарн до Средиземного моря и Восточных Пиренеев.

Кровное родство с владетельными правящими домами питало родовую гордость Транкавелей и давало основа-

ние в первых рядах знати принимать участие в военных и политических делах Окситании. Ветви фамильного древа Транкавелей так тесно переплелись с Комменжами, Фуа, королями Наварры и Арагона, что непосвященному трудно было разобраться в генеалогических лабиринтах. Правящий виконт Раймон-Роже Транкавель через мать состоял в родстве с королем Франции, приходился любимым племянником графу Раймону VI Тулузскому; двоюродным братом графу Раймону-Роже де Фуа и королю Педро Арагонскому. Совсем юным Транкавель сопровождал французского и английского королей в Святую землю и показал себя храбрым и умелым рыцарем. Он был любимцем этих знатных семей, спаянных многочисленными разносторонними связями. Его домен состоял в основном из плодородной равнины, орошаемой бушующими водопадами быстрых горных рек, раскинувшейся от границы Тулузского графства до альпийских предгорий. Земли были плодородны, жители под защитой доблестных и справедливых правителей усердны и трудолюбивы.

В то время Каркассон представлял собой сравнительно небольшой городок, намного меньше, чем Безье, но мощные крепкие стены делали его неуязвимым для осады. Более тридцати грозных башен возвышалось над долиной реки; с севера и юга к городу примыкали два предместья, Бург и Кастеляр, тоже окруженные каменными стенами.

Крестоносцы, одушевленные победой и уничтожением Безье, решили двинуться прямо на Каркассон.

Род Транкавелей издавна поддерживал еретиков. Отец нынешнего виконта, Роже II, настолько почитал катаров, что отдал сына на воспитание еретику Бертрану де Сэссаку. После смерти отца в 1193 г. Раймон-Роже остался на попечении матери Аделаиды, сестры графа Тулузского. Об умо-

настроениях этой дамы уже говорилось выше — она была всецело предана катарскому учению. Теткой Раймона-Роже была Беатрис графиня Тулузская, двоюродными сестрами — Эсклармонда де Фуа и Филиппа Монкада. Эти дамы и множество других окружавших его знатных родственниц почитались катарами как Совершенные.

Виконт был весьма терпим в религиозных вопросах. В его землях катары, католики и иудеи мирно уживались и пользовались одинаковыми правами. Его министром был катар Бертран де Сэсак, а казначеем — еврей Каравита.

Воспитанный в среде, где чтили катарскую церковь, юный Раймон-Роже был еретиком настолько, насколько им мог быть дворянин его круга: католик по обязанности и катар по сердцу. Это было общеизвестно, и катары всегда потом причисляли виконта к мученикам веры. Его молодая супруга не только разделяла преклонение виконта перед еретическим учением, но и сама предпочитала проводить время среди дам своего круга — Совершенных.

Транкавель был еще молодым человеком лет двадцати четырех — двадцати пяти. Один из знатнейших баронов Юга, счастливо женатый на Агнесс де Монпелье, гордый отец двухлетнего сына, Раймон-Роже был готов защищать наследственные владения, не жалея ни средств, ни сил. Рядом с ним находился сеньор де Бланшфор. Одновременно с молодым Транкавелем Бертран де Бланшфор подарил тамплиерам деньги и земли. Замок Бланшфор будет разрушен во время Альбигойского крестового похода; он падет незадолго до 1215 г., когда эти владения будут отданы Симону де Монфору и его сторонникам.

Виконту было ясно, что взятие Каркассона не является рядовой операцией по наведению религиозного порядка — это было предупредительным стратегическим мероприяти-

ем церковной политики. Крестоносцы под началом неистового аббата Сито стремились овладеть Каркассоном до того, как он превратится в неприступную крепость. И вот теперь 1 августа 1209 г. Раймон-Роже с высоких крепостных стен с тревогой и горечью наблюдал, как крестоносцы, словно волны потопа, окружают его прекрасный город.

На следующий день виконт провел военный совет. Закаленные в пограничных стычках военачальники собрались вокруг своего молодого сеньора. Гранкавель настаивал на вылазке, которая могла бы нанести большой урон тяжело вооруженным неповоротливым рыцарям. Лишив крестовое войско командиров, можно было надеяться на отступление неорганизованной массы простолюдинов.

Он не нашел единомышленников. Общее мнение склонялось к тому, что не следует торопить события.

Между тем крестоносцы, «усердно распевая гимны», напали на предместья и полностью их разрушили.

И снова наидоблестнейшим образом проявил себя Симон де Монфор. Он бросился на помощь раненому товарищу и сумел спасти жизнь воину Христа; он первым спрыгнул в ров и этим смелым поступком воодушевил колеблющихся. Он повел за собой приученные следовать за предводителем отряды. Аббат Сито, которому воинский опыт заменяло религиозное рвение, понял, что наконец нашел достойного вождя для своей армии. Он поручил ему командование войском Христовым и сразу убедился, что сделал верный выбор. Воинская смекалка, расторопность, изобретательность и храбрость выгодно выделяли Монфора из массы рыцарей. Он сразу организовал солдат, заставил их готовить фансины, распорядился расставлять катапульты, и скоро под его руководством возник образцовый военный лагерь, готовый к длительной осаде.

Видя такие серьезные приготовления, советники и родственники стали убеждать виконта сдать город, чтобы избежать резни, подобной той, что уничтожила Безье. Транкавель колебался. Его решимость поддерживалась неэффективностью стенобитных машин крестоносцев: крепостные стены, сложенные из больших, прочно скрепленных каменных глыб, казались неприступными. Кроме того, он крепко надеялся на помощь дяди графа Раймунда Тулузского.

А в это время Раймунд VI, принявший крест против Каркассона, с несколькими сотнями воинов вел северных захватчиков к твердыне молодого Транкавеля. Может быть, он надеялся, что, будучи не последним человеком в войске французов, сумеет повернуть дело к выгоде южан. Если он рассчитывал на это, то жестоко просчитался.

Нелегко далось графу требование вести войска на Каркассон. С малолетства он опекал сироту-племянника. Тот воспитывался вместе с его родным сыном, и Раймунд одинаково любил их обоих. И вот теперь, чтобы доказать, что он правоверный католик, граф должен был предать свою плоть и кровь. Его терзали муки совести, он предчувствовал, что произойдет нечто ужасное.

И только показавшиеся вдали стяги с красными и желтыми полосами Арагона внушили графу надежду, что все еще обойдется.

Успехи хотя и крестоносного, но французского оружия не могли не встревожить арагонского короля Педро II. Транкавель являлся его вассалом, и подобное обращение с землями, которые он держал от Арагона, не вполне отвечало сложившемуся порядку вещей. Однако добрый католик Педро — незадолго до этого он объявил королевство Арагон леном святого Петра — не высказал крестоносцам никаких претензий. Напротив, он слегка побранил Транка-

веля за то, что тот покровительствовал еретикам и вовремя не изгнал их из своих городов.

Лето в 1209 г. стояло особенно знойное. Запертые в городских стенах горожане начинали ощущать недостаток питьевой воды. Указав на это очевидное обстоятельство, Педро предложил виконту вступить с католическим духовенством в переговоры, чтобы избежать напрасных жертв и разрушений. Сам же он, рассчитывая на свой титул и авторитет, обратился к Арно Амори как защитник виконта. Он надеялся на понимание, поскольку его отец совсем недавно учредил на берегу Эрбо первый в Арагоне цистерцианский монастырь. К его изумлению, суровый легат вовсе не собирался идти навстречу дону Педро, заявив, что, быть может, еретикам и сохранят жизнь, но лишь из уважения к королю. Будущий герой битвы при Лас-Навас-де-Толосе, дон Педро ни с чем возвращался в свое гористое королевство. Но, как говорит Осокин, он, затаив злобу против крестоносцев, уносил с собой сочувствие к бедам еретиков и из покорного вассала постепенно становился врагом Рима.

Тем временем осажденный город приходил в упадок. Не было ни капли воды, чтобы омыть раны; были исчерпаны все запасы вина, с деревьев сорваны зеленые недозревшие плоды. Казалось, еще немного, и осажденные сами откроют ворота крестоносцам. Но молодой виконт упорствовал — он все еще надеялся на помощь из Тулузы. Однако бедственное положение подданных не могло не повлиять на его решение начать переговоры.

Рыцарь из стана католиков Гийом де Леннар сумел убедить Транкавеля приехать в лагерь крестоносцев для переговоров, дав ему в залог безопасности свое рыцарское слово.

Длинные каптаповые волосы, рассыпавшиеся по плечам, ясное молодое лицо, ласковый голос, произносящий слова, полные надежды, — таким виконт запомнился родным и близким, когда прощался с ними и ободрял горожан и ополченцев. Совсем скоро он должен был вернуться и принести своим подданным избавление от страданий. На Транкавеле была алая накидка, доходившая до колен, с длинными рукавами и с золотой вышивкой по вороту, и синий плащ, застегнутый на шее большой круглой золотой пряжкой. Это был последний раз, когда вассалы и друзья видели своего друга и сеньора. Стоило ему оказаться среди крестоносцев, его участь была решена: он уже никогда не должен был увидеть солнечный свет.

Дед его построил крепость Шато-Комталь над рской Од и северными болотами более столетия назад, чтобы отсюда править своими обширными владениями. Мог ли он думать, что крепость станет могилой его внука?

Дурные вести распространяются быстро. Как только стало известно о заключении виконта, жители его города бросились бежать кто по направлению к Тулузе, кто к испанской границе.

Крестоносцы без боя заняли Каркассон.

10 ноября 1209 г., через три месяца после заключения в подземную темницу крепости, возведенной его предками, было объявлено, что Раймон-Роже, виконт Безье и Каркассона, скончался. Все жители Романьи были уверены, что его убили. Вожди крестоносцев утверждали, что он умер от приступа дизентерии, «болезни осажденных», как ее называли в то время. Никто им не верил, тем более что сам папа Иннокентий заявлял, что в тюрьме виконт был «заражен». Распространялись разнообразные слухи о способах умерщвления одного из самых достойных и благородных рыцарей

Юга. Однако пресобладало убеждение, что его, как Сократа, заставили испить чашу с ядом. Католические священники не уставали восхвалять христианскую кончину Транкавеля: рассказывали, как горячо он каялся в грехах и как истово причащался.

Убеденность в том, что Трапкавеля убили, чтобы захватить его владения, подтвердилась, когда комиссия из двух прелатов и четырех рыцарей объявила его земли военной добычей. Было решено передать владения Каркассон и Безье вместе с титулом виконта самому храброму рыцарю крестоносного войска, полуфранцуз-полуангличанину из Иль-де-Франса Симону де Монфору.

Это решение нарушало все обычаи, все правила чести. Сеньора, если только он не был осужден за преступление, никогда не лишали законных владений, чтобы передать их другому.

Надо сказать, что не Монфору первому предложили вступить во владение богатейшими южными землями. Прежде их предлагали герцогу Эду II Бургундскому, графам Неверскому и Сен-Поль. Те отказались, разделяя войну за веру и корыстные побуждения, а по истечении сорока дней и вовсе покинули крестоносное войско.

Монфор оказался менше щепетильным. Но ему пришлось выкупить законное право виконтства у двухлетнего наследника и вдовы за ежегодную ренту в три тысячи солей. Супруге виконта Транкавеля Агнессе де Монпелье предоставили возможность отправиться во владения графа де Фуа при условии, что она отречется от всех прав от имени мужа и сына. Чтобы спасти свою жизнь и свободу и не лишиться возможности единственного ребенка когда-нибудь получить родовое наследство, Агнесса демонстрировала самую пламенную обращенность.

Был ли еретиком Транкавель? Гийом Тудельский пишет о нем так: «От начала мира не существовало рыцаря доблестнее, щедрее, любезнее и приветливее его. Сам он был католиком, и в том у меня множество свидетельств каноников и клира... Но по причине своей молодости он держался накоротке со всеми, и в его владениях никто его не боялся и все ему доверяли».

Автор «Песни...» не был лично другом виконта и приводит самое распространенное мнение: Раймона-Роже любил. Но воинственной католической церковью он без всяких сожалений был принесен в жертву. Завоевателям показали: их усердие в деле истребления еретиков способно принести земли и золото.

СИМОН ДЕ МОНФОР

У папы Иннокентия III и французского короля бывали разногласия. Решительный понтифик в делах нравственности ни для кого не делал исключения. Когда Филипп Август отказался от венчанной супруги Ингеборги Датской и незаконно женился на Агнессе Меранской, папа наложил на Францию интердикт. Король вынужден был покориться, а его любимая умерла. Когда исчезла причина раздора, интересы папы и короля снова совпали, и Иннокентий просил французского монарха лично возглавить поход против альбигойских еретиков. Он обещал передать очищенные от скверны земли Филиппу или его наследникам. Но трезвый политик Филипп Август занимался укреплением ядра своих владений, которым в то время угрожала англо-имперская коалиция, и был не склонен разбрасываться. Впрочем, дальновидный правитель не запретил своему сыну участвовать в походе против катарской ереси.

Маленький, некрасивый, одноглазый и преждевременно облысевший французский король не производил величественного впечатления. Он казался медлительным тугодумом, но мыслил очень прагматично и четко. На протяжении всего своего долгого правления он преследовал одну цель — увеличить владения, утвердить границы своего домена. Просторы Окситании прельщали его, но политическая реальность подсказывала, что время для захвата еще не настало. Он умел выжидать, и, в конце концов, прекрасный богатый край стал собственностью его дома.

Возможно, успехи Монфора не особенно радовали французского короля. Слишком быстрое возвеличивание ранее ничем не примечательного подданного раздражало правителя, всю свою деятельность посвятившего смирению излишне могущественных вассалов. Пока Монфор пребывал в бедности, он не представлял собой проблемы.

Его происхождение и родственные связи, казалось, не обещали ничего необыкновенного. До появления на исторической сцене Симона IV де Монфора самым известным представителем этого дома являлась Бертрада де Монфор, четвертая или пятая жена графа Анжуйского Фулько V Злого. Она родила сына Фулько VI, ставшего впоследствии королем Иерусалимским. Однако, не желая разделить судьбу предшествующих жен Анжуйца, которых он либо уничтожил физически, либо заставил принять постриг, решительная Бертрада предложила свою любовь королю Франции Филиппу I. Тот выставил королеву Берту Голландскую и зажил новой семьей с Бертрадой, родившей ему несколько дочерей.

Очевидно, что наследник короля Филиппа, Людовик VI, сын изгнанной королевы, не слишком благоволил родственникам новой жены его отца.

Монфоры принадлежали к кругу тех искателей приключений, которые вместе с Вильгельмом Бастардом переправились через Ла-Манш в Англию и помогли ему уничтожить правящую Уэссекскую династию. Мужчины дома Монфор, традиционно носившие имена Симон, Амори и Ги, всегда находились около трона нового правителя — впрочем, не слишком близко. По-видимому, предки Симона недостаточно ярко проявили себя, поскольку не приобрели материальной благодарности получившего прозвище Завоеватель Вильгельма в виде земель и титулов. О деятелях дома Монфор практически нет сведений, относящихся ко времени правления сыновей Завоевателя. В период противостояния Стефана и Матильды предок Монфора служил попеременно то одной, то другой партии. Но такое поведение было свойственно практически всем представителям англо-французской знати. На этом скользком пути дед Симона, Амори IV, не приобрел ничего — об этом говорит его брак, заключенный с женщиной, от которой осталось в истории только имя — Мод (или Матильда)¹.

Отец Симона, Симон III по прозвищу Лысый, проявил определенную активность, сражаясь на стороне Генриха Английского против французского короля. Его старания были оценены: монарх передал ему графство Лейстер вместе с рукой Амиции де Бомон, единственной наследницы земель и титула. Это благодеяние никак не связало Симона Лысого, поскольку он принимал участие в войнах непокорных сыновей Генриха II с отцом то на одной, то на другой стороне. В конце концов, Симон III окончательно перешел на сторону Франции и стал служить Людовику VII.

¹ В ряде родословий его женами называются Ришильда д'Эно и Агнесса де Рошфор.

Несмотря на то что французский король сделал его смотрителем важного приграничного замка, отец нашего героя не составил состояния и не занял никакой важной или денежной должности. Он и его потомство пребывали в неизвестности до тех пор, пока папа Урбан не призвал христиан к освобождению Гроба Господня.

Симон IV де Монфор (ок. 1150—1218), ставший после смерти отца главой дома, сделал приличную партию, женившись на Алисе, дочери коннетабля Франции из знатного и получившего впоследствии широкую известность в истории страны рода Монморанси. Это самое бесспорное событие первых пятидесяти лет его жизни; остальное покрыто мраком неизвестности. У него было большое потомство и, можно предположить, малые доходы. Поэтому, как многие благородные, но небогатые рыцари, он вместе с братьями отправился в Святую землю, правителями которой были его очень дальние родственники. В Палестине Симон неплохо проявил себя, но особенно не прославился. Его имя прозвучало только в Константинопольском (Четвертом) крестовом походе. Тогда он, увидев, что крестоносцы вместо сарацин набросились на собратьев по вере и разорили христианский город Зару, покинул войско, уведя с собой отряд совестливых рыцарей. Таким образом, он выказал определенную принципиальность и не стал участником разграбления Константинополя и осквернения православных храмов.

Некоторое время он вместе с братом Ги служил венгерскому королю.

Затем братья снова очутились на Святой земле, где Симон «в течение пяти лет отличался самыми блестящими подвигами», которые, впрочем, нигде не названы конкретно, а его брат путем брака вошел в число латинской правя-

щей верхушки. Когда папа Иннокентий призвал верующих с оружием в руках искоренить в Окситании ересь, Симон де Монфор оказался в числе первых.

Теперь он горел рвением принести на алтарь борьбы с ересью свой меч, свой опыт и боевые умения. Он не столько по привычке к сражениям, сколько по внутреннему убеждению отправился на Юг бороться с еретиками.

Нигде не встречается упоминаний о желании Монфора завладеть Священным Граалем. Но, проведя столько лет в Святой земле, полной воспоминаний о Спасителе и сказаний о его крестных муках, он, безусловно, был знаком с преданиями о волшебной чаше. Кто знает, быть может, этого любителя опасных приключений поманил в Прованс своим призрачным образом Грааль? Ведь сначала не стремление к власти являлось главным стимулом Монфора; невозможно было и вообразить, что он станет владыкой этой прекрасной благородной страны.

Описаний личности Симона де Монфора немного, но они существуют, составленные преимущественно католическими летописцами. Если верить им — он истинный Галахад. Петр Сернейский рассыпался в дифирамбах: «Роста он был высокого, волосы у него пышные, лицо тонкое, облик приятный, плечи развернутые, руки сильные, стан стройный, все члены гибкие и подвижные, движения живые и быстрые: даже враг или завистник не нашел бы, в чем его упрекнуть. Слова его были красноречивы, общество приятно, целомудрие безупречно, смирение необыкновенно. Решения его неизменно были мудрыми, советы дальновидными, суждения справедливыми, он был безупречно чист и удивительно смиренен, искушен в военном деле, осмотрителен в действиях, за дело брался неспешно, но упорствовал, доводя до конца все, за что ни брался, всецело был

предан служению Господу. Сколь же предусмотрительны были избравшие его руководители, сколь рассудительны крестоносцы, единодушно признавшие, что истинную веру должен защищать именно такой верующий, решившие, что человек, так умеющий служить христианству, призван вести против зачумленных еретиков священное Христово воинство. Божие войско должен был возглавить такой полководец».

Может быть, не все славословия пристрастны: Монфор действительно был умелым воином и одаренным полководцем; ему на самом деле были присущи решительность и упорство; это признавали даже южане. Описание внешности губителя альбигойцев субъективно, как и любое впечатление о человеке. Однако известно, что его старший сын, изменивший историю Англии, считался мужчиной весьма «красивым и изящным».

На фоне альбигойской трагедии такие мелочи, как семейные отношения Монфора, кажутся никому не интересными. Между тем то там, то тут встречаются мимолетные заметки вроде: «Он сильно тосковал в разлуке со своей супругой» или «Наконец, прибыла его супруга, которую он весьма счастлив был видеть». Действительно, Алиса Монморанси, дочь коннетабля Франции, была деятельной помощницей мужу в его святом деле — не раз, когда он особенно нуждался в людях, она приводила ему из Франции отряды воинов. Так что не исключено, что «безупречное целомудрие» — не пустая фраза.

Судя по всему, это был человек твердый, веский, сдержанный, не оратор, не идеолог и не игрок словами и фразами. Он казался существом, обладающим неосознанным и неопределенным чувством внутренней власти, которая ждет своего часа.

В. Герье рисует Монфора такими красками: «Это был недюжинный человек, религиозный до фанатизма, бесстрашный до опрометчивости, суровый до жестокости, предприимчивый и честолюбивый; для него крестовый поход был средством удовлетворения не только его душевных страстей, но и материального расчета».

Рассказывали, что прежде, чем принять крест против еретиков, Симон де Монфор открыл Псалтырь, чтобы узнать, что его ждет. Такой способ диалога с Богом был весьма распространен в Средние века. Разумеется, этот рассказ — не более чем легенда. При всех своих бесспорных достоинствах великий завоеватель не знал грамоты. Впрочем, нельзя исключить, что рядом находился какой-нибудь клирик, который не только прочитал священный текст, но и истолковал Божью волю.

Обыденная, но идущая от сердца борьба за интересы католической церкви неожиданно обернулась для Симона де Монфора блистательным возвышением. Еще недавно рядовой рыцарь — и вот уже глава крестоносного воинства, вельможа, стоящий в одном ряду с высокомерными южными властителями, виконт Альби, Каркассона и Безьс.

Став по воле случая во главе армии, он оказал огромное влияние на течение истории и исход важнейших событий своего времени.

Главная и чуть ли не единственная причина общественного развития — деятельность незаурядной личности. Умственные и нравственные особенности человека — его способности, таланты, знания, решительность или апатичность, храбрость или трусость — гораздо чаще, чем принято думать, играют важную роль в истории человечества. Зачастую в силу исторических условий стать лидерами выпадает на долю просто способных и даже посредственных

людей. Но глубина личного влияния зависит от дарований и талантов человека.

Сам факт выдвижения на роль предводителя войска Симона де Монфора кажется игрой судьбы и случая.

Аббат Сито Арно Амори, разрываясь между ненавистью к катарам и предписываемым церковью милосердием, не видел себе достойного помощника, пока его взгляд не упал на Монфора. Тот стал его орудием, способным в любую минуту внезапным решением своей воли ввести в ход событий новую неожиданную и изменчивую силу, способную придать крестоносному делу нужное направление. Не было случая, чтобы он обманул ожидания цистерцианца.

Арно Амори происходил из герцогского рода правителей Нарбонна. Сословное высокомерие было ему далеко не чуждо. Он славился как ученый и искусный проповедник, его считали душеведом. Под невзрачной оболочкой рядового неграмотного рыцаря он разглядел (вернее, установил, наведя справки) благородное происхождение, черты которого не могло уничтожить прозябание в ничтожестве. Сам аббат не был бессребреником и совсем не походил на святого. Он ценил жизненные удобства, не стремился устоять перед мирскими соблазнами и неистово жаждал обогащения. Непомерное тщеславие заставляло его мечтать о своем возвышении, а для достижения цели он, предвосхитив иезуитов, полагал, что цель оправдывает средства.

Таким средством он считал Симона де Монфора.

Поначалу Монфор подчеркнуто демонстрировал уважение к соратникам. Он не принял ни одного решения, не посоветовавшись со своими баронами. Постепенно он завоевал всеобщее уважение и доверие, позволяющее принимать единоличные решения. Скоро к нему присоединился брат Ги, вернувшийся из Палестины. Брат, кузены, сыновья

и даже супруга были задействованы в главном семейном предприятии — овладении его домом всем избыточным Югом.

Но в отличие от Арно Амори Монфор не был лицемером.

Катары — богоотступники и предатели, колсблющие устои веры и плетущие нити заговоров. Они более противны церкви, чем иноверцы и язычники, полагал Монфор. Ведь враги внешние могут стать друзьями, изменники же внутренние — никогда.

Исподволь он стал считать себя избранником Божиим, посланником неотвратимой судьбы. Монфор ощутил себя законным и непререкаемым хозяином владений, на которые не имел никаких прав, кроме жестокого права поработорителя.

Благоприятствующие ему обстоятельства оказались очень многочисленны и очень сильны. Сопротивление южан требовало принятия самых жестких мер. Рим был намерен любым способом сломить непокорность местного населения, его готовность защищать свои свободы и свой образ мыслей. Легат не обладал полководческими способностями, и ему было необходимо иметь одаренного и послушного военачальника. Что касается способностей, то он сделал правильный выбор; но покорностью здесь и не пахло. Блестящие победы Монфора поднимали его на недостижимую высоту и превращали из пешки в самостоятельную фигуру.

Однако война велась без всякого определенного политического плана против мелких и крупных баронов, редко объединявшихся в «блок противников»; вот потому эта война резко отличается от Крестовых походов, которые осуществлялись в то же время на Востоке и были связаны с

политическими и экономическими планами. По этой причине мы можем лишь описывать развитие событий Альбигойской войны, сводившейся к ряду налетов, устроенных Симоном де Монфором на владения крупнейших правителей Окситании.

Триумфатором он прошел по центральной части страны и в 1210 г. подтвердил свои полководческие таланты при осаде Минервы.

Расположенный недалеко от восточной границы графства Тулузского, в местности, покрытой горами, оврагами и стремнинами, Минерва считалась довольно большим поселением. Она имела два ряда крепостных стен и соответственно делилась на два города: Верхний и Нижний. Население составляло около трехсот человек. Большинство горожан разделяли взгляды катаров; многие исповедовали катарское вероучение. Известие о бесчеловечной расправе с Безье вызвало не столько ужас, сколько возмущение жителей. Защищенные неприступными стенами, они сулили французам скорое возмездие. Возглавлявший гарнизон Минервы Жерар де Пино, хотя и не был еретиком, пришел в такой гнев, что, захватив двух отбившихся от французского войска рыцарей-крестоносцев, выжег им глаза и вырвал языки.

Сеньор Минервы виконт Гийом считался одним из наиболее крупных вассалов Транкавеля. Его женой была урожденная де Терм, привечавшая поэтов и катаров. Ее под именем «Сладостной всадницы» воспел трубадур Раймон де Мираваль.

Узнав о жестокости своего военачальника, виконт испытал дурные предчувствия, которые его не обманули.

Действительно, Монфор не забыл, как поступили в Минерве с его рыцарями. Когда в 1210 г. он подошел к городу,

преобладающим чувством французского полководца была решимость показательно наказать еретиков. Вместе с графом прибыла его супруга и три папских легата, но самым влиятельным оставался Арно Амори. Монфор не стал штурмовать неприступные стены, но обложил город войсками со всех сторон. Он приказал установить четыре катапульты (одна из них, самая большая, носила имя Мальвуазен) и стал целенаправленно разрушать колодцы, резервуары и другие водные коммуникации. Отважные защитники Минервы решились на смелую вылазку, целью которой было сжечь Мальвуазен. Однако попытка не удалась. К тому же жаркий сухой июнь пришел на помощь завоевателю; потребовалась всего неделя, чтобы изнывающие от жажды горожане потребовали от своего сеньора открыть ворота.

Виконт Гийом не сразу сумел договориться о сдаче города на почетных условиях; Монфор отказывался разговаривать с еретиком. Переговоры было поручено вести Арно Амори. Его ярость обуздывало сознание принадлежности к милосердной церкви Господней. В результате гарнизон беспрепятственно покинул крепость с оружием в руках.

Но Монфор был не из тех, кто забывает. Он приказал всем жителям собраться на главной площади. Победитель в окружении католического духовенства сурово смотрел на ничтожных, осмелившихся ему противиться. Затем он приказал всем, кто числит себя катарами, выстроиться перед ним.

Сто сорок человек, почти половина жителей Минервы, сделали шаг вперед, подтвердив своим поступком, что нет силы более мощной, чем внутреннее убеждение человека. Особенно упорными в своих заблуждениях оказались женщины. Все еретики без различия возраста и пола были сожжены. Спокойствие, с которым эти люди, взяв за руки

детей, входили с ними в огромный костер, поразили и крестоносцев, и клириков.

Это зрелище перевернуло жизнь виконта Гийома. Несмотря на щедрость Монфора, который показательно пожаловал ему несколько мелких доменов в окрестностях Безье, он принял постриг и окончил свои дни в монастыре.

Как умелый полководец, Монфор отлично понимал силу запугивания и использовал для этого массовые убийства. Падение Минервы испугало правителей расположенных неподалеку крепостей, поначалу уверенных в своей безопасности. Владетель Монреаля Амори сдал французам свой замок без боя; добровольно сдался и Венталон; крепость Пейрак защищалась только два дня, Рье — неделю. В крепости Берни Монфор вырезал всех поголовно. После взятия Брома он приказал отрезать сотне защитников носы и уши. После этой акции ужас перед ним был столь велик, что маленькие городки и замки сдавались без сопротивления.

И уже 28 июня 1210 г. Монфор получил из Рима папскую буллу, в которой Иннокентий подтверждал за ним и его наследниками обладание «государством альбигойским со всем, что относится к нему». Теперь возвращать свое законное достояние, захваченное безбожниками, двинулся не известный барон из Иль-де-Франса, а полноправный властитель плодородных южных земель виконт Каркассона и Безье Симон де Монфор.

Его следующей целью стал Терм. Он славился неприступностью своей крепости, вокруг которой простирался превосходно укрепленный город. Далее располагалось окруженное могучими стенами предместье.

Эта крепость, расположенная в двух дневных переходах от Каркассона, на нарбоннских землях, казалась не-

приступной, взять ее было не в человеческих силах, пишет Петр Сернейский в «Альбигойской истории». Она стояла на вершине высокой горы; замок был выстроен на огромном природном утесе, окруженном рвами, по которым бежали неукротимые потоки, какими обычно бывают реки в Пиренеях, а вокруг стеной высились неприступные скалы. Нападающим, если бы они захотели проникнуть в замок, пришлось бы сначала вскарабкаться на скалы, затем соскользнуть по противоположному склону до самого дна рвов, а потом каким-нибудь образом подняться на каменную площадку, на которой возвышался замок. И все это под градом стрел и камней, которыми не преминут осыпать их защитники крепости.

Владелец замка, пожилой барон Раймон, славящийся отвагой и сложным характером, был готов к обороне. Он ненавидел северян-французов жгучей ненавистью южанина и заранее смеялся над их жалкими потугами взять его славный город. Но французы оказались упорными и изобретательными в своем стремлении захватить владения Раймона. Они засыпали землей рвы и овраги, прокладывали переправы через ущелья, рушили стены и из мощных осадных машин обстреливали башни. Защитники Терма вели исполинскую работу, чтобы исправить тот вред, который был нанесен врагом: когда часть стены обрушивалась, за ней почти сразу вырастала новая из камня и дерева.

У осаждавших между тем кончались припасы. Голод грозил свести на нет всю тяжелую кропотливую работу. Осажденные были много счастливее в этом отношении — припасов у них хватало. Однако кончалась вода, и становилось очевидным, что скоро кончится вино.

Тем временем к стенам Терма прибывали французы-креstonосцы, которых вели прелаты и графы. Монфор утроил

усилия. Камнеметы несколько дней подряд обстреливали стены замка. Но и защитники не сложили оружия. Им на радость разверзлись хляби небесные, и хлынул ливень. Люди ликовали, плясали под струями, наполняли дождевой водой разнообразные емкости и были уверены, что теперь-то уж они наверняка выстоят: жажда не заставит их сдаться.

Увы, как любая слишком большая радость, эта тоже оказалась преддверием беды. В огромных замковых резервуарах, куда жители собрали дождевую воду, размножилась какая-то зараза — по-видимому, возбудители дизентерии. Эпидемия этой болезни, бича средневековых военных кампаний, заставила жителей покинуть неприступные стены города и бежать куда глаза глядят. Барон Раймон зачем-то вернулся и был схвачен мелким рыцарем-крестоносцем. Монфор, к которому привели строптивного старика, не казнил его сразу, а приговорил к медленному умиранию в подземелье.

Новый сеньор, не мешкая, вступил в права владения захваченными землями, назначил подать с дома и очага в пользу церкви и ввел десятину с первых плодов, как велось на Севере.

Падение Терма переполнило чашу терпения Раймунда Тулузского. Он решил покончить с войной, опустошавшей его земли уже три года, даже ценой значительных уступок. Граф организовал собор в своем родовом гнезде, городе Сен-Жиле, на котором надеялся примириться с церковью и с Монфором. Вместе со своими юристами он явился туда, заранее готовый к потерям и унижениям. Но предъявленные графу папой требования заставили его в гневе покинуть собрание. В Нарбонне, куда поддержать Раймунда прибыл Педро Арагонский, условия, на которых церковь соглашалась простить графа, были сформулированы окончательно. Но как мог мо-

гущественный государь смириться с такими требованиями? «...Перестать защищать проклятое жидовское отродье и дурных верующих. Этих, всех до единого, следует выдать католическому духовенству. Граф и его люди должны поститься шесть дней в неделю. Кроме того, они оденутся в плащи и рубахи грубого темного сукна. Укрепления, замки и донжоны будут снесены, рыцарям запрещается жить в городах. Они будут жить в селах, как простые крестьяне. Единственным господином для всех будет король Франции. Графу Тулузскому приказано идти в Святую землю».

Единственное, что давало Раймунду силы сопротивляться, была поддержка его добрых подданных.

Во владениях Гастона VI Беарнского еретиков не было, но бесчинства крестоносцев и Монфора задевали его национальную гордость. Он принял решение выступить против французов. Немедленно последовала кара: он был лишен части своих наследственных владений и отлучен от церкви.

На фоне верности и благородства еще обиднее для графа выглядели неожиданные изменения.

Жиро Транкалеон, граф Арманьяк и Фезенсак, обладая гибким и коварным разумом и незаурядным даром предвидения, сразу объявил себя вассалом Монфора.

Между тем Монфору, чтобы почувствовать себя полноправным владельцем Каркассона и Безье, не хватало официального одобрения сюзерена этих земель, короля Педро Арагонского. Тот под разными предлогами отказывался принять у Монфора вассальную присягу. Ведь тем самым он признал бы его право на эти владения, протянувшиеся от Альби на севере к Нарбонне на юге, от Безье на востоке до Каркассона на западе.

Но победы крестоносцев и давление католического духовенства заставили его в 1211 г. принять оммаж у побе-

дителя еретиков. Этим дело не ограничилось. Со снисходительным дружелюбием, более обидным, чем открытая враждебность, Монфор вынудил короля обещать женить единственного сына и наследника Хайме на его дочери Амиции и практически заставил передать ребенка ему на воспитание — другими словами, в заложники.

Тем временем он без боя завладел сильно укрепленным замком Кабаре, сеньор которого дал благоразумию восторжествовать над гордостью и предпочел сдаться на милость победителя.

Кровь кипела в жилах арагонского короля при известиях о деяниях крестоносцев на землях, обладателем которых мог бы стать он сам. Король знал и любил многих погибших в этой войне.

Подчинившись давлению французов и Рима, дон Педро отнюдь не смирился; напротив, он преисполнился неуклонной ненавистью к человеку, заставившему его ощутить свое бессилие перед фатальной властью обстоятельств.

Ненавистью такого человека не стоило пренебрегать.

КОРОЛЬ ПЕДРО

В Арагоне после смерти без потомства последнего короля из кельтиберийско-готской династии остался только один представитель королевского дома — Рамиро, с детских лет посвященный Господу и живший в монастыре. Чрезвычайная сессия рикос омбрес¹ приняла решение об

¹ В дворянской иерархии Арагона рикос омбрес, или бароны, представляли высшую аристократию. Гарантией ее могущества являлись ее многочисленные привилегии.

Рикос омбрес не могли ни в каком случае приговариваться к смертной казни или телесному наказанию; судебное преследование против них могло возбуждаться лишь королем или его уполномочен-

избрании Рамиро арагонским королем. Но ему ставилось условие: он должен был жениться на донье Инес де Пуатье (Агнессе Аквитанской), дочери Вильгельма VII, и дать стране наследника.

Папа разрешил Рамиро покинуть монастырь и воцариться ради благой цели продолжения династии.

Усилия Рамиро были вознаграждены лишь отчасти: его супруга родила дочь Петронеллу. Когда девочка достигла двухлетнего возраста, ее обручили с Рамоном-Беренгером IV, правителем Барселоны. Династический брак арагонской принцессы с барселонским графом принес стране личную унию с Каталонией и выход к Средиземному морю. Их старший сын Рамон-Беренгер, избранный на арагонский престол в 1162 г., из уважения к своим подданным поменял каталонское имя на более привычное им Альфонс. Альфонс II (1152—1162—1196), получивший прозвище Непорочный, или Целомудренный (*el Casto*), был талантливым государем, образованным в духе своего времени. Поэт и музыкант, он на протяжении всей жизни был покровителем провансальской литературы — «владел трубадурским художеством». Однако многие хроники отмечали его выдающееся коварство, неразборчивость в средствах, стремление любой ценой расширить владения. Многие относили такие качества на счет его каталонской крови, как считалось, пре-

ными, причем исключительным судьей в процессах, возникавших между королем и рикос омбрес, являлся Верховный судья Арагона. Они были освобождены от всяких налогов и податей; жилище их было неприкосновенным для служителей власти; в случае нарушения королем феуэрос они имели право переходить в подданство к другому королю, заключать между собой конфедерации, объявлять войну королю, низводить его с престола и выбирать на его место нового, но исключительно среди арагонской знати; наконец, бароны имели право воевать друг с другом.

дательской от природы. Современники упорно приписывали ему убийство единственного брата ради обладания Провансом.

Альфонс II не был сыном короля. Гордые арагонские вельможи, высоко ценившие благородство крови, часто ставили ему в упрек это обстоятельство, не желая подчиняться равному себе. Его царствование было чередой феодальных войн с непокорной знатью и агрессивными соседями, чаще всего победоносных. В 1187 г. он распространил арагонское влияние на Беарн и Бигорр, овладел Каспе, приобрел Сердань и Руссильон.

Альфонс один из первых арагонских монархов оценил важность широких международных связей, которые осуществлял путем браков дочерей.

Как уже говорилось, переплетение многочисленных фамильных отношений опутывало дворянство Юга. Родственные связи не ограничивались Провансом. Высшая знать часто роднилась с домами правителей небольших испанских королевств: Леона, Арагона, Наварры. Пиренеи не были непреступной преградой для обитателей соседствующих стран. Скорее, они являлись связывающим родственные народы мостом. В то время жители Романьи предпочитали власть испанских правителей, сходных с ними по обычаям и характеру, упорному и холодному гнету французских королей. Особенно близки с королями Арагона были окситанские виконты Безье.

Ко времени начала военных действий против еретиков на престол этой небольшой страны в весьма критических обстоятельствах вступил Педро II (1174—1196—13.9.1213), сын Альфонса II.

В первый год царствования Педро вынужден был принимать множество сложных политических решений. Франция

теснила его; знать Прованса, перешедшего по наследству к его младшему брату Альфонсу, отстаивала независимость от арагонской короны. Кроме того, ему пришлось улаживать раздор с матерью, вдовствующей королевой Санчей Кастильской, по поводу нескольких укрепленных городов, подаренных ей мужем. Разногласия помог урегулировать вездесущий Иннокентий III. С тех пор Педро испытывал к папе благодарность и доверие. Хроники не уточняют, каким образом был исчерпан конфликт, но показательно, что о нем вообще упоминается как о государственном деле. По-видимому, сын не просто отобрал у матери ее владения, а предоставил ей достойную компенсацию. Арагонские короли не являлись самодержцами и вынуждены были действовать с оглядкой на рикос омбрес.

Возможно, отобранные у королевы Санчи крепости требовались королю для ведения военных действий: в 1200 г. в союзе с королями Кастилии и Леона он выступил против Наварры и присоединил к Арагону ряд территорий. Успехи монарха на поле брани всегда укрепляли его власть внутри страны. Однако в целом лояльные победоносному королю бароны в штыки восприняли подчинение Арагона и Каталонии Святому престолу.

Дон Педро неожиданно для всех отправился в Рим и принес присягу Иннокентию III за свои владения. Папа вручил ему скипетр и золотое яблоко, символ земного шара. А дон Педро, положив руку на Евангелие, произнес следующие слова: «Я, Петр, король Арагона, заявляю и клянусь, что всегда буду послушным вассалом моего господина, папы Иннокентия, и его католических преемников, а также Римской церкви. Я буду сохранять мое королевство в покорности ему, защищать католическую веру и преследовать ересь. Я буду уважать свободу и независимость церкви и

заставлю других уважать ее права. В пределах всех моих владений я буду стараться поддерживать мир и справедливость».

Из монастыря Святого Панкратия, где происходила эта церемония, король отправился с папой в базилику Святого Петра. Здесь он сложил на гроб апостола скипетр и диадему; Иннокентий опоясал его мечом в знак того, что Педро принят в число рыцарей, посвятивших себя служению церкви. Король передал папе королевство Арагон, вручив ему дарственную грамоту, которая была возложена на алтарь. Грамота гласила: «Заявляю языком и сердцем, что епископ римский — преемник Святого Петра, наместник Того, Кто состоит Господином всех земных государств и может предоставить их кому угодно. Я, Петр, милостью Божией король Арагонский, граф Барселонский, владетель Монпелье, желая заслужить покровительство Господа, апостола и святого престола, объявляю, что передал мое королевство тебе, высокочтимый отец и господин, первосвященник Иннокентий, а также твоим преемникам и через тебя — священной Римской церкви».

Король обязался, кроме того, ежегодно выплачивать папе как вассал крупную сумму (250 золотых) и изгнать мавров с территории Испании. До сих пор большинство историков, упоминая об этом поступке дона Педро, используют определения «странный» и «необъяснимый». Такого не было в обычае ни в Арагоне, ни в Каталонии.

Между тем, если сопоставить некоторые факты и даты, причина становится очевидной.

По разным данным, присяга в Риме была принесена в конце 1203 или в феврале 1204 г. В том же году путем брака с Марией, наследницей графства Монпелье, король Педро сумел присоединить территорию богатого феодала, располо-

женного в плодородной долине реки Лез, вблизи средиземноморского побережья. Обстоятельства этого типично династического брака, по-видимому, и послужили причиной обращения к авторитету Рима.

Проблема заключалась в невесте и ее приданом. История Марии Монпелье настолько необычна, что заслуживает отдельного рассказа.

Отец Педро, Альфонс II, просил руки византийской принцессы Евдоксии, племянницы императора Мануила Комнина. Пока она ехала в Испанию, Альфонс стоворился с кастильским королем и взял в жены его дочь Санчу. Гречанка со свитой и матерью прибыла в Монпелье, где узнала, что ее суженый женился на другой. И это была не единственная ужасная весть — в это время в Византии скончался дядя и благодетель Евдоксии император Мануил.

Правитель Монпелье, Гийом VIII, 16 лет от роду, под давлением опекунов решил воспользоваться сложившимися обстоятельствами и предложил заменить своей персоной оказавшегося таким вероломным арагонского короля. Духовенство одобрило его инициативу, приближенные греческой принцессы сочли это удачным выходом из отчаянного положения, и 27-летняя Евдоксия Комнина, правда, не без сопротивления стала графиней Монпелье. Бракосочетание состоялось в 1181 г. при недвусмысленном условии, что первый ребенок, который родится от этого союза, будь то мальчик или девочка, наследует сеньорию Монпелье. Этим ребенком стала Мария.

Однако через пять лет брак распался, Гийом, «дабы иметь сыновей», взял в жены некую Инесс Арагонскую, а Евдоксия отправилась — возможно, по собственной воле — в монастырь. Но церковью брак Гийома с Инесс не был признан, а их многочисленные сыновья считались бастар-

дами. Законную наследницу, 12-летнюю Марию, отец выдал за виконта Марселя Барраля де Бо. Скоро виконт умер, завещав своей жене хорошее состояние — по-видимому, спокойный характер девочки-подростка пришелся по душе первому супругу. Добрую часть наследства бесстыдно присвоили себе отец и мачеха Марии. В 1197 г. они вновь выдали замуж 15-летнюю вдову за дважды разведенного Бернара IV, графа Комменжа. От этого брака родились две дочери, выданные за знатных окситанских вельмож.

В хрониках имеются отдельные упоминания о том, что Мария была очень некрасива. Правда, тут же отмечаются ее умение держать себя и приятные манеры. Но, по-видимому, Бернар Комменж их не оценил и поспешил развестись с третьюей женой, чтобы жениться на четвертой. Иннокентий III решительно этому воспротивился, однако граф все-таки отослал Марию.

Тем временем горожане Монпелье не пожелали оставаться под властью незаконнорожденного правителя и решили признать права дочери Евдоксии. Возможно, их сердца тронула непрерывная череда невзгод, выпавших на долю молодой женщины, но, скорее всего, они надеялись добиться от новой госпожи полного признания своей коммуны.

Богатый Монпелье, издавна известный медицинскими школами, имеющий удобный выход к морю, граничил с графством Барселонским, где правил Педро II. Он предложил стать защитником графини Марии — ведь на ее власть посягали сводные братья, и ей остро требовался заступник. Жители, подзуживаемые арагонскими эмиссарами, прогнали юного графа Гийома IX и радостно отдали себя под власть воинственного и удачливого арагонского короля.

15 июня 1204 г. дон Педро женился на наследнице Монпелье и поклялся «на Святом Евангелии Господнем, что никогда не разлучится с Марией, не будет иметь другой женщины, покуда жив, и будет всегда сй верным».

Несомненно, смена власти в Монпелье произошла не вдруг и требовала серьезной и длительной подготовки. И конечно, все это происходило с ведома, если не при прямом попустительстве Иннокентия III. Граждане Монпелье, добрые католики, не затронутые катарской ересью, оказались весьма восприимчивы к увещаниям своего духовенства. Папа, всегда такой щепетильный в отношении семейных дел правителей, посмотрел сквозь пальцы на тот факт, что брак Марии с графом Комменжем не был аннулирован.

Каждый в этой сделке преследовал собственную выгоду. Педро II получал власть над соседним феодом Монпелье, приносящим солидный доход, а впоследствии возможность присоединить к своему королевству и графство Уржель (1205). Папа брал под свою руку Арагон, Каталонию и несколько южных графств. Напомним, что в 1213 г. он, согнув Иоанна Безземельного, получил верховную власть над королевством Англия.

Тем не менее арагонские бароны восприняли поступок своего короля как «унижающий честь нации и оскорбительный для его людей».

Но Педро сумел восстановить свой авторитет и влияние.

В 1212 г. энергичный Иннокентий III объявил на Пиренейском полуострове Крестовый поход против мавританской династии Альмохадов, захватившей многие христианские территории и все более распространявшей свое влияние. Поход возглавил кастильский король Альфонс VIII при самой активной поддержке Педро Арагонского. Короли Леона, Португалии и Наварры, магистры рыцарских

орденов и многочисленные рыцари как из Испании, так и из Южной Франции присоединились к христианскому войску. Решительное сражение состоялось 16 июля 1212 г. при Лас-Навас-де-Толосе. Педро II, приведший 3000 рыцарей и отряд арбалетчиков, командовал в нем левым крылом крестоносцев. В результате битвы халиф Альмохадов Якуб ан-Насир потерпел сокрушительное поражение. Битва стала важнейшим этапом Реконкисты, а участники сражения — национальными героями.

Педро был высок, строен, отличался необыкновенной силой и выдающейся храбростью. Воспитанный при дворе отца, где было велико влияние провансальской культуры, он щедро покровительствовал искусствам и особенно трубадурам. Педро любил блеск и пышность и для удовлетворения своих желаний не боялся проявлять расточительность. Большой поклонник прекрасного пола, к своей жене Марии он относился холодно и сурово. Бедная королева страдала от измен сладострастного мужа.

Первый ребенок королевской четы, дочь Санча, прожила только год. Король испытывал отвращение к жене и не желал даже видеть королеву Марию. Приближенные тревожились оттого, что у короля не было сына. Уговоры прсвозмочь себя и подарить стране наследника на короля не действовали. Он удостаивал вниманием многих других женщин, только не свою жену.

Тогда решили пойти на хитрость. Дон Педро прибыл к некоей прекрасной возлюбленной; его провели прямо в спальню. После ночи любви он с изумлением и почти ужасом увидел рядом с собой в постели собственную супругу. Тут же вошли придворные, славя Создателя за то, что их хитрость удалась. Действительно, скоро оказалось, что королева понесла.

Эту историю можно было бы посчитать за выдумку, но об обстоятельствах своего появления на свет в главе, которая так и называется «Как я родился», рассказал в своем жизнеописании тот самый ребенок, рождению которого предшествовали такие «военные хитрости». Впоследствии этот сюжет вдохновил воображение Боккаччо (одна из новелл в «Декамероне»), Шекспира (пьеса «Все хорошо, что хорошо кончается») и других известных авторов.

После рождения сына Хайме, обеспечив наследование Монпелье, Педро попросил у папы развод с Марисей. Он, кстати, вспомнил, что она до сих пор не разведена с графом Комменжем. Это сильно тревожило совесть короля; кроме того, в ней не было королевской крови, о чем муж, по-видимому, задумался только сейчас. Однако Иннокентий вовсе не жаждал разрушить брак, для осуществления которого ему пришлось немало потрудиться. К тому времени папа сумел стать сувереном скандинавских королевств, Португалии, Англии, подчинил своему политическому влиянию Венгрию. Вырисовывалась перспектива собрать под своей рукой все страны христианского мира. Как верховный правитель Арагона, он не желал потери Монпелье, что было вполне реально, если королевский брак распадется.

Папа Иннокентий писал своим легатам в защиту горожан Монпелье: «Поскольку они всегда до сих пор сохраняли чистоту веры и оказывались преданными нам и апостольскому престолу, постольку следует и нам озаботиться, чтобы они не претерпевали какой-либо обиды через коварное внушение кого-нибудь из тех, кто, пламенея рвением к католической вере, опоясался мечом для истребления еретиков. Поэтому мы предписываем вам, чтобы вы не позволяли войску крестоносцев обижать упомянутых людей и разорять земли их, а защищать их как католиков, предан-

ных Римской церкви, которых отнюдь не следует в чем-либо притеснять вопреки справедливости». Характерно, что католиков в землях сеньоров, не стойких в вере, папа не призывал «не обижать».

Не отказывая дону Педро в вопросе о расторжении брака прямо, он использовал тактику проволочек и отговорок, быть может, рассчитывая, что появятся какие-нибудь новые обстоятельства или ситуация урегулируется сама собой.

Ранее такие теплые и доверительные отношения между королем и папой значительно охладели, но оба продолжали изображать сердечное согласие.

Арагон был первым государством на Пиренейском полуострове, где по закону, обнародованному в 1197 г., были изгнаны еретики. Власти предложили им в течение двух месяцев покинуть страну. «Упорствующие» подвергались сожжению на костре. От папы Педро получил звание «католический король», а в Арагоне — неудовольствие населения. Однако это не поколебало его фанатизма. Он неодобрительно относился к политике графов Тулузы в отношении альбигойцев и часто корил своего вассала и родича Транкавеля за его уклонение от истинной католической веры. Тем не менее король не замедлил прийти кузену на помощь, как только крестоносцы уничтожили Безье и осадили Каркассон, верховным сеньором которого являлся он сам. Коронованный папой монарх рассчитывал, что довольно будет его небрежной просьбы, чтобы «недоразумение» уладилось. Однако легат Арно Амори вовсе не стремился идти навстречу желаниям короля, что и высказал в вызывающей форме. Каркассон был взят, а Транкавель уничтожен, и дон Педро, явившийся с небольшим отрядом, не был готов этому помешать. В сильнейшем раздражении он вернулся в

Арагон, чтобы вместе с баронами выработать дальнейшую стратегию.

События в Романье не могли оставить его равнодушным. Каждая новая победа французов несла угрозу Арагонскому королевству. Педро понимал опасность, которая грозила ему, если бы на его границе появилась централизованная теократическая монархия Симона де Монфора.

Желая обеспечить своим доминионам защиту от Франции, он выдал сестру Леонору за Раймунда VI, а другую сестру Санчу за его сына, молодого Раймунда. Эти браки сильно не понравились Иннокентию, который сам способствовал союзу старшей сестры Педро Констанции и короля Сицилии Фридриха Гогенштауфена. Подобный шаг папа, безусловно, воспринял как недружественный, но в то время не стал вмешиваться в решения короля.

Еще более насторожило понтифика отречение Раймунда VI, графов Фуа и Комменжа, от своих владетельных прав в пользу короля Арагона. Их желание было закреплено документально, причем наличие актов обеспечивало графам широкую свободу действий в том случае, если они вынуждены будут поступить вопреки воле папы.

Наивно думать, что доном Педро двигало только бескорыстное желание помочь южанам. По мнению Р. Каратини, правитель Арагона «зарился на многое и готов был сделаться таким же королем Южной Франции, каким в северной был Филипп Август».

Легаты продолжали действовать, как будто никакого вассального переподчинения не произошло. Арно Амори, вступивший к этому времени в сан архиепископа Нарбоннского, оставался верен впервые избранному тону общения с королем. В письме к Педро, злом и резком, он угрожал

ему церковной опалой в случае, если тот не прекратит сношений с отлученными и подозреваемыми в еретичестве.

Определившиеся обстоятельства не отменяли обета Педро изгнать мусульман из Испании. В союзе с королями Альфонсом VIII Кастильским и Альфонсом IX Леонским Педро продолжал Реконкисту. Теперь, увенчанный лаврами Лас-Навас-де-Толоса, носящий имя освободителя Испании от многолетнего ига мусульман, он был уверен, что папа избавит его от нелюбимой Марии. С помощью матримонимального союза король надеялся получить новые связи, территории и средства и заранее просил руки французской принцессы.

Тем не менее 19 февраля 1213 г. его брак был признан законным. Папа корил короля, напоминая, что бесчестно покидать женщину, с которой он прижил сына, притом славную святой жизнью и любимую всеми. Педро был вне себя. Дело разрешилось кончиной отвергнутой королевы. Мария Монпелье умерла в Риме, куда прибыла просить о разводе и разрешении удалиться в монастырь. Сразу поползли слухи, будто она отравлена по приказу дон Педро. Не исключено, что эта молва распространялась папской курией.

Терпение Педро было уже на пределе. Монарх, приверженность католицизму которого никогда не ставилась под сомнение, верный и честный сын папского престола, был готов взбунтоваться против Рима.

МОНФОР ПОБЕДОНОСНЫЙ

Монфор двинулся на небольшой городок Кассес, принадлежащий непосредственно графу Тулузскому. Его защитники, здраво оценив свои возможности, не оказали сопротивления. Они выговорили себе жизнь и свободу в обмен на выдачу оказавшихся в Кассесе еретиков. Христо-

вы воины очередной раз проявили чудовищную глухоту и пренебрежение к чужой боли. Несчастных числом около шестидесяти торжественно сожгли на большом костре близ города.

На пути французов высилась крепость Монферран, которую оборонял Бодуэн Сен-Жильский, младший брат Раймунда VI. Казалось, он должен стоять насмерть. Но, сопротивлявшись некоторое время, Бодуэн охотно вступил в переговоры с Монфором, признал его своим сеньором, а потом и вовсе попросил клириков считать его наивернейшим сыном церкви.

Но не все в семейных делах Раймунда VI в это время было нехорошо: его единственный сын, тоже Раймунд, ласково называемый южанами Раймунде, женился на сестре Педро Арагонского, принцессе Санче. Правда, невеста была значительно старше жениха, но ведь речь шла не о любви; этим браком еще более упрочилась связь графов Тулузских с Арагонским домом.

Монфор неотвратимо двигался к Тулузе. Можно предположить у него имелась шпионская сеть, поскольку прослеживается скоординированность действий французов вокруг и внутри Тулузы.

Гордые башни и мощные стены, торжественное спокойствие берегов прекрасной Гаронны, россыпь розовеющих в лучах солнца домов под красными черепичными крышами, великолепные соборы, выстроенные знаменитыми предками, стояли перед глазами графов-изгнанников. Кровь закипала в жилах обоих Раймундов при мысли, что чужеземец будет хозяйничать в их владениях.

Стольный город Раймунда VI всегда отличался веротерпимостью. Христиане уживались с евреями и мусульманами, не оскорблявшими их веру, католики мирно соседство-

вали с еретиками. Все изменилось, когда архиепископом Тулузы был назначен Фолькет Марсельский, южанин, бывший трубадур и, как все полагали, доброжелатель, почти друг графа. Но стоило прозвучать церковному отлучению, Фолькет приказал горожанам не считать отныне Раймунда VI своим господином и изгнать его из города. В ответ народ, в том числе католики, чуть было не прогнал его самого. Тогда архиепископ призвал священников и монахов босыми покинуть город, унеся Святые Дары, объявил Тулузу еретическим городом и призвал для искоренения ереси Симона де Монфора. Это означало, что крестоносцы вправе взять город на щит.

По-видимому, это была заранее спланированная операция провансальского священника и французского полководца, поскольку Монфор как будто только этого и ждал. Очень скоро под стенами Тулузы собралась большая французская армия, готовая к приступу.

Но мужество защитников, воодушевляемых своим сеньором, оказалось столь велико, что после двенадцатидневной осады Монфор отвел от стен города французские отряды.

Все детали этой неудавшейся осады описал Гийом Тудельский.

Окрыленный удачей, Раймунд собирал на своих землях большую армию и сзывал оставшихся верными ему вассалов. Монфор между тем опустошил земли графа де Фуа. Воинственная семья де Фуа оказывала крестоносцам самое ожесточенное сопротивление. Каркассон и Тулуза были взяты несколько раз, но замок Фуа, расположенный в местности, считавшейся неприступной, никогда не был покорен.

Другая судьба ожидала Лавор, город красивый и богатый. Он славился достаточно сильными укреплениями. Католики называли его тронем самого сатаны. Там находилась резиденция катарского епископа Тулузы, и в городе открыто и мирно жили сотни Совершенных. Город был переполнен беглецами-трубадурами, опальными рыцарями и едва избежавшими смерти на костре катарами.

Крестоносцы приступили к осаде города, но он был так велик, что им не удалось полностью его окружить, и пришлось ограничиться нападением на него только с одной стороны. Дня за три или четыре напротив крепостной стены расставили камнеметы и прочие машины, и начался обстрел стен.

Лавор представлял собой весьма многонаселенным город. Осажденные, которых было больше, чем осаждающих, попытались совершить крупную вылазку, и им удалось захватить в плен вражеского рыцаря. Его тотчас предали смерти.

Крестоносцы не могли надеяться взять осажденную крепость голодом, поскольку жители соседней Тулузы встали на сторону еретиков и снабжали их съестными припасами. Граф Тулузский не только закрывал на это глаза, но и горячо, хотя и втайне приветствовал их своеволие.

Прошло еще два или три дня, за которые положение несколько не изменилось, затем на помощь крестоносцам прибыли свежие войска из Северной Франции.

Госпожа Лавора Жеральда (Гирода), или Жиро, потеряв супруга, павшего у стен Каркассона, готовилась принять *consolamentum*¹. Пока же она предавалась делам благочестия, ее сердечность и отзывчивость славились по всему Югу. «Жеральда была благороднейшей и добрейшей из

¹ В ряде источников утверждается, что она ждала ребенка.

всех романских дам», — сообщает расположенный к катарам хронист. «Отъявленная еретичка», — именует ее автор «Альбигойской истории».

На помощь сестре бросился Айморик Монреальский и в последнюю минуту сумел пробраться в осажденный Лавор. Он уже сдал почти без боя свой город, вынужден был принести присягу Монфору и теперь, мучаясь стыдом и раскаянием, жаждал восстановить свое доброе имя.

Как будто начался новый виток спирали времени. Снова католики осаждали Лавор и снова, как в 1181 г., двадцать лет назад, его защищала благородная дама. Но тогда великодушная Аделаида удалилась хотя и побежденная, но победительная; тогда ее врагом не был Симон де Монфор.

В начале мая 1211 г. после месяца осады Лавор был взят. Начался кровавый средневековый погром: разбой, насилие, смерть — страшные картины. Захватив город, французы повесили воинов-защитников. Среди них находился брат владелицы Амора, возглавлявший сопротивление, и восемьдесят его рыцарей. Под тяжестью повешенных треснул и развалился эшафот. По всем неписаным законам обвиняемым следовало объявить помилование, поскольку Господь не пожелал их смерти. Но по знаку Монфора французы с яростью бросились перерезать глотки полузадушенным людям.

В Лаворе встретили свою смерть и сорок два трубадура. Католикам были ненавистны их богохульные песни.

Для прочих защитников города сложили огромный костер. «Все Совершенные, их было 140 или немного больше, были повергнуты в этот костер. Их даже не нужно было гнать туда; упорствуя в своем лукавстве, они сами бросались в огонь. Лишь трое из них спаслись, отрекшись от ереси. Простые катары после этого последовали их приме-

ру». Упорствующим крестоносцы сожгли «с безмерной радостью». Всего в Лаворе французы уничтожили четыреста добрых христиан и Совершенных.

Искали Жеральду. Когда нашли, обесчестили, проволокли по городу как преступницу, бросили в колодец и завалили камнями. И еще два дня из колодца доносился ее постепенно слабеющий голос, поющий псалом: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Часто слышатся обвинения в адрес Осокина, будто именно он пустил гулять по свету «ужастик» про Жиро. Но не он первый написал об ее страшной участи.

Айморик Монрсальский и Жеральда были детьми Совершенной Бланки де Лорак, покровительницы катаров. С их гибелью пресекался род Лораков.

Современные историки выражают удивление по поводу такой беспощадности Монфора, направленной на благородную, молодую и красивую даму. Ведь он всегда стремился обуздать жестокость своих солдат и насмников в отношении женщин — как будто заранее старался умилосердить ту женскую руку, которая отнимет у него жизнь.

Весь Юг содрогнулся, узнав об участи Жеральды. Ее оплакивали, воспевали, с ее именем шли в бой.

Поспешность расправы с Жеральдой была так велика, что возникает законное подозрение: не стремился ли Монфор уничтожить ее как потенциальную Хранительницу Грааля? Хранители всегда готовили себе преемников, и Жеральда отвечала всем необходимым требованиям: женщина благородного происхождения, связанная родством с виднейшими катарскими семьями, добрая и отзывчивая, глубоко и искренне верующая... Тогда легко объяснимы неумолимость французского полководца и его жестокость

по отношению к такому телесно слабому, но нравственно неодолимому врагу.

Крестоносцы, заняв город, застали там сенешаля графа Тулузского и многих тулузских рыцарей, которых Раймунд VI тайно послал к владелице Лавора, чтобы помочь ей защитить ее замок. Более того, там обнаружили камнеметы и другую «технику», которые граф Тулузский прислал хозяйке этих мест, невзирая на то что Монфор запретил тулузцам снабжать подобными орудиями здешних сеньоров. Это тоже подтверждает предположение, что граф как сюзерен не только стремился помочь верной подданной и единомышленнице, но и возлагал на Жеральду Лаворскую некие скрытые от непосвященных надежды.

Сохранить жизнь Жеральде не удалось. К тому же отныне предводитель крестоносцев считал себя вправе относиться к графу Тулузскому как к заклятому врагу Христа, папы и веры, с которым следовало открыто сражаться.

Нигде в источниках нет сведений о какой бы то ни было личной встрече Раймунда и Монфора. В течение десяти лет два этих антагониста находились в непосредственной близости друг от друга, но их чувства выражались лишь заочно. Граф Тулузский, человек средиземноморской культуры, мыслящий широко и свободно, не испытывал никаких симпатий к законам и нравам Северной Галлии. Ему не нравились унылые северные города, холодные и сырые. Монфор, неграмотный и косный, возмущался вольнодумством и свободой поведения южных сеньоров, презирал за их потворство катарам и подозревал в еретичестве. Повидимому, граф и Монфор вовсе не стремились к общению, заранее и навсегда предубежденные один против другого. Они олицетворяли борьбу между латинским и германским

народами, между франкским невежеством и романской цивилизованностью.

У Кастельнодари объединенное войско графов-южан снова потерпело поражение. И в этот раз победа не улыбнулась отважному Роже Бернару де Фуа. Но и разбитый в бою хитрый граф распускал слухи о победе, чтобы вселить мужество в сердца своих сторонников. Сочувствуя всей душой альбигойцам, он оставался правоверным католиком и исправно выполнял обряды католической церкви.

Его лукавство принесло плоды. Робкие и колеблющиеся вассалы снова потянулись к природному сеньору. Нарбонн и Безье затворили перед Монфором ворота. Правда, он захватил важный город Ним. В стародавние времена Ним обтекала река Гар. Его было не взять измором, как Минерву: воду поставлял в город знаменитый акведук Пон-де-Гар¹. Мощный штурм принес победу Монфору, однако это была одна из последних его побед в этот период. Сплотившиеся вокруг Раймунда Тулузского патриоты по всем фронтам давали ему отпор.

На фоне общего воодушевления против захватчиков поведение Бодуэна Сен-Жильского выглядело откровенным предательством. Он всюду сопровождал Монфора, восхищался суровым воителем, гордился именем его друга. Прекрасно зная все болевые точки государства, он давал крестоносцам ценные советы. Трудно поверить, что южанин-аристократ без особенного принуждения переметнулся на сторону врагов своей страны.

Но дело в том, что он был не вполне южанином.

Младший сын Раймунда V, Бодуэн родился во Франции, поскольку его родители сильно не ладили и в конце кон-

¹ Акведук Пон-де-Гар (его изображение присутствует на купюре пяти евро) ныне включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

цов расстались. Принц получил воспитание при французском дворе и, скорее всего, был предубежден против отца. Он появился в Тулузе только после смерти старого графа. Раймунд VI встретил его без всякого воодушевления. Более того, он потребовал предъявить документы, подтверждающие его происхождение. За ними Бодуэну пришлось ехать обратно во Францию. По-видимому, он их представил, и граф по совету своих юристов вынужден был признать Бодуэна братом. Однако принц-севрянин не стал любимцем Тулузского двора. Его воспринимали так же, как государь, — отстраненно и немного насмешливо. Нам ничего не известно о прежней жизни Бодуэна, его религиозных верованиях, чувствах к Раймунду и другим вельможам Юга. Можно только догадываться, что он был недоволен своим уделом.

Теперь он нашел человека, который окружил его вниманием как кузена короля Франции и высоко оценил его достоинства. Притом человека с Севера, привычного ему обхождением, манерами, образом мыслей. Вместе с Монфором он «очищал» страну от приверженцев ереси. Один из крестоносцев вспоминал: «С чрезвычайным удовольствием наши паломники сожгли большое число еретиков, а когда между ними попадались “святые”, удовольствие их было еще больше. В одном месте их было захвачено очень много; епископы стали увещевать их, но не обратили ни одного; по их уходе крестоносцы сожгли с великой радостью 60 нечестивых».

Граф чувствовал себя смертельно больным из-за измены брата. Он решил вырвать этот ядовитый шип из своей души. Все провансальцы видели, что Раймунд ищет головы Бодуэна. Действительно, как только брат попал в руки Рай-

мунда¹, его часы были сочтены. На военном совете бароны приговорили его к смерти. Его вывели на луг перед замком Мотобан, и граф де Фуа собственноручно повесил изменника на орешине.

Но военное счастье, казалось, навсегда решило принадлежать лишь Монфору. После длительной осады крестоносцами был взят прекрасный город Ажене, приданос Жанны Английской, матери юного Раймунде. Гарнизон Ажене, усиленный наемниками и возглавляемый упрямым наваррцем, преданным Раймунду Тулузскому, не желал покоряться. Измученные голодом и бесконечными штурмами осажденные изнемогали, но не сдавались. Но такое же изнеможение царило в лагере французов. Только подошедшие отряды графа Суассона переломили ситуацию. Убедившись, что на помощь Раймунда надеяться не приходится, предводители осажденных начали переговоры о достойной капитуляции. После пяти недель сопротивления гарнизон Ажене покинул городские стены почетно, с оружием в руках.

При взятии Бирона и Муассака Монфор проявил большую осмотрительность: он, прежде всего, настоял на выдаче наемников и казнил их, а от жителей потребовал клятвы на Евангелии в том, что они не будут воевать против него.

На этом, собственно, война Монфора с Югом могла быть закончена. Города и крепости ерстиков пали, сами еретики нашли смерть на кострах, аристократы, никогда и не принимавшие официально катарскую веру, демонстративно проявляли приверженность к католической церкви. Небольшое количество оставшихся в живых убежденных катаров ушло в подполье. Они скрывались в лесах и пеще-

¹ Его выдали графу южные бароны, перебежавшие на сторону Монфора, но всегда готовые вернуться под власть своего сеньора.

рах и не представляли опасности для новой власти. Цель кампании была достигнута.

Покорив огромные территории, множество городов и замков, Монфор на этом не остановился и поспешил установить на них свой порядок. В ноябре 1212 г. в городе Памье он «захотел приписать своим вассалам строгие правила и установить жесткие границы, которые им не позволено будет нарушать, чтобы рыцари могли достойно жить на определенные и законные доходы и чтобы и простой народ также мог жить под крылом сеньора, не сгибаясь под тяжестью незаконных поборов», — восхищался Петр Сернейский.

Теперь даже ребенку стало ясно, что Монфор решил стать светским государем завоеванных земель.

Тем более очевидно это было королю Арагона. Он принял решение воевать с захватчиком. Не хватало только предлога, но он не замедлил появиться. Крестоносцы заняли несколько крепостей, принадлежавших его сестре Леоноре. Узнав об этом, Педро тотчас перешел Пиренеи во главе большого войска.

Радости его новых вассалов не было предела.

Первым делом дон Педро объявил, что берет под защиту графов Тулузы, Фуа, Комменжа и Гастона Беарнского, а также «всех рыцарей из тулузских и каркассонских земель, кто был из-за ереси лишен владений, всех без исключения горожан Тулузы и саму Тулузу». Он как будто забыл, что в качестве города она, «равно как и земли, которые к ней относились», находилась под сюзеренитетом короля Франции Филиппа Августа. Папе арагонец направил послание, в котором описывал бесчинства крестоносцев на окситанской земле, и прямо утверждал, что их цель — не защита церкви, а личное обогащение. Затем он предложил Симону

де Монфору встретиться в окрестностях Нарбонны, чтобы обсудить наболевшие вопросы. Формально являвшийся вассалом арагонского короля Монфор ответил сюзерену письмом, в котором, не используя предусмотренные этикетом формулы вежливости, отказался от встречи, прямо заявив, что опасается предательства. Тогда возмущенный дон Педро направил противнику формальный вызов, угрожая начать войну в его владениях. (Напомним, что единственный сын и наследник Педро, инфант Хайме, находился во власти Монфора.) В ответ Монфор объявил себя свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению к королю и послал ему встречный вызов.

Военные действия, которые не могли не начаться, завязались с осады королем Мюре, маленького, удачно расположенного, но плохо укрепленного городка во владениях Монфора. Его защищал гарнизон крестоносцев из тридцати рыцарей и около пятидесяти пехотинцев. Король раскинул свои шатры на левом берегу Гаронны. К нему отовсюду стекались сторонники. Королевское войско во много раз превосходило не только незначительный гарнизон Мюре, но и скромную по численности армию Монфора. Уверенные в своей неизбежной победе южане проводили время в веселье и пирах. В этом был весь Педро. Его слишком манила драматичность, удовольствие от возможности сделать красивый жест

Тем временем Монфор, к которому осажденные послали гонца с просьбой о помощи, не только усердно молился, но и использовал против арагонского короля, как теперь бы сказали, черный пиар. Он приказал повсюду показывать списки с перехваченного письма короля возлюбленной, супруге сира Ламбора из Альбижиа, Аделаиде де Буасседон, где тот клялся разбить французов ради ее прекрасных глаз.

«Разве может быть благосклонен Бог к такому развратнику и нечестивцу?» — вопрошал добродетельный Монфор.

Его супруга Алиса видела тревожные сны, но муж успокаивал ее, уверяя, что Небеса за него.

Впоследствии католики утверждали, что окситанское дворянство в надежде заслужить милость короля предоставило для услуг ему и его приближенным своих жен и дочерей. Убивавшие стариков и детей, насилувавшие мирянок и монахинь, крестоносцы сурово осуждали свободную любовь в среде защитников еретиков.

«Воин, поэт, страстный поклонник женщин, “веселый окситанец”, Педро Арагонский и на последнюю битву смотрел весело. От неумеренных чувственных наслаждений в ночь накануне сражения он так изнемог, что на мессе не в состоянии был стоя слушать Евангелие». Скорее всего, это не измышления противной партии, поскольку о том же свидетельствует в своем жизнеописании его сын, знаменитый Хайме I.

Тем не менее в битве при Мюре Педро жаждал помериться с Симоном силами один на один. Два французских рыцаря, Алан де Руси и Флоран де Виль, стремились захватить короля. Он отбивался спокойно и удачно; броня его была непробивасма. Он изрубил несколько человек, но перед массой врагов не выстоял. Секира упала из его ослабевшей руки. Острием меча он хотел заколоть де Вилля, но де Руси положил его насмерть. Знатнейшие арагонцы дрались за тело своего короля.

Он еще дышал, когда его нашли и прикончили мародеры. Монфор преклонился перед павшим величием и велел с честью похоронить героя. Госпитальеры, которых щедро одаривали катары, дабы те стали их поручителями перед Всевышним, испросили позволения вывезти его с поля боя.

Они перевезли тело своего погибшего покровителя в Сиксенский монастырь. В 1555 г. крышку гробницы вскрыли: тело короля сохранилось, только нос был несколько поврежден.

Неожиданный и ужасный поворот сражения, от которого южане ждали блистательной победы, заставил отступить арагонские войска. Раймунд Тулузский, который бросил свои отряды в Мюре, был там заперт крестоносцами. Французские рыцари, в рядах которых бились тамплиеры, яростно набросились на тулузскую пехоту и искрошили ее в капусту. Духовенство сделало очередную попытку вернуть предводителей южан в лоно церкви. Отчасти это им удалось. Раймунд VI и его вассалы еще раз клятвенно пообещали во всем повиноваться папе римскому. И папа щедро одарил победоносного Симона де Монфора тем, что по праву принадлежало Раймунду Тулузскому — областями Ажене, Альбигуа, Керси и Руергом.

Потери графа были столь велики, что он с отчаянием думал о возможном нападении крестоносцев на его стольный город. Однако Монфор в этот раз не рискнул отправить крестоносное воинство под мощные стены Тулузы. Он копил силы перед рывком. Теперь, как ни невероятна это представить, его целью стало получить земли и титул графа Тулузского.

К этому времени крестоносное войско усилилось отрядами принца Людовика Французского. Но, как отмечали окружающие, два предводителя французских отрядов друг другу не понравились. Еще больше принцу не понравились южные сеньоры — слишком шумные, слишком свободные в поведении, мало почтительные и недостаточно набожные. Он тоже не произвел на них благоприятного впечатления. Впоследствии королю Людовику VIII, правившему всего

три года, французские хронисты дали прозвище Лев, но испанцы и итальянцы называли его Большим. Полнокровным южным аристократом он казался жалким со своими многочисленными хворями.

Незирая на слабое здоровье принца, он и Монфор осадили Тулузу; впрочем, после двенадцати дней осады Людовик решил, что тратить время и силы на осаду нецелесообразно.

Когда же южане узнали о настоятельных советах, данных принцем предводителям крестоносцев, их презрительная жалость сменилась жгучей ненавистью. А предлагал он ни много ни мало «засыпать городские рвы, дабы жителей лишить всякой возможности защиты; потом все башни, укрепления и стены должны быть срыты до основания и сровнены с землей».

Отъем владений у наследственного правителя следовало укрепить решением церковного собора.

Наскоро собранный собор в Монпелье объявил Монфора владельцем земель, которые принадлежали южным баронам.

В 1214 г. граф де Фуа признал свое поражение и примирился с церковью. Он добровольно передал свой неприступный замок папскому легату, пожаловавшему его Монфору. Затем граф отправился в Рим, чтобы перед папским престолом защищать интересы своего сюзерена Раймунда VI и добиться возвращения отобранных у него на соборе в Монпелье земель. Но его пламенные речи не произвели впечатления на клир; напротив, его самого обвинили в том, что он оскорбил Святые мощи, отказавшись склониться перед ними, а его сестра столь далеко отклонилась от пути благочестия, что приняла *consolamentum*, и граф счел пристойным присутствовать при этой церемонии. Еще более

серьезным было обвинение в умерщвлении католических священников.

Де Фуа не отрицал свою вину, напротив, разгорячившись, заявил, что жалест, что не убил больше.

У графа был свежий цвет лица, и он был очень хорош собой. В страстных красноречивых словах он отстаивал права своего сеньора и свои собственные, клеймя позором образ действий крестоносцев и в особенности присутствующего здесь епископа Фолькета. Он издевался над «этим беглым монахом, этим бывшим жонглером, лживые песни которого пагубны для всякого человека, их повторяющего. Тотчас по своем избрании он зажег в Тулузе такой огонь, что никогда не хватит воды для тушения его. Более пятисот тысяч людей, взрослых и малых, он загубил. Загубил их тело и душу. Клянусь верою, что своими действиями и словами Фолькет более походит на антихриста, чем на римского легата».

Фолькет надменно возражал, но другие прелаты подтвердили слова графа де Фуа о том, что правансальские сеньоры добровольно сдали свои крепкие замки легатам папы, чтобы доказать свою преданность церкви. Они полагались на обещание папы возвратить их земли, как скоро ересь будет побеждена.

Затем де Фуа подошел к папе и сказал: «Вам подсуден весь мир, вы занимаете престол святого Петра и управляете за него; у вас грешники должны находить помощь и заступничество, вы должны охранять мир и справедливость, выслушайте же меня и возвратите мне то, что мне принадлежит». Далее он уверял папу, что никогда не принадлежал к еретикам. Он клеймил Симона де Монфора, который держит в цепях, вешает и истребляет жителей Тулузы и Мотобана. Он еще раз напомнил папе о своем добровольно переданном церкви замке с мощными стенами. «Если мне

не возвратят его таким, каким я его сдал, пропадет в мире всякое доверие к договорам».

Фолькет стремился уличить графа во лжи: «Он любил, призывал и приютил у себя еретиков; все его графство полно ими»; епископ припомнил грехи сестры де Фуа Эсклармонды, Совершенной.

И все же красноречие смелого графа сыграло роль.

Затем слово было дано представителю молодого Транкавеля, сына виконта Безье, погибшего в плену при взятии Каркассона. «Господин папа, — говорил он, — возвратите ограбленному сыну его владение и спасите свою честь. Если вы не отдадите его скоро и в определенный срок, я потребую от вас его наследство в день Страшного суда». «Друг мой, — ответил на это Иннокентий, — справедливость будет соблюдена».

На IV Латеранском соборе в ноябре 1215 г. граф де Фуа получил прощение и выплатил наложенный на него штраф, после чего ему формально было возвращено его владение.

Тем не менее Симон де Монфор, войдя во вкус приобретений, отказался вернуть замок Фуа. Из-за этого в 1216 г. война возобновилась. Против Симона вместе с графом де Фуа выступили оба Раймунда и большинство окситанских баронов. Но получить назад родовое гнездо графу удалось не скоро — только после гибели Монфора в 1218 г.

Де Фуа показал себя настоящим другом Раймунда VI. А ложный друг Фолькет Марсельский не преминул назвать графа плохим садовником, в саду которого выросла дурная трава.

Коварный Иннокентий сделал вид, что обвинения так убедительны и тяжелы, что граф Тулузский, безусловно, заслуживает лишения владений. Но в своей безграничной

доброте он сочувствует заблуждающемуся и особенно его юному, еще не закосневшему в заблуждениях сыну.

Слишком ревностный к делу католической церкви, Петр Сернейский невольно разболтал секрет интриги, задуманной против Раймунда.

Граф Тулузский, признанный виновным, был объявлен лишенным права управлять своим владением и осужден жить в изгнании. Из доходов его земель ему было положено ежегодно выплачивать 400 марок. Приданое его жены, правоверной католички, оставлено за ним. Симону де Монфору предоставлялись все территории, захваченные у еретиков; остальные земли, еще не завоеванные, то есть Бокер, Ним и весь Прованс, условно считались принадлежащими Раймунду Молодому. Условием примирения графа с церковью были неосуществимые вещи — например, отправиться в Святую землю. Когда на соборе их ему предъявили, Раймунд понял, что попал в ловушку. Горькое чувство его прорвалось в слезах, как говорили его враги — слезах злости. Один из папских приближенных в своем бессердечии позволил себе поднять его на смех словами: «Сколько бы ни потекло воды из берегов, она не поднимется до Господа».

Впрочем, папа обещал — и, может быть, не совсем ложно, поскольку чрезмерное усиление Монфора начинало его тревожить, — при их безупречном поведении с течением времени помочь обоим графам, отцу и сыну.

Но времени, как оказалось, у него почти не осталось. В 1216 г. Иннокентий III, находясь в Перудже, сильно простудился, но продолжал заниматься делами. Ему становилось все хуже. Временами он, обливаясь холодным потом, терял сознание. 16 июля понтифик скончался, скорее всего, от пневмонии.

Соратник Инноксигия, Ченчио Савелли, стал его преемником под именем Гонория III. По природе более мягкий и дипломатичный, он, однако, упорно продолжал политическую линию своего предшественника и подтвердил права Монфора на все владения графа Тулузского.

Несмотря на это, когда граф и его сын, обобранные и униженные, вернулись из Рима, «на них посыпались народные благословения и выражения общей радости». Страна в самый трудный час поддержала своих природных правителей. Жители уже не разделялись на католиков и катаров, все они были провансальцы.

Монфору приходилось заново завоевывать то, что он уже привык считать своей собственностью. В борьбу против него вступил смелый и удачливый Раймунде, которому старый граф формально передал свои владения. Теперь сын графа звался Раймунд VII. От этого юнца непобедимый полководец впервые понес поражение под Бокером. Опасаясь повторения досадной неудачи, Монфор двинулся на Тулузу — он узнал, что к городу с войском, усиленным каталонскими отрядами, направляется Раймунд Молодой.

А в Тулузе епископ Фолькет готовил почву для того, чтобы французы могли взять столицу Юга без борьбы. Его рвение и энергия были известны всем. Провансалец по происхождению, он не имел привязанностей в графстве Тулузском и не был склонен к потворству или компромиссам. И наконец, он хорошо знал свет, обладал прекрасным ораторским даром и как признанный поэт продолжал воспламенять публику благочестивыми сирвентами и канцонами, как некогда очаровывал любовными поэмами.

Присхав в 1206 г. в упадочное и, можно сказать, несуществующее епископство, Фолькет добился уплаты десятины и порядка в делах (недаром был из рода купцов). Ему удалось

достичь популярности среди городских католиков. Он «пошел в народ» и уговаривал горожан добровольно подчиниться де Монфору. Еще в 1214 г. Фолькет пригласил в своем тулузском диоцезе святого Доминика. Католики полагали, что именно его «вопли и стенания» помогли совершиться «чуду» при Мюре. Скоро будущий святой стал признанным авторитетом в области ортодоксии. И даже после смерти в 1221 г. «его дело продолжало свою ужасную жизнь».

Теперь по наущению Фолькета жители Тулузы, чтобы спасти город, выдали французам в заложники своих самых благородных граждан.

Несмотря на это, французские войска занимали квартал за кварталом и вырезали горожан целыми семьями. Южане опомнились и бросились в бой. Их гнев и возмущение были так велики, что они теснили преобладающие силы французов, и иногда сама жизнь Монфора висела на волоске. И опять епископ Фолькет сумел уговорить своих прихожан прекратить сопротивление и вступить в переговоры с захватчиками. Но это оказалось очередной ловушкой: пользуясь перемирием, Монфор отдал город на разграбление своим солдатам.

Автор «Песни о крестовом походе» возлагает немалую часть вины на епископа Фолькета. Он якобы убеждал Монфора: «Разорите этих бродяг. Оставьте им лишь глотку, чтобы стонать, и глаза, чтобы плакать». Что двигало бывшим трубадуром: задавленные в сумраке душевных тайников страсти, погашенные желания, фанатизм или банальное сребролюбие, — неизвестно.

Тулуза, прекраснейший из городов Юга, пала. Но уже спешил ей на помощь вернувшийся из Испании «горячий и удалой» граф Раймунд VII вместе с графами Фуа, Комменжа и другими провансальскими рыцарями. Его поддан-

ные радостно встречали наследственного сеньора. Свежие силы южан обрушились на оккупантов, как лавина. Сви-репые арагонцы упорно мстили за своего короля, не признавая никаких законов «правильной» феодальной войны.

Через два с половиной года после того, как он был лишен родового достояния, Тулузы, граф Раймунд вернул ее себе.

НОВЫЙ ВРАГ

Симон де Монфор не смирился с потерей «своей» Тулузы. Он был опытным полководцем и знал, что военное счастье переменчиво. Снова взять город с налету было невозможно, но на то и существовала тактика осад. Действительно, осада Тулузы крестоносцами длилась почти два года. Жители притерпелись жить в осажденном городе; они привычно уворачивались от стрел и бульжников, которыми осыпали их захватчики, и продолжали строить укрепления.

Если бы французский полководец был склонен к рефлексии, он мог бы связать свои неудачи и противостояние с Арно Амори. Это он в бытность свою папским легатом возвысил скромного крестоносца и, можно сказать, дал ему «путевку в жизнь». К этому времени цистерцианец стал архиепископом Нарбоннским и претендовал на единоличную власть в этом городе, который считал своим по праву рождения. Монфор, в свою очередь, требовал Нарбонн по праву завоевания. Взаимное недовольство и неприязнь переросли в вооруженные стычки. Действия Монфора, как всегда, были четкими и решительными и привели к изгнанию Арно Амори. Вынужденный бежать из родных стен, архиепископ предал француза проклятию.

После битвы при Мюре Монфор сумел формально присоединить к своим владениям Тулузу. Это еще больше на-

калило страсти. Однако Тулуза вскоре уплыла из его рук. Можно вообразить, что Монфора посещали мысли о некоей таинственной связи с архиепископом, но история молчит на этот счет.

Теперь сам предводитель крестоносцев стоял под стенами такого желанного, но непокорного города.

«Тулуза была более чем городом — целый мир, символ, центр притяжения провинций, их голова и сердце».

Как это всегда бывает во время длительных осад, во французском лагере возникла напряженность. Прежде всего не хватало денег, этой движущей силы любой войны. В отсутствие скорой победы некоторые французские бароны стали выражать сомнения в правомерности притязаний Монфора на тулузское графство. Да, покойный папа на Латеранском соборе пожаловал владения графа Тулузского Монфору, но не как ленному властителю, а лишь как хранителю, поскольку не мог даровать то, чем сам не владел: верховным сюзереном Южного края являлся король Франции.

Эти обстоятельства выводили из себя 70-летнего военачальника. Чтобы все встало на свои места, требовался решительный штурм и взятие непокорного города.

24 июня 1218 г. начался последний бой.

Все мужчины, от подростков до глубоких стариков, высыпали из-за городских стен навстречу французам. Завязалась всеобщая резня.

Женщины Тулузы, молодые и старые, под предводительством дамы Роэкс воевали наряду с мужчинами или на укреплениях чинили оружие, подносили стрелы и камни, ухаживали за ранеными и расстреливали врагов из камнететов. Дама Роэкс происходила из знатной катарской семьи; ее родные оставили значительный след в альбигойской истории. Она носила кирасу и меч и участвовала в вы-

лазках. Тулузские женщины, растрепанные и свирепые, как волчицы, оказались огромной силой.

Как свидетельствуют хроники, Монфор в это время стоял у мессы. Может быть, он почувствовал смертную тоску и впервые в жизни оттягивал минуту встречи с врагом. Он медлил так долго, что за ним вынуждены были послать нарочного.

Наконец, он встал во главе войска, и тулузцы отхлынули. Монфор смотрел на величественную, мощную и такую вожделенную Тулузу — его собственный «Грааль». Еще немного усилий, и она падет перед ним; еще совсем немного.

В это время стрела поразила в левый бок младшего брата де Монфора, Ги. Когда полководец склонился над раненым, женщины на стенах Тулузы навели на них пращу камнемета и выстрелили. Каменное ядро попало Монфору в голову; он был убит наповал. «Глаза, мозг выскочили, а череп, лоб и челюсть разбились в куски; граф упал на землю мертвый, окровавленный и почерневший, — сообщает анонимный автор и с удовлетворением комментирует: — Граф был нечестивец и убийца, потому и умер без покаяния, пораженный камнем». Два молодых рыцаря подбежали к нему и накрыли плащом безжизненное тело своего сеньора. Затем его положили на носилки и отнесли в церковь. Впоследствии погубителя Юга торжественно похоронили в Каркассоне в соборе Сен-Назар.

Одержимый неотступным желанием воцариться в Тулузе, этот средневековый *selfmademan* погиб под ее разрушенными стенами. Его, как и Пирра, поразила женская рука. Скорбь католиков по всей Европе была огромна, когда распространилась весть, что «знаменитый воин Христа», «новый Маккавей», исполненный веры, пал как мученик.

Гибель Симона де Монфора лишила крестоносное войско вождя, который вел их от победы к победе, и, казалось, военной удачи. К весне 1219 г. граф Тулузский возвратил большую часть своих родовых сеньорий и с воодушевлением готовился к новой борьбе. Ему деятельно помогал Раймунд Младший. Сын французского полководца, Амори де Монфор, которого папа Гонорий назначил командующим Крестовым походом после гибели отца, не имел ни его дарований, ни авторитета и не смог удержать графство Тулузское. В 1224 г. он передал все права на эти земли Людовика VIII.

Поэтому теперь Югу угрожал куда более опасный враг — французский король.

Филипп Август остался в истории как великий собиратель французских земель. Его заслуги перед Францией на поприще государственного строительства трудно переоценить. При этом он был крайне рационален и совершенно лишен сантиментов. Еще подростком он нетерпеливо ждал смерти отца, который короновал его при своей жизни. Он был жесток с первой супругой Изабеллой д'Эно, он враждовал с матерью, королевой Аделью Шампанской. Внезапно вспыхнула страстная любовь к Ричарду Львиное Сердце, но тут же сменилась жгучей ненавистью. Прекрасную датскую принцессу Ингеборгу он отверг на второй день после свадьбы. «Единственное существо, которое он любил», его незаконная жена Агнесса Меранская, рано умерла, и Филипп Август полностью отдался своей самой сильной страсти — политике. К сыну от немилой Изабеллы, который родился слабым и болезненным, король тоже не испытывал нежных чувств, но вынужден был считаться с ним как с единственным продолжателем династии. Это не мешало Филиппу зло посмеиваться над принцем, назы-

вать его в благодушном настроении неженкой, а в раздражении — калекой. Он не мог смириться с необходимостью оставить государство такому инвалиду и долго отказывался посвятить сына в рыцари, что вызывало у окружающих законное недоумение.

Приближенные и родные во всем подражали королю, и Луи чувствовал себя очень неудобно до тех пор, пока отец не женил его на испанской принцессе Бланке. Одиноким ребенком пылко привязался к юной жене, своей ровеснице. Внучка знаменитой Алиеноры Аквитанской, дочь победоносного Альфонсо VIII Кастильского, она, по-видимому, и умом, и силой характера превосходила супруга. Бланка стала для Луи не только единственной любовью, но верной подругой и мудрой советчицей. Она утешала его, когда он был огорчен или обижен, что бывало нередко; просиживала у его постели, когда он недомогал, что тоже случалось часто; всегда вселяла уверенность в своих силах и вдохновляла на поступки, достойные сына Франции.

Как внучка Генриха II Английского, Бланка имела право на престол островного королевства и передала его мужу. После того как бароны лишили Иоанна Безземельного короны, часть аристократов призвала Людовика Французского. Ему пришлось доказывать свои права с оружием в руках, и он проявил не только способности военачальника, но и жестокость, унаследованную от отца. Английская авантюра не удалась не по его вине, но принц получил хорошего отступного и укрепил свой престиж. Позже он неплохо проявил себя при Бувине и вместе с Монфором участвовал в покорении Окситании. Однако в то время Филипп Август почитал, что время присоединения графства Тулузского еще не наступило.

Луи, как и Бланка, был ревностным верующим. Супруги не раз с негодованием и отвращением обсуждали мерзкую ересь, поразившую благодатные южные края. Ее следовало искоренить, выжечь каленым железом. К Крестовому походу против еретиков Юга призывал и папа Гонорий.

В 1219 г. с огромной армией французский принц двинулся на Лангедок и, соединившись с Амори де Монфором, взял город Марманд. Он хладнокровно позволил своим войскам устроить резню, «какой не видел свет», и уничтожить большую часть населения. Он не считал жителей людьми, а только еретиками. При этом невозмутивыми свидетелями кровавой расправы с мирными горожанами, если не ее участниками, являлись «Христовы воины», тамплиеры.

Но главной целью была Тулуза. Столица Юга оцетинилась башнями, частоколами и баррикадами и приготовилась защищаться любой ценой. Множество окситанских рыцарей собрались вокруг Раймунда VII, готовые сопротивляться произволу французов. Судьба на этот раз спасла город: сильные вассалы французской короны графы Бретонский и Сен-Поль покинули войско после истечения сорокадневного срока обязательной службы. 1 августа, скрывая досаду, снялся с лагеря и Луи Французский.

С этого времени Раймунд Тулузский, графы Фуа и Комменжа медленно, но верно в который раз принялись восстанавливать фамильные владения.

Теперь на передний план борьбы выдвигался Раймунд Молодой.

Раймунд VII родился в 1197 г. в Бокере и еще во младенчестве потерял мать, Жанну Английскую. Но многочисленные родственники и приближенные графа ласкали и баловали красивого умного ребенка, единственного наследника своего сеньора, и он не чувствовал себя обделен-

ным любовью. Новая жена отца Леонора Арагонская своих детей не имела и души не чаяла в мальчике. Он часто гостил у родственников в Испании и в Англии, близко знался со сверстниками из королевских домов Европы. Образование Раймунд получил достойное будущего правителя Тулузы, воспитание — самое отменное. Его привлекательная внешность, обаяние и веселый нрав притягивали к нему все сердца.

Ему едва исполнилось десять лет, когда произошло убийство легата Пьера де Кастельно, и в Окситании вспыхнула война. С тех пор он постоянно находился на острие большой политики, даже когда отец, дорожа любимым сыном, отправлял его за границу, подальше от убийств и крови. Для подданных он олицетворял преемственность национальной Сен-Жильской династии.

В 1211 г. Раймунда женили на донне Санче Арагонской (ок. 1186—1242), сестре его молодой мачехи. В 1220 г. супруга подарила ему дочь Жанну.

Раймунд VII проявил себя как веротерпимый правитель, дальновидный и рассудительный политик. Он возродил тулузскую экономику и завоевал расположение буржуа, которым пожаловал новые льготы. Молодой граф не выказывал мстительности к южанам, в свое время перешедшим на сторону французов, и даровал им амнистию.

За время войн количество катаров сильно сократилось. Многие нашли смерть на кострах, которые так охотно зажигали крестоносцы; другие погибли во время военных действий и осад. Южные сеньоры либо поклялись в своей верности католической церкви, либо удалились в неприступные горы. Катарские священники укрылись в надежных местах, Совершенные сменили простые черные одежды на светское платье.

Казалось, исчезла сама причина войны. Но крестоносцам было удобнее считать еретической всю страну, не разделяя население на еретиков и католиков.

11 февраля 1218 г. святой Доминик основал, а папа Гонорий признал новый монашеский орден доминиканцев, состоящий из жестоких фанатиков. Он заботливо опекался Фолькетом Марсельским, и именно на его долю выпало истребление южной ереси.

Церковь сочла необходимым дать Окситании господина, чья вера не вызывала бы никаких сомнений. В своей грамоте от 14 мая 1222 г. Гонорий обратился к Филиппу Августу с призывом присоединить к французским владениям все земли, которые завоевал Симон де Монфор, «дабы никто не отнял эти земли у тебя и детей твоих».

Раймунд VI уже не увидел последствий очередного вероломства Рима. Он умер на 67-м году жизни без предшествующих болезней, внезапно. Единственное, что угнетало его душу, — церковное отлучение, под которым он находился уже десять лет.

Аббат Монлезин в своей «Истории Гаскони» рассказывает о посмертной судьбе одного из самых могущественных правителей Юга. «Если верить новым авторам “Христианской Галлии”, архиепископ Оша и епископы Пюи и Лодева произнесли над трупом Раймунда VI оправдательное решение, которое открывало ему двери храма. Но факты противоречат этой версии. Тело никогда не было похоронено, и до 1793 г. в церкви мальтийских рыцарей (госпитальеров) можно было видеть открытую гробницу, в которой покоился черный и пыльный скелет; это были останки Раймунда VI. Позже революция завершила то, что начала религиозная нетерпимость. Под вопли толпы скелет вытащили из гробницы, и прах его был развеян по ветру».

При недостатке достоверных подробностей о многих действительно имевших место событиях не кажется странным и почти полное отсутствие сведений о личных отношениях между главными героями альбигойской трагедии — обоими Раймундами, отцом и сыном. Несомненно, Раймунд VI дорожил сыном как единственным наследником графства, гордился, что тот Плантагенет по матери. Но и чисто по-человечески он испытывал нежность к славному малышу, так рано лишившемуся материнской заботы.

Как только возникала малейшая опасность, граф немедленно отсылал мальчика то ко двору его старшей сестры в Наварру, то к дяде в Англию, где всегда были рады пригостить и приветливому родственнику. Зато как радовались два Раймунда новой встрече! Уже в 14 лет отважный Раймунд бок о бок с отцом воевал против крестоносцев, вместе с ним принужден был эмигрировать и с нетерпением ждал возвращения на родину. Видимо, отец и сын были преданы друг другу и очень близки. Судьба уберегла Раймунда VI от печали правителей — горького осознания, что наследник ждет и торопит кончину предшественника. Безусловная преданность сына позволила сделать его соправителем, не опасаясь предательства и властных притязаний.

Можно ли сомневаться, что граф Раймунд посвятил юного Раймунда в то, о чем мальчик и так уже догадывался: как верховные сеньоры своей страны графы призваны заботиться о безопасности сакрального сокровища, посланного им провидением, — Священного Грааля.

Рано вступив на политическую арену, Раймунд VII обнаружил властный и смелый характер, явное стремление к действиям и борьбе, соединенные с некоторой изворотливостью. Однако он никогда не посягал на авторитет и прерогативы отца. Это в корне отличало Раймунда от его

английских дядей, своими притязаниями вогнавших в гроб деда молодого графа, Генриха II Плантагенета. И после скоропостижной кончины Раймунда VI — возможно, обязанного мгновенной смертью без болезней и мук верной службе Граалю, — Раймунд VII, не жалея сил и средств, старался добиться разрешения похоронить отца по-христиански.

Почти все отпущенное ему время правления он по мере сил защищал своих подданных. Его близость с домом де Фуа, с Роже Мирпуа, Ниорами, Гильбертом де Кастром, Бернаром Мартеном и другими Совершенными говорит о том, что он постоянно находился в гуще насущных проблем Хранителей Грааля. Он чрезвычайно близко к сердцу принимал интересы своих подданных-катаров, а в дальнейшем, во время осады Монсегюра, оказывал его защитникам помощь и словом, и делом, и золотом.

Почти одновременно с Раймундом VI ушел из жизни его друг и соратник Раймон-Роже, граф де Фуа. Он умер 27 марта 1223 г. во время осады крепости Мирпуа, передав единственному сыну Роже-Бернару (Великому) родовую ненависть к северным завоевателям.

Теперь защитниками прав и свобод Лангедока выступало молодое поколение.

Сначала все складывалось для южан не слишком скверно. Возник проект брака между Раймундом VII и одной из дочерей Монфора, хотя оба дома разделяли потоки крови. Но церковь не одобрила этот альянс и не дала Раймунду развод с Санчей Арагонской.

Старый король Филипп Август тяжело болел, его жизненный путь подходил к концу. Но он здраво мыслил и выказывал опасения, что его сына вовлекут в войну с Югом, хотя тот и «слаб здоровьем и хилого сложения, не вынесет этой войны и скоро умрет». Кончина короля 14 июля 1223 г.

в возрасте 57 лет знаменовала переход к новой государственной политике.

Людовик VIII вступил на престол первым из французских королей по праву наследования, а не как выборный монарх. Его жизнь являлась постоянной борьбой с многочисленными хворями, в чем ему самоотверженно помогала супруга. Новый король уже состоялся как отец одиннадцати принцев, что в представлении средневекового человека свидетельствовало о немалой мужественности. Он проявил полководческие способности в английской и окситанской кампаниях — это всячески подчеркивалось государственной пропагандой. Силой стремления к захвату новых земель Людовик VIII не уступал отцу. Королева Бланка не только разделяла его склонности, но и вдохновляла мужа на новые военные подвиги. Как многие болезненные и слабые люди, Людовик стремился упрочить репутацию великого стратега.

В 1226 г. он начал войну против тулузского графства.

Еще до этого, в 1225 г., на соборе в Бурже легат папы кардинал от Сант-Анджело Ромен в очередной раз отлучил Раймунда VII от церкви, несмотря на то что тот торжественно поклялся бороться с еретиками.

Жизнь под постоянным напряжением от давления Франции и Рима утомила южан и изменила их характер. Когда французская армия двинулась на юг, все вассалы графа Тулузского и все его города сулили ему свою верность и помощь, обещали стоять насмерть. Время показало, насколько можно доверять их обещаниям.

Южный поход для французов сначала был подобен триумфальному шествию: погода радовала, множество городов, баронов и особенно епископов спешили принести королю выражение покорности. Лишь Авиньон изрядно ис-

портил торжество победителей. Его население упорно не желало сдаться и пропустить короля через Рону на Тулузу. Осада непокорного города затянулась. В лагере короля начался голод, а камни с авиньонских стен косили французов хуже голода. Стояла летняя жара. Мертвые люди и павшие лошади лежали в огромной общей куче, распространяя ужасное зловоние. Над ними висели огромные тучи черных мух.

Чтобы поднять дух армии, король повел войско на приступ. Авиньон, укрепленный башнями, окруженный глубокими рвами и обнесенный толстой каменной стеной, с сухопутной стороны был неприступен. Французы навели мост через реку и двинулись по нему на приступ. Мост не выдержал и рухнул. Три тысячи французских кавалеристов оказались в воде; многие утонули. В стане осаждавших воцарилось уныние.

Одним из самых могущественных вассалов короля считался его родич граф Шампани Тибо IV. Тем неожиданнее оказался отказ этого сеньора продолжать осаду Авиньона и отъезд домой. Он имел на это формальное право, поскольку после сорока дней согласно законам Франции истек срок службы его дружины. Феодальный закон строго ограничивал срок службы вассала сеньору. Ни король, ни папа не могли изменить этот обычай. Многие приверженцы короля осудили графа Тибо за это, но иные бароны последовали его примеру.

Зато тамплиеры сражались против непокорного города в первых рядах осаждавших. Отправляясь из-за нездоровья во Францию, Людовик VIII передал всю полноту власти рыцарю-храмовнику Эврару.

12 сентября 1226 г. Авиньон вынужден был сдаться. Тамплиер Эврар принял капитуляцию.

Король, чувствуя привычное недомогание, следовал в Париж. Наместником завоеванных территорий он оставил надежного Юмбера де Боже. Но в пути Людовика свалил приступ дизентерии, которую он подхватил еще во время осады Авиньона. Ему становилось все хуже; чувствуя приближение смерти, король призвал сопровождающих его прелатов и сеньоров и заставил их обещать, что сразу же после его кончины они принесут оммаж его старшему сыну и коронуют его. Король издал указ, в котором обратился ко всем своим подданным с призывом принести клятву верности принцу Луи. Он потребовал, чтобы сын оставался под опекой Бланки Кастильской вплоть до своего совершеннолетия, наступавшего по обычаям того времени в 21 год.

Людовик VIII скончался в ночь с субботы на воскресенье 8 ноября 1226 г. Ему еще не исполнилось 40 лет.

С этого времени исконным окситанским свободам противостояла женщина, испанка, королева-регентша Бланка Кастильская.

ДИПЛОМАТИЯ БЛАНКИ КАСТИЛЬСКОЙ

В Окситании не было предела ликованию по поводу кончины Людовика VIII. Ханжество и жестокость короля восстановили против него свободолюбивое население Юга. Горожане Тулузы потешались над чрезмерным благочестием Людовика, помешавшего ему для выздоровления переспать с девственницей — это средство считалось проверенным лекарством от любой болезни.

Раймунд VII понемногу отвоевывал свои земли, захваченные грозным королем. Он рассчитывал, что теперь-то его страна получит облегчение: королева Бланка приходи-

лась ему кузиной, их матери, Жанна и Элеонора Плантагенет, были родными сестрами.

Передышка требовалась всему Югу; край был истощен жестокой и непрерывной двадцатилетней войной.

Урегулирования требовали и семейные дела графа. Его женили на арагонской принцессе Санче, старше его на одиннадцать лет, которая за все годы супружества подарила ему всего одного ребенка — дочь Жанну. Отсутствие наследника мужского пола являлось почти катастрофой для любого правящего дома. Раймунд предпринял попытку развода, чтобы жениться вновь, но церковь решительно этому воспротивилась. Прелаты обвинили графа в намерении лишить наследства принцессу Жанну. Неизвестно, как относилась к перспективе развода сама Санча, но никаких упоминаний о ее возражениях в источниках не встречается. Две арагонские принцессы, сестры Санча и Леонора, жена и мачеха графа, до 1226 г. жили в Тулузе в Нарбоннском замке и, может быть, намеревались вместе удалиться от мира. Такой исход считался достойным завершением жизни для супруги правителя.

Жанна Тулузская была крупным козырем в руках графа Раймунда. Он обещал ее в жены сыну могущественного графа Гуго де ла Марша, правителя Пуату. Объединившись, сеньоры Юго-Запада могли успешно противостоять французской короне.

Тем временем на Севере Бланка Кастильская сражалась за права любимого сына Людовика IX. Высшая знать Франции сплотилась против регентши-иностранки. Бароны столь ревностно воспротивились женскому правлению, что, казалось, совсем забыли времена Филиппа Августа и Людовика VIII. Графы Бретонский и Маршский с надменностью высокородных аристократов потребовали у регент-

ши земли и замки в обмен на лояльность. Ее просчитанный отказ вызвал феодальную войну. Но монархия была уже сильна, а Бланка оказалась исключительно талантливой правительницей. Мятежники потерпели поражение. Графы должны были согласиться возвратить короне все земли, полученные в прошлое царствование, и отдать королеве на воспитание своих дочерей — им предстояло стать женами младших принцев. Заполучив девочек, Бланка надеялась на покорность их отцов. Гуго де ла Маршу было приказано вернуть Жанну Тулузскую родителям — в жены его сыну предназначалась дочь королевы.

Лишь в Тулузе господство Франции установилось не окончательно, несмотря на то что кардинал-легат Ромен следил, чтобы пятилетняя десятина, установленная Людовиком VIII в 1226 г., исправно выплачивалась, а Юмбер де Боже, королевский наместник, теснил южан силой оружия. Он осадил Тулузу, и на помощь извне горожанам уже нельзя было надеяться. По всей Окситании французы методично разрушали поселения, вырубали плодовые деревья, выкорчевывали виноградники. Скоро вся живописная местность, возделанная трудом и искусством долгих лет, превратилась в голую степь, покрытую руинами. Земли графа де Фуа тоже подверглись опустошению. Бесчинства продолжались и летом 1227 г. Королевские отряды располагались на богатой тулузской равнине и систематически опустошали ее, не вступая в сражения. Сжигали урожай, резали скот.

Гийом Пюилоран, близкий к епископу Фульку, приписывает тому следующие слова: «Так, избегая, мы чудесным образом побеждаем наших врагов». Он говорит о французском войске, которое только и делало, что беспощадно грабило край и уклонялось от решительных боев.

Раймунд, всегда отличавшийся поразительным оптимизмом и жизнелюбием, сейчас ощущал отчаяние и бессилие. Повсюду повалены леса, сожжены фермы. Его искалеченная земля не могла более сопротивляться, подданные гибли как от французского оружия, так и от голода. Государю и столице приходилось покориться.

Верно выбрав момент, Ромен Сент-Андж передал Раймунду приглашение на мирные переговоры. Предварительные условия мира привели графа в ужас. Его приближенные и оставшиеся верными вассалы сначала тоже со страстью, свойственной южанам, отвергли эти неприемлемые требования. Однако затем, поразмыслив, они репили, что французы запрашивают побольше, чтобы получить хоть что-нибудь. Но, рассуждая подобным образом, они не учитывали жесткость хватки церкви и ее любимой дочери Бланки Кастильской.

Доверчивый граф объявил, что в целом полагается на третейский суд графа Тибо Шампанского. Последний приходился родственником и регентше, и Раймунду VII. Крупный вассал, скорее непокорный, он уже в силу этого был способен, как представлялось графу, стать беспристрастным гарантом справедливости.

Юридическое оформление отказа сильного феодалного сеньора от прав на свои владения было обставлено как нельзя более торжественно. Множество прелатов, французских и иностранных, а также титулованной знати было созвано на эту невиданную церемонию. Единственным человеком, который если не сочувствовал графу, то, по крайней мере, не злорадствовал, был Тибо Шампанский, предоставивший для церемониала свой город Мо.

По договору в Мо от 12 апреля 1229 г. (иначе называемому Парижским договором) Раймунд VII вынужден был

отказаться в пользу французского короля от большей части своих владений: земель Транкавелей и Прованского маркизага. Ему оставили только западную часть — Ажене, Руэрг, часть Альби и часть Керси. Раймунду было предписано скрыть стены Тулузы и еще тридцати своих городов, а также отдать на десять лет во власть короля свой тулузский замок. Он должен был публично отречься от ереси, преследовать еретиков и тех сеньоров, которые им покровительствуют. «Бывший граф» обязан был выплатить крупные денежные суммы многим аббатствам, пострадавшим в ходе военных действий. Кроме того, он должен был финансировать создание в Тулузском университете кафедр, на которых богословы, профессора церковного права, философии и грамматики учили бы чистой католической вере. Наконец, ему вменялось в обязанность ввести в своих владениях инквизицию, примириться с церковью и на пять лет отправиться воевать в Палестину.

Но самое страшное заключалось не в этих требованиях. Графа принудили заявить: «Король, снисходя к нашему унижению и надеясь, что мы будем верны Церкви и ему, и, соизволяя оказать нам милость, отдаст нашу дочь, которую мы передаем на его волю, в супружество одному из братьев своих, по назначению Церкви». Лишение Раймунда единственной дочери было обставлено не только унижительно, но ханжески, фарисейски. Отбирая у него дочь, ему «оказывали милость». Жанна объявлялась наследницей всех фамильных земель Сен-Жильского дома, испокон веков процветавших под властью любимых народом правителей. Договор был составлен таким образом, что ничего не изменилось бы, даже вступи Раймунд в новый брак: его законные сыновья от второй жены лишались права наследовать отцу. «После моей смерти, — якобы добровольно объявлял

граф, — Тулуза и ее диоцез станут принадлежать брату короля, который женится на моей дочери, и их детям, а ежели таковых от этого брака не будет или моя дочь умрет бездетной, они отойдут королю и его наследникам, а не прочим моим детям; то есть только у детей брата короля и моей дочери будет на них право».

И только если бы Жанна умерла раньше Раймунда, он мог снова считаться владельцем фамильного достояния. Последняя уступка происходила не от доброты сердца королевы Бланки: право наследования считалось священным, на нем основывалась вся средневековая юстиция.

Моральное уничтожение графа Тулузского на этом отнюдь не закончилось. С него торжественно сняли обувь, доспехи и раздели до белья. Затем легат накинул ему на шею веревку и повел, как овцу, в храм, стегая пучком розог. Зрители могли наблюдать унижение графа, поскольку храм был открыт. Они видели, как он распростерся на полу перед большим распятым, и тогда легат снял с него отлучение.

Церемония почти буквально повторяла покаяние отца Раймунда VII в июне 1209 г.

Несмотря на то что Раймунд VII претерпел уготованное ему унижение и подписал этот грабительский и во всех отношениях ужасный для графства договор, его поместили в одну из башен Лувра то ли как почетного гостя, то ли как важного пленника. Во всяком случае, покинуть Париж он не мог.

Раймунд прошел весь крестный путь от неистового гнева до болевого шока, от озлобления до отчаяния, от безнадежности до решимости. Его душила бессильная ярость, но он знал, что делать. Ему было только 32 года, и он мог снова жениться и иметь детей. Договор договором, а право сына наследовать отцу не могла отменить даже

могущественная Бланка. Статьи, навязанные ему, были столь недопустимыми с общеправовой точки зрения, что было бы трудно настаивать на их соблюдении в случае появления у графа Тулузского законного наследника мужского пола.

Лишенный армии, денег, владений и будущего, Раймунд надеялся вернуть все это себе удачным брачным союзом. Надо было только соблюсти все необходимые формальности, чтобы не возникло сомнений в законности происхождения будущего наследника.

Между тем не все бароны Северной Франции были довольны договором в Мо, полагая, что графу была оставлена возможность восстановить власть почти над всеми своими землями и вассалами. Ведь города и замки он отдавал королю не навсегда, а только на десять лет; доходы от этих земель оставались за Раймундом. Ввод в страну небольшого отряда французов не означал потери независимости: оккупанты не вмешивались в дела управления и не диктовали графству внутреннюю политику. Заставить Раймунда отправиться в Святую землю было непросто — он мог сослаться на то, что разорен.

Таким образом, несмотря на грабительские условия этого позорного договора, граф получил небольшую передышку для восстановления сил, решения наболевших внутренних проблем и накопления энергии для новой борьбы.

Через год после унижения в Мо Раймунд расстался с женой Санчей, отослав ее от себя, и с новой энергией принялся добиваться развода. Папы Гонорий и Григорий IX упорно отказывались удовлетворить его униженную просьбу, хотя супруга графа за двадцать лет не смогла родить ни одного ребенка. Бесплодие женщины считалось уважительным поводом для расторжения брака, но не в случае Раймунда. Никто не сомневался, что Рим в этом вопросе идет на по-

воду у Парижа: королева Бланка категорически не желала новой женитьбы графа.

Проблема матримониального союза была первоочередной, но не единственной. Раймунд на своих землях вынужден был разместить инквизиционные трибуналы для уничтожения еретиков — собственных подданных, всегда державших его сторону и своим трудом создававших богатство страны.

Поначалу было трудно представить, в какой ужасный механизм уничтожения душ и жизней вырастет эта организация. Церковь умела облекать свои жестокие планы в плащ благородных намерений и прекрасных слов.

Иннокентий III в конце предшествующего столетия, не доверяя рвению южных епископов, возложил заботу о борьбе с еретиками на цистерцианцев. Можно сказать, что Арно Амори стал первым инквизитором на юге Франции. Ордена доминиканцев тогда еще не существовало. Но едва он оформился, как папа в связи с подавлением ереси тут же вспомнил о нем. Это следует из письма Гонория III от января 1221 г. Григорий IX пошел еще дальше в своем циркуляре от апреля 1233 г. приорам и доминиканцам, в котором известил южнофранцузских епископов о решении послать специальных комиссионеров — инквизиторов — в области, зараженные ересью альбигойцев. Этот циркуляр с полным основанием можно рассматривать как акт, узаконивающий рождение инквизиции в том виде, в каком она долго существовала в Южной Франции и других странах.

Инквизиция означала расследование, розыск, суд и наказание еретиков. Последняя функция, наказание, вызывала определенные сомнения в клерикальных кругах. Ведь церковь позиционировала себя как учреждение благодетель-

ное и милосердное; все карательные функции она с негодованием отметала. Поэтому на соборах в Тулузе в 1119 г. и Реймсе в 1149 г. прелаты настаивали, чтобы наказание в деле искоренения ереси осуществляла светская власть. Иннокентий III в своих письмах правителям обосновывал мысль об оказании помощи епископам, доказывая, что ересь есть измена по отношению к Богу и, подобно измене государю, она должна караться смертью.

В основном инквизиторами выступали доминиканцы, «умеющие хорошо убеждать отпавших от церкви». Впоследствии их ряды пополнили францисканцы. Наиболее распространенным наказанием было примирение с церковью, сопровождающееся конфискацией имущества, поражением в правах признанного виновным и его ближайших потомков и заключение в узилище. Упорствующие присуждались к сожжению. Подозреваемых в ереси карали, даже не доказав их заблуждений. Обвиняемым в сношениях с нечистой силой выбивали зубы и сбрасывали все волосы на теле. Борцы с ересью считали, что невнятно произнесенные молитвы не дойдут до сатаны, а сбрав волосы, можно лишить колдунов заключенной в них магической силы. Смерть не спасала от мести ревнителей истинной веры: труны умерших своей смертью еретиков выкапывали и сжигали.

Жаловаться на решение суда инквизиции было невозможно, даже папский легат не имел права вмешиваться в ее дела.

Когда инквизиция начинала террористическую деятельность, поиск еретиков не представлял большого труда, так как катары, вальденсы и прочие сомневающиеся не только не скрывали своих взглядов, но открыто выступали против официальной церкви. Но после массовых казней альбигойцев, а также кровавых расправ над последователями ере-

тических учений на севере Франции, в Италии и на землях Священной Римской империи инакомыслящие были вынуждены скрывать подлинные убеждения и публично соблюдать католические обряды. Инквизиция, однако, умела обнаружить врагов церкви под личиной правоверных, а иногда даже ревностных католиков. Со временем инквизиторы приобрели сыскные навыки и сноровку по выявлению врагов святой католической церкви, изучили повадки и способы, с помощью которых те скрывали свои преступные замыслы и разработали настоящие алгоритмы для привлечения к ответственности как горожанина, так и знатного сеньора.

Самый простой способ — это публичное обращение к пастве с предложением сообщить инквизиторам все, что кому-либо известно о еретиках. Достаточным основанием для выдвижения обвинения был донос одного лица на другое в принадлежности к ереси, в сочувствии или помощи еретикам. Тогда обвиненного бросали в камеру. Темницы инквизиции были ужасны. Подозреваемый содержался в абсолютной тайне, в каморках, часто совершенно лишенных света. Такая церковная тюрьма называлась «застенок», а заключенных в нее звали «замурованные». Это породило страшные легенды, но они не слишком отличались от действительности. К тем, кто не желал оказать помощь следствию, или упорствующим в заблуждениях применялись изощренные пытки. Разумеется, пытка была официально допущенным средством добиться признаний. Истязания фиксировались писцом. Если обвиняемый впоследствии пытался изменить показания, его считали еретиком, поскольку признание рассматривалось как начало искупления. Пойти на попятную в признании означало снова впасть в грех. Конечно, инквизитор был властен осудить даже тех, кто не сознавался, просто на основании секретных доно-

сов. Тем не менее, как правило, старались добиться признания обвиняемого.

ХОТЕЛИ ВЫВЕДАТЬ ПРО ГРААЛЬ

Но пока у власти, хотя и сильно урезанной, находился граф и другие «природные» сеньоры, инквизиторы не могли развернуться в полную силу.

В 1235 г. Раймунд попытался укрепить свою власть, изгнав из Тулузы инквизиторов-доминиканцев, но они скрылись в Каркассоне, занятом французским гарнизоном, отлучили графа от церкви, а на город наложили интердикт. Эта попытка имела только тот результат, что вернувшиеся в Тулузу инквизиторы были усилены вооруженными отрядами французов.

Большинство вассалов графа Тулузского и графа де Фуа, лишившись феодалов или замков, отнятых у них крестоносцами, — в Каюзаке, Муассаке, Безье, Каркассоне, Лаворе и других местах, — мечтали вернуть их себе. Наиболее пламенно этого желал Раймон-Роже Транкавель II, сын замученного Монфором виконта Безье. Он жил в Испании у родни и готовил месть за гибель отца. Транкавель увлек за собой других окситанских сеньоров, также лишившихся своих владений, таких как Оливье де Терм, у которого крестоносцы отобрали Корбьер, Журдена де Сессака, и многих других. Транкавель, повсюду встречаемый как освободитель, со своей небольшой армией за какие-то три месяца сделался хозяином всего Каркассона.

7 сентября 1240 г. он вместе с другими знатными изгнанниками подошел к Каркассону, ударил по французским гарнизонам в своих родовых землях и «в первое время натиска и смятения получил, что хотел».

Опасный мятеж Транкавеля показал Бланке Кастильской, как обманчиво спокойствие Юга. В этой выдающейся правительнице определенно было нечто иезуитское. Она приказала Раймунду VII освободить «земли короля» от наглого «захватчика». Граф, немало сделавший для подготовки мятежа двоюродного брата, сумел отговориться необходимостью сначала собрать совет в Тулузе.

Тем временем восставшие зарезали более тридцати клириков и убили несколько десятков французских солдат. Они заперлись в предместье Каркассона (Бурге) и приготовились выдержать любую осаду. Но четкие и своевременные действия Бланки, пославшей французам подкрепление, лишили их всякой надежды на успех. Транкавель поджег предместье и отступил в Монреаль. Туда через некоторое время в качестве парламентаров прибыли графы Тулузский и Фуа. Раймунд VII согласился быть посредником и добился для своего каркассонского родственника достойных условий соглашения. Близилась зима; осажденным ничего не оставалось, как принять выгодные условия капитуляции. Они покинули город вместе с обитателями, выехав из замка с достоинством — верхом, в доспехах и с обозом. Что касается мятежных города и предместий, они были сурово наказаны, в особенности Бург, выжженный дотла; Монреаль, как и Лиму, был отдан на разграбление и разорен.

Мятеж Транкавеля не кончился удачей, но еще более насторожил правительство, показав, насколько непопулярны французы на Юге. Бланка Кастильская вновь обратилась к папе с просьбой не давать развод графу Тулузскому, несмотря на его многочисленные просьбы.

Дожив до 40 лет, Раймунд VII все еще не имел сына, которому мог бы передать свои владения. Он считался жена-

тым человеком, и трудно было надеяться, что какой-нибудь владетельный дом отдаст ему свою принцессу.

Между тем феодальные войны как способ новых территориальных приобретений продолжали оставаться весьма популярными. Граф стремился снова отвоевать маркизат Прованский и графство Форкалькье у графа Рамона-Беренгера V, который, являясь вассалом Фридриха II, вызвал недовольство императора. Тот конфисковал все имперские феодалы, которыми тот владел, и передал их Раймунду VII.

Граф Прованский выдал старших дочек за королей Франции и Англии, но у него оставались две незамужние дочери. Опасаясь грозного соседа из Тулузы, он подумывал решить проблему полюбовно, путем брака. Старшая дочь, Санча, которой исполнилось 13 лет, самая красивая из принцесс, пошедшая внешностью в мать, Беатрису Савойскую, была уже помолвлена с наследником соседнего владения. Но помолвку расторгли, и девочку как залог урегулирования территориальных споров обещали 43-летнему Раймунду VII. Эта перспектива не могла обрадовать Санчу, которой предстояло стать женой человека старше ее на три десятка лет, который последние годы терроризировал ее отца.

В замок, где жила семья Рамона-Беренгера, по пути из Парижа в Палестину прибыл знатный крестоносец, брат английского короля Ричард Корнуольский. Он недавно овдовел и был сильно удручен кончиной любимой жены. Однако молодость и красота Санчи произвели на него сильное впечатление. Впрочем, оно несколько стерлось его приключениями в Святой земле.

Тем временем дело об освобождении Раймунда от уз брака сдвинулось с мертвой точки. Только что избранный папа Целестин IV решил формально узаконить то положение, которое существовало фактически, и развести его

с Санчей Арагонской. Просьбы графов Прованского и Тулузского о разводе последнего, несомненно подкрепленные золотом, были приняты им благосклонно. К несчастью, он умер спустя семнадцать дней после избрания, а его пресмник был избран только через полтора года.

В 1241 г. кончина старой и бесплодной Санчи Арагонской сделала Раймунда свободным.

11 августа 1241 г. Санчу Прованскую через посредников выдали за Раймунда Тулузского, но не успели передать мужу. Бланка немедленно вмешалась: французские дипломаты устроили переговоры, в ходе которых девочку предложили Ричарду Корнуольскому, возвратившемуся в Европу. Английский принц, вспомнив очаровательную Санчу, охотно согласился жениться, и принцесса Прованская, ни дня не пробыв графиней Тулузской, стала графиней Корнуольской.

Раймунд VII тяжело пережил крушение надежд. Он все еще не мог осознать мощь Французского государства и поверить, что время его независимости миновало. Он внимательно следил за событиями на Юго-Западе, где зрело возмущение непокорных пуатевинских вассалов французской короны во главе с графом ла Маршем. Свадьба молодого Лузиньяна с королевской дочерью не состоялась; его сестра Маргарита Лузиньян также не удостоилась чести войти в королевский дом Франции, что было ранее обещано. К великому разочарованию семьи ла Марш, Бланка Кастильская женила ее нареченного, принца Альфонса, на Жанне Тулузской и передала ему графство Пуатье.

Гуго Лузиньян, граф де ла Марш, был супругом Изабеллы, вдовствующей королевы Англии, владевшей графством Ангулем. Супруги сделали смелый шаг, отдав свою отвергнутую Бланкой дочь Маргариту в жены Раймунду Тулуз-

скому: если бы она родила ему сына, графство перешло бы к наследнику, а не к единственной на то время дочери Раймунда. Правда, этот брак считался как бы условным, временным: папа тянул с разрешением по причине родства, но в случае появления потомства союз стал бы нерушимым. Объединение Марша, Ангулема и Тулузы могло поставить Францию в сложное положение, мятежные бароны диктовали бы Парижу свои условия.

Опасность эту прекрасно видела Бланка Кастильская. Коалиция недовольных, к которой присоединились испанские королевства Арагон, Наварра и Кастилия, разрасталась, как зловещая опухоль, грозя прорваться новой войной. Королева предпочитала держать ситуацию под контролем. Она решила создать повод к возмущению в удобное для себя время, разбить мятежников, а затем отобрать у них владения.

Когда граф и графиня ла Марш явились приветствовать королевскую семью, прибывшую в Сомюр, Изабелле Ангулемской показали ее настоящее место. Королева унизила гордую Изабеллу в присутствии вассалов. Та в ярости побудила к немедленному мятежу мужа и обратилась за помощью к сыновьям, Генриху Английскому и Ричарду Корнуольскому. Гуго Лузиньян поднял пуатевинских баронов и возглавил вооруженное выступление, надеясь навсегда изгнать французов из Пуатье (напомним, что сеньором Пуатье в то время был брат английского короля).

В начале 1242 г., заручившись поддержкой графа Прованского, Раймунд VII созвал вассалов, оставшихся ему верными, и выступил против короля Людовика IX с графом де ла Маршем и четырьмя королями — английским, арагонским, кастильским и наваррским. Но у союзников не оказалось времени выработать единый план действий, и их

легко было уничтожить по одиночке. Французская армия, состоящая из 4000 рыцарей и 20 тысяч пехоты, двинулась на мятежников. 21 июля 1242 г. Людовик IX разгромил англичан в битве при Тайлебурге, а несколькими днями позже — и войска Лузиньяна у Сента.

Гуго де ла Марш со своими вассалами пал к ногам короля, который предписал им тяжелые условия. В Пуату было навсегда установлено владычество Капетингов, и принц Альфонс становился правителем с неограниченной властью.

Раймунд Тулузский за лето 1242 г. вместе с графом де Фуа успели завоевать Нарбонн, значительную часть альбигойских земель и окрестностей Каркассона. Осенью графы упорно теснили французов. Они ждали поддержки от испанских правителей, но те не спешили им помочь. Известие о победе французского короля при Сенте остановило мятеж. С одной стороны графам грозили королевские чиновники, а с другой — северная армия. Опасаясь нового Крестового похода на свои земли, графы сложили оружие.

«С этого времени, — говорит летописец Гийом де Нанжи, — эти бароны ничего более не предпринимали против своего короля, помазанника Господня, ясно видя, что рука Всевышнего содействует ему».

Соппротивление Юга постепенно сходило на нет. Родич Раймунда Транкавель вел переговоры с Людовиком IX, собираясь с ним в Крестовый поход. Вместе с ним за море намеревался отправиться Оливье Термский, до того времени бывший вернейшим из верных графа Тулузского. Более того, Роже-Бернар де Фуа отпал от Раймунда. Эмиссары Бланки немало потрудились, чтобы лишить графа его самого сильного союзника. Де Фуа обратился к Раймунду с издевательским письмом, уведомляя его, что осыпан благо-

деяниями французского короля; он просил графа не удивляться, если пойдет на него войной.

Граф Раймунд пережил очередное разочарование и почти впал в отчаяние. Ему ничего не оставалось, как изъяснить покорность французскому королю. В январе 1243 г. он подписал с ним мирный договор в Лоррисе-ле-Гатине; отношения между графом Тулузским и Французским королевством восстановились на условиях Парижского договора, подписанного четырнадцатью годами ранее.

1243 г. в Лангедоке воцарился мир, и граф Тулузский мог спокойно отправиться в Рим, где тщетно попытался добиться соглашения между папой Иннокентием IV (1243—1254) и германским императором Фридрихом II.

Но внезапно забрезжила надежда. Рамон-Беренгер Прованский умер, завещав младшей любимице — дочери Беатрисе все владения, в том числе спорное графство Форкалькье, из-за которого шла война с графом Тулузским. Для прекращения распри между соседями он желал, чтобы Раймунд VII взял в жены Беатрису.

К тому времени Раймунд был женат на Маргарите Лузиньян, но она не смогла родить ему наследника. Граф помчался на Вселенский собор в Лионе, чтобы упросить Иннокентия IV развести его с супругой из-за недопустимо близкой степени родства. Иннокентий пошел ему навстречу и даже разрешил брак, несмотря на то что дальнейшее родство между графом и его провансальской суженой тоже существовало. Папа объявил Беатрису невестой графа на соборе в Лионе в присутствии короля арагонского Хайме, императора Константинопольского Балдуина и множества других знатных вельмож. Известие об этом раздосадовало Бланку Кастильскую. Королева давно вынашивала план женить на Беатрисе своего угрюмого четвертого сына Карла.

Правительница, всю жизнь играя своим кузеном, обещала ему деньги на свадьбу, но сделала все, чтобы Беатриса и ее огромное приданое достались самому младшему принцу королевского дома. Когда же Раймунд явился к ней, чтобы с благодарностью получить обещанное, ему объявили, что он разъехался с принцем Карлом, который во главе французской армии отправился за рукой Беатрисы.

Граф смирился. Он решил, что Господь не хочет его новой женитьбы.

И второе важнейшее дело Раймунда не находило разрешения. Не имея возможности жениться, он бросил все силы, чтобы снять отлучение, которое все еще довлело над прахом его отца. Оно не позволяло оказать ему почести христианского погребения, о чем сын радел на протяжении многих лет. Похоже, Бог не желал и достойного упокоения Раймунда VI. Иннокентий IV, лицемерно сочувствуя доверчивому графу, собрал комиссию почтенных мужей, сведущих в подобных вопросах, и, в конце концов, отказал ему в прощении. Папа обнаружил множество причин, чтобы не допустить христианского погребения этого уклончивого, но непреклонного врага церкви.

Знатные господа воевали из гордости или из-за обладания землями, по привычке произнося слова о любви к Господу и об укреплении католической веры. Между тем население не могло больше терпеть давление главного инквизитора Гийома Арно, строгого и жестокого доминиканца. Повсюду, куда бы брат Арно ни отправился, он брал с собой настоящую маленькую армию, состоявшую из офицеров, тюремщиков, судей и прочих советников, сеявшую в городах и селах истинный ужас; дошло до того, что сам папа Иннокентий IV вынужден был вмешаться, чтобы умерить пыл своего инквизитора.

Гийом Арно ввел в обыкновение долгие, многократные, суровые допросы всех мужчин старше четырнадцати и всех женщин старше двенадцати лет. Целью допросов было получение имен жителей, нетвердых в веру. Инквизиция не уставала напоминать всем христианам, что их высочайшим долгом является искоренение ереси; они обязаны были выдавать церковным властям каждого еретика без всякого сострадания. Братья доминиканцы руководствовались принципом: имена еретиков не должны быть записаны в книгу жизни; их тела будут сожжены на этом свете, а их души — мучиться в аду.

Однако, несмотря на террор, нет никаких упоминаний или намекнов на то, что в руки инквизиторов попал хотя бы один Хранитель Грааля, не говоря уже о самой реликвии. Доминиканцы не смогли бы скрыть торжества, и где-нибудь в анналах церкви наверняка сохранились бы их победные репортажи. Но история молчит.

В 1245 г. папа Иннокентий IV разрешил инквизиторам прощать друг другу и своим подчиненным все прегрешения, связанные с их профессиональной деятельностью. Они освобождались от повиновения руководителям по монашескому ордену, им предоставлялось право по своему усмотрению являться в Рим с докладом папскому престолу.

Согласно каноническому праву всякому, кто препятствовал деятельности инквизитора или подстрекал к этому, грозило отлучение от церкви. «Ужасная власть, — отмечает Ч. Ли, — предоставленная таким образом инквизитору, становилась еще более грозной, благодаря растяжимости понятия “преступление”, выражающееся в противодействии инквизиции; это преступление плохо квалифицировалось, но преследовалось оно с неослабной энергией. Если смерть освобождала обвиняемых от мщения церкви,

то инквизиция не забывал их, и ее гнев обрушивался на их детей и внуков».

Многие еретики-верующие вынуждены были скрывать свои убеждения, чтобы сохранить привычный образ жизни, состояние, дело или самую жизнь. Существование под угрозой неминуемого разоблачения и ужасного наказания приводило к частым возмущениям, которые подавлялись с немилосердной жестокостью. Те, кто не мог вести двойную жизнь и желал открыто исповедовать катарскую веру, собирались вблизи последнего оплота чистых — замка Монсегюр.

Пока он высылся на неприступной горе, граф чувствовал, что его дело еще не проиграно.

Судьба подарила ему еще одну надежду: великий император Фридрих II, желая досадить своему врагу-папе, обещал графу поддержку. Раймунд долго жил этой иллюзией.

Фридрих II представляет собой одну из интереснейших фигур эпохи. Клевета и легенда сильно исказили его образ; его друзья и противники между современниками и в потомстве диаметрально противоположно изображают его характер. Но и несомненные факты его биографии показывают, что это была странная, полная противоречий личность. Папы ненавидели Фридриха как человека, боялись его как сицилийского короля и не могли допустить осуществление его идеалов как императора. Стремления Фридриха были несовместимы ни с духовным деспотизмом преемников святого Петра, ни со светской властью римского епископа.

Стать на сторону Фридриха — значило полностью порвать с Римом. К этому Раймунд был не готов. От воли папы зависела не только его судьба, но и будущее его государства. Поэтому он дорожил добрым согласием с Иннокентием IV. Впрочем, теперь, к пятидесяти годам, он сми-

рился, говоря, что видно Бог не хочет, чтобы он женился. Проницательный Фридрих не склонен был разбрасывать свои силы ради помощи такому ненадежному союзнику.

Осокин невысоко ценил Раймунда VII, как, впрочем, и его отца. Напротив, другие историки отмечают его искусную дипломатию, ловкую игру на феодальных противоречиях, упорство в стремлении к цели. Они восхищаются его способностью не считать каждое очередное поражение окончательным и возрождаться вновь и вновь с той же энергией, которая была присуща ему смолоду.

Самое большее, что можно было поставить в вину графу, прелестному легкому человеку, умному прагматическому скептику, — это доверчивость. Но это свойство — один из главных признаков благородства души. Теперь, взглядом издали рассматривая его жизнь, можно утверждать, что, несмотря на все пятна и грязь, мало найдется людей, которые приложили бы больше сил, дали больше, дерзнули на большее и страдали больше во имя своей страны.

Когда графа узнавали в путешествиях по его землям, он встречал бурные овации и выражение уважения. Поэтому он чувствовал, что народ предан ему и, трудясь неустанно во имя его блага, он заслужил народную любовь.

Правителей, как и вообще людей, надо оценивать по тем моментам их жизни, когда человек полностью раскрывается. Храбрость справедливо считается главным из человеческих качеств, потому что это качество обеспечивает все остальные. Свое мужество, моральное и физическое, Раймунд VII доказал неоднократно во всех случаях, когда подвергался личной опасности или политическому давлению. Судьба словно проверяла его на стойкость, посылая такие испытания, что остается только удивляться, как он сумел все это вынести. Его с детства учили, что для того, чтобы

заслужить любовь и уважение своих подданных, он должен показать себя их защитником. Со всех сторон слышались призывы неустрашимого и отважного народа к тому, чтобы он проявил смелость и сохранил верность преданиям, традициям, заветам предков. Сердце Раймунда VII билось чаще, когда речь заходила о чести и величии родной страны, и так было до самого последнего дня его жизни.

ТРАГЕДИЯ МОНСЕГЮРА (ИЛИ ПРОСТО — МОНСЕГЮР)

Тридцать пять долгих лет практически без передышки длились страшные бесчеловечные войны против благородной идеи за земные богатства, и некогда цветущая, наполненная радостью земля превратилась в руины. Не желавшие покориться Франции и Риму южане гибли целыми семьями — кто на виселице, кто на костре. Физически уничтожались представители знатнейших домов Окситании. Гордые, духовно изысканные, они предпочитали умереть, чем жить побежденными под французской короной. Обреченные на смерть за веру, завещали свое имущество обреченным жить, лишившись любимых. Вслед за Маркезисй де Лонтар, оставившей все, что имела, своей внучке Филиппе, жене Пьера-Роже де Мирпуа, другие знатные дамы завещали свои богатства родственникам-еретикам.

Сопrotивление Юга так и не было сломлено окончательно.

«Сам внешний облик городов изменился при французском владычестве. Прежний блеск их исчез, как исчезла куртуазность вельмож и рыцарства. Роскошь, с которой боролись альбигойцы и которая тем не менее в силу ведения свободных идей в начале столетия была предметом

зависти других стран, теперь исчезла. С ней уменьшились и удовольствия. Монахи, или зловеще молчавшие, или проклинавшие, все больше наполняли города и приносили с собой омертвление. Игры и песни запрещались. Над горожанами тяготела суровая регламентация — от одежды с головы до ног, от количества блюд до количества сна», — писал Осокин.

После изгнания еретиков приостановилось торговля — ведь многие состоятельные негодьяны принадлежали к катарской церкви. Южные рыцари возмущались, негодьяны, но значимых восстаний поднять не удалось. Надежды на помощь Хайме Арагонского не сбылись: он продолжал свою борьбу с маврами на Иберийском полуострове. Выступление графа де ла Марша было жестоко и показательно подавлено. Генрих III Английский выступил было против французов, но потерпел поражение, да и воевал он не за свободу Окситании, а за свои интересы на континенте.

Дворянство, придавленное тяжелой рукой французской администрации, затаилось, ожидая возможности отомстить. Катары ушли в подполье. «Человек в черном, живший в лесу, был непременно еретик». Совершенные только по ночам выбирались из своих убежищ, чтобы совершить необходимые требы и *consolamentum*. Они существовали лишь на добротные подаяния и питались в основном дикими плодами и ягодами.

Одни трубадуры открыто исполняли свои песни, полные ненависти к французскому королю, Римской церкви и духовенству. И они не остались незамеченными церковниками. Инквизиция не могла пройти мимо этих возмутителей спокойствия. Ее законом запрещалось даже напевать песни трубадууров. Чтобы спасти жизнь, многие из них перебирались в Ломбардию, где инквизиция тоже была учреждена,

но благодаря республиканской форме правления не получила такого повсеместного распространения, как в Провансе и графстве Тулузском. Флоренция попросту закрыла перед инквизиторами ворота.

Трепет перед ужасами инквизиции делал предателями ранее порядочных людей. Чтобы спасти свою жизнь и тело от мучений, все свидетельствовали против всех. Жены оговаривали мужей, дочери матерей, братья и сестры забывали о родственных узах, добрые соседи оказывались коварными доносчиками.

Сожжение еретиков церковь считала настолько угодным Богу, что каждый, кто приносил дрова для костра, получал отпущение грехов. Католические священники внушали пастве, что для борьбы с еретиками все средства хороши — обман, провокация, предательство.

Постоянный страх наказания за провинности истинные или мнимые, целенаправленный гнет французских чиновников, опасность стать жертвой инквизиции изменили нравственный облик некоторых ранее глубоко верующих альбигойцев. Они стали более восприимчивы к мирским соблазнам. Теперь даже многие катарские архиереи не избегали связей с женщинами, с тем, однако, чтобы эти отношения не освящались узами брака. Грехом продолжало считаться умножение числа себе подобных. Бесплодность женщины рассматривалась как благословение небес, рождение детей — как кара Господня.

Но большинство по-прежнему придерживалось строгого воздержания, не ело убоину, масло, яйца, сыр. Они не позволяли себе давать клятвы, лгать, продолжали разносить свои идеи и не допускали праздности.

Убежищем для Совершенных служили многочисленные пещеры. Они имели названия, как города и села: Ломбрив, Вифлеемская, Орнолак.

В то время как на равнине южане, по крайней мере внешне, склонились под гнетом северных завоевателей и римского духовенства, на горе Фавор продолжало существовать государство катаров. Здесь они были сильны, имели поддержку местных жителей, передвигались в местах, известных им с детства. Знаменитый Бертран Мартен объединил вокруг себя друзей и учеников. Истинным главой Монсегюра являлся именно он; комендант и начальник гарнизона смиренно подчинялись ему. Этот убежденный еретик являлся вдохновенным проповедником, ярким и пылким оратором, наделенным непревзойденным даром убеждения. Его вера была абсолютна и фанатична. Он вел верящих ему по пути к смерти в огне и освобождению от оков грешной плоти. Их было немного, и они были слабы, но их существование бросало вызов власти Франции и Рима.

Гарнизон замка состоял примерно из пятидесяти молодых мелкопоместных дворян. Все они были катарскими верующими. Командовал ими барон Пьер-Роже Мирпуа, владеец Монсегюра. Старый соратник Эсклармонды де Фуа, несмотря на все притеснения и невзгоды, остался верен убеждениям молодости. Он принадлежал к знатному роду и был вассалом Транкавеля. Однако поскольку его сеньор находился в изгнании, Пьер-Роже считал, что над ним нет господина, и вел себя совершенно независимо. Твердый в своей вере, что не мешало ему клясться, лгать, убивать, он был настоящим разбойником.

Между тем в его родовых владениях, Мирпуа, альбигойские обряды совершались столь же открыто, как в Монсегюре. Больные или умирающие просили принести себя в собрание верующих и получали утешение. Врачи не боялись лечить; близкие и даже мало знакомые женщины до

последнего ухаживали за больными. Умиравших собратьев альбигойцы навещали и напутствовали, невзирая на опасность.

Жители всех поселений в окрестностях Монсегюра, по существу, исповедовали альбигойское вероучение и даже не стремились скрыть свои убеждения. Да им и нечего было скрывать: они вели чистую жизнь на земле, испокон веков принадлежавшей их предкам.

Церковь не могла относиться безучастно к таким вопиющим и вызывающим нарушениям ее предписаний.

В конце мая 1242 г. в замок Авиньоне, расположенный недалеко от Монсегюра, прибыли одиннадцать путешественников, в которых безошибочно узнавались инквизиторы. Впрочем, они и не скрывали своих намерений — их целью было покарать жителей городка за ересь. Главой инквизиторов был Гийом Арно, хорошо известный своей неумолимостью и жестокостью. С ним находились его помощник Стефан и новый инквизитор Рамон Писатель. Доминиканцы рассчитывали организовать в Авиньоне инквизиционный трибунал, приурочив его к празднику Вознесения.

Должность прево Авиньона исполнял Рамон д'Альфарио. По своим убеждениям и вере он имел основания опасаться стать первой жертвой трибунала.

Альфарио приходился незаконным сыном Гийометте, внебрачной дочери Раймунда VI, и, следовательно, племянником Раймунду VII, который и поставил его на должность. Накауне он был у дяди, и, по-видимому, родственники обсуждали зверства инквизиции на землях Юга.

Альфарио послал гонца к барону Мирпуа. Он предложил уничтожить ненавистного Гийома Арно и поживиться за счет имущества доминиканцев. Барон-разбойник, застояв-

пийся в преддверии настоящего дела, горячо одобрил его инициативу и обещал прислать добровольцев.

Когда отряд в двадцать пять человек двигался к месту почлега инквизиторов, им встречались группы вооруженных горожан, у которых, очевидно, были те же намерения. Такое проявление общественного темперамента не оставляло шансов доминиканцам; их участь была так или иначе предрешена. Граф Раймунд в любом случае оказался бы обвинен в подстрекательстве, не будь даже замешан в деле его родственник.

Пробуждение двенадцати инквизиторов, спавших в одной комнате, оказалось ужасным. Разъяренные головорезы Мирпуа с тяжелыми палицами и секирами не знали пощады. Перед гибелью клирики запели, сбившись в кучу, *Te Deum*, но конец наступил быстро. Альфаро вырезал язык у мертвого Гийома Арно.

Жестокое убийство инквизиторов не пошло на пользу графу, но, как ни странно, не повлекло за собой никакого возмездия, если не считать церковного отлучения. Впрочем, эта процедура, многожды повторенная, потеряла злободневность.

Иннокентий IV, избранный понтификом в конце 1243 г. после почти двух лет «беспая», был другом доминиканцев. Он усилил строгость трибуналов и объявил новую войну ереси. Как видный юрист, он знал цену словам. Такое грубое выражение, как «пытка», он заменил оборотом «умаление членов» и вполне успокоил таким способом угрызения совести, если они у него имелись.

Катары, предвидя новые утеснения, потянулись к Монсегюру. По-видимому, замок оказался слишком мал для того, чтобы дать приют всем верующим. Поэтому некоторые из них построили у подножия стен замка на скалах,

нависших над пропастями, отдельные хижины, где в уединении и безмолвии погружались в молитву. Другие поселились в деревне под горой.

Castrum montis securi, «Замок неприступной горы» — называли римляне Монсегюр. Он был одной из самых мощных романских крепостей, гордо возвышающейся над провансальской равниной — первая ступень на пути к небесам, к которым стремились альбигойцы. Над башнями замка развевался красно-желтый флаг катаров.

Когда говорят о Монсегюре, самым распространенным эпитетом является «неприступный».

Однако историческая реконструкция опровергает сложившееся убеждение. По сравнению с другими южными твердынями замок не производит того впечатления мощи, которое характерно для замков Фуа, Кабарет, Кверибус и др. Он невелик, невысокие стены растянуты в странный пятиугольник. Неприступна, скорее, гора Фавор, вершину которой он венчает. Последние исследования показывают, что Монсегюр был далеко не самой сильной пиренейской крепостью. Если бы целью альбигойцев являлось выстоять во что бы то ни стало, целесообразнее было бы укрепиться в каком-нибудь в другом месте. Учитывая, что крепость была построена Арно де Бакаллариа, учеником известного по всей Окситании военного инженера де Линара по приказу Эсклармонды де Фуа, непонятно, почему она не оказалась более мощной твердыней. Возможно, крепость не столько фортификационное, сколько культовое сооружение? А может быть, его владелица надеялась на неприступность подступов к священной горе?

Расположение Монсегюра на горе Фавор действительно способствовало обособленности от остального мира. Низины, глубокие долины и пропасти, над которыми даже днем

клубился серый туман, отрезали замок от равнин и дорог. Огромные деревья, древние и могучие, с густыми темно-зелеными кронами, подавляли своим величием и словно парили над окружающим миром. Влажная сумеречная мягкость, царившая под пологом леса, сглаживала остроту пней, бревен, замшелых камней. Бурелом и колючие заросли изломанного кустарника образовывали естественные баррикады, не преодолимые для чужаков. Местные жители, напротив, чувствовали себя здесь свободно и без затруднений передвигались в местах, известных им с детства.

После убийства инквизиторов Гийома Арно и его семерых приспешников всем стало очевидно, что Монсегюр должен быть разрушен.

Но было легче сказать это, чем сделать.

Католическое духовенство и чиновники-французы втайне организовали «вооруженное братство» для уничтожения Монсегюра, этого болезненного нарыва на теле завоеванной страны. Братство было хорошо вооружено и состояло из людей, стойких в католической вере и опытных в военном деле. Но, несмотря на скрытность замыслов, враги альбигойцев не смогли утаить свои планы полностью: они жили в окружении местных жителей, чей глубоко запрятанный патриотизм нашел выражение в передаче тайных сведений землякам, не покорившимся завоевателям.

Тогда «братство» вышло из тени и принялось открыто угрожать Монсегюру. Но катары тоже имели сторонников, и их было немало, несмотря на свирепость инквизиции. Для помощи защитникам замка по всей стране проходил сбор денег, оружия и продовольствия. В Монсегюр пробирались Совершенные, туда шли трубадуры, знатные дамы, убежденные катарки, покинув богатые удобные жилища, прибыли в замок с запасами зерна и меда.

В 1244 г. наступил финал: армия крестоносцев, десятикратно превышающая число защитников крепости, окружила подножие горы. До осады катарские отшельники жили на лесистом восточном склоне Фавора. Увидев приближение неприятельских отрядов, они переселились под стены замка, а потом переселились внутрь.

Осажденный замок состоял прежде всего из донжона, в первом этаже которого был зал площадью приблизительно пятьдесят квадратных метров, где проходили религиозные обряды катаров; к этому залу примыкало просторное помещение площадью более пятисот квадратных метров, где размещались склады, конюшни, фехтовальные залы и комнаты защитников крепости.

В замке образовалась ужасающая теснота и скученность. Места не хватало, поэтому многие поселялись в пещерах Сабарте. О. Ран, перед Второй мировой войной посетивший пещеры, писал: «И сейчас еще в этих гротах и нишах можно увидеть места, где когда-то были балки. Тут стояли жилища, от которых огонь и время оставили только почерневшие известняковые стены, несколько полусгнивших или обугленных поленьев да еще местами, где огонь и сила разрушения оказались бессильными, — рисунок или надпись».

Появлялось множество проблем, которые неминуемо возникают, когда большое количество людей собирается на малой замкнутой территории. Ни о каких удобствах не приходилось и мечтать. Продовольствие было на счету, вода расходовалась только на питье. Но сотни людей, собравшихся за стенами замка, вдохновляла на подвиг и поддерживала не земная пища, а несокрушимая воля и преданность своим убеждениям. Невзирая на все лишения, они готовы были защищать Монсегюр, последний оплот своей веры.

Видимо, французское золото купило несколько местных горцев, которые хорошо знали все подходы к замку и сумели провести к нему добровольцев из французского войска. Осажденным больше неоткуда было ждать помощи. Однако Мирпуа и Перелла не сидели сложа руки. Они предприняли почную вылазку, которая хоть и не увенчалась успехом, показала, что дух катаров по-прежнему стоек.

Дюран, епископ Альби, был одним из тех мужественных прелатов, которые составляли славу воинствующей церкви. Человек энергичный, предприимчивый, способный инженер, специалист по осадным машинам, он горел желанием помериться силами с неприступной горой и толстыми стенами, защищавшими еретиков.

Но какой бы мощной ни была осаждающая армия, она не могла лишиться осажденных помощи извне уже потому, что действовала во враждебной стране. Сочувствие всего населения было на стороне сражающихся за свои убеждения земляков.

Граф Тулузский предпринимал отчаянные, но скрытые попытки помочь осажденным. Безусловно, с его ведома Эсклармонда д'Айон сумела переправить в замок продовольствие, так необходимое защитникам. Сам граф надеялся на команду арагонских рутьеров, которым сам черт не брат, готовых за золото резать не только католиков, но и собственных родных. Но наемники даже не смогли преодолеть передовые посты французов. Граф просил осажденных продержаться еще немного: им на помощь непременно выступит император Фридрих II.

Иногда можно встретить упоминания о прибытии к подножию горы Бланки Кастильской. Видимо, она желала присутствовать при взятии замка. Настойчивые слухи о том, что в нем укрыта Чаша Тайной вечери, загадочный Грааль, заставила решительную женщину отправиться в путь.

Она не менее ревностно, чем ее неуклонно стремившийся к святости сын, поклонялась священным реликвиям и, наверно, надеялась заполучить главнейшую из них. Но оказалось, что осада еще и не начиналась. Воодушевив осаждающих — она всегда умела внушать желание исполнять ее волю, — королева отправилась обратно в Париж, по пути обозревая уже почти свои владения.

Конец Монсегюра неумолимо приближался.

Люди устали от многомесячной осады. Их было всего несколько сотен против тысяч крестоносцев. Никто не мог ни сменить их, ни дать передышки. Установленная епископом Дюраном мощная катапульта без перерыва обстреливала восточную стену замка. Осажденным не давали покоя ни днем, ни ночью.

Как пишет Р. Карантини, ранним утром 28 февраля 1244 г., еще до рассвета, Раймон Перелла и Пьер-Роже Мирпуа, которые денно и ночно руководили героической обороной замка, появились на крепостной стене и приказали трубить в рог: после долгой осады, длившейся более девяти месяцев, катары Монсегюра сдались, и их полководцы предложили вступить в переговоры. И осажденные, и осаждающие желали только одного — конца этой мучительной осады.

Условия, предложенные побежденным, были почти великодушными:

катары сохраняют за собой Монсегюр еще на несколько дней и выдадут победителям заложников;

они получают прощение за все прежние грехи, в том числе и за совершенное ими в Авиньоне убийство инквизиторов;

солдатам позволено будет уйти свободными, без ущерба для чести, но при условии, что перед тем, как покинуть Монсегюр, они предстанут перед доминиканскими инквизиторами, покаются в своих грехах и отрекутся от своей

ереси; сделав это, они подвергнутся лишь легким наказаниям;

все прочие обитатели цитадели останутся свободными, но они также должны исповедоваться инквизиторам и отречься от ереси; те же, кто не отречется, будут приговорены к немедленной казни на костре;

крепость Монсегюр без промедления будет сдана королю и церкви.

В исторической литературе нередко встречаются намеки на неблагородное поведение во время осады, а то и прямые обвинения в адрес Пьера-Роже Мирпуа. Высказывают предположения, что старый барон давно подумывал о капитуляции. Лично ему смертельная опасность не грозила. «Для духовной и светской аристократии он все же оставался человеком близким, к слабостям и грехам которого причастны были более или менее все победители», — пояснял Осокин.

Некоторые полагают, что он покинул замок незадолго до окончательного перемирия, заранее подписав акт о капитуляции. Однако, согласно документам инквизиции, 16 марта он еще был в крепости. Именно ему суровый старец Бертран Мартен, готовясь к смерти, отдал все свое имущество — масло, соль, перец, воск и штуку зеленого полотна. Другие смертники подарили ему много зерна и камзолы для его людей. Эти факты однозначно свидетельствуют в пользу того доверия, которое питали к барону альбигойцы. Мирпуа видел костер, на котором приняли мученическую смерть люди, хорошо ему знакомые, глубоко им почитаемые и любимые. Он, судя по его предыдущей жизни, не был ни куртуазен, ни сентиментален, но зрелище гибели страстотерпцев за веру, по-видимому, глубоко его потрясло.

Он уехал к Эсклармонде д'Айон, племяннице Великой Эсклармонды, затем перебрался в крепость Монгальяр и потерялся в глубинах истории почти на десять лет, чтобы снова обнаружиться как фаядит, лишенный владений за пособничество еретикам и их защиту в замке Монсегюр. Он не раскаялся и не изменил себе. «До самой смерти он тайно возглавлял опальное романское рыцарство, которое было вынуждено найти в пещерах Орнольяка последнее убежище, а затем и смерть», — установил О. Ран. Гражданские права ему вернули не раньше 1257 г. Далее его следы теряются.

Если для Мирпуа еще находят оправдания, то приговор его тестю Рамону Перелле, некогда преданному вассалу Эсклармонды, суров: его обвиняют в том, что он оставил на верную смерть жену и «героиню-дочь». «Старик Перелла вместе с сыном был пойман и предстал перед инквизиторами. С низкой робостью старик оговаривал теперь и мертвых и живых, думая спасти себя». Конечно, гибель на костре рядом с близкими выглядит гораздо романтичнее, чем прозаический отъезд из Монсегюра вместе с сыном. Но жизнь или смерть были личным выбором каждого. Парализованная Эсклармонда Перелла избрала свой путь. Что касается жены Переллы, Корбы, она тяжело болела и, скорее всего, не дожила до костра.

Совершенные, которые ни под каким видом не соглашались отречься от веры и покаяться, легко могли бы ускользнуть из Монсегюра, но решительно отказывались это делать. Какой же великой должна была быть их вера, если, зная о предстоящей им мучительной гибели, они ждали этого часа, занимаясь, кроме молитв, обыденными делами.

Неизвестно, что произошло 14 марта в храме Солнца, где катары отмечали свой праздник. По-видимому, случи-

лось некое экстраординарное событие, укрепившее дух осажденных. Потому что, когда 15 марта крестоносцы ворвались в замок, инквизиторы пришли в ярость. И было от чего: 257 человек во главе с главой катарской церкви епископом Бертраном Мартеном предпочли костер предательству своих убеждений. Многие катары были готовы умереть за веру не в отчаянном порыве, а после долгих дней осознанной подготовки. Несколько верующих уже после капитуляции замка совершили *consolamentum*. Одиннадцать мужчин и шесть женщин стали Совершенными в эти пятнадцать дней, то есть сознательно обрекли себя на смерть. В оставшиеся дни они готовились к уходу и раздавали свое имущество солдатам, защищавшим их, не падая жизни.

Такое количество фанатиков, готовых на мучительную гибель в огне, поразило воображение крестоносцев!

День расставания с грешным миром настал. Загнанные французами за частокол, обложенные вязанками дров и хвороста, обреченные на мучительную смерть, некоторые катары плакали и кричали от страха, другие молча стояли, поддерживая друг друга, в ожидании своей ужасной участи.

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно зыблемый, как дым.

Ф. Соллогуб

Затем начались общие крики, рыдания, молитвы...

Если дрова были сухие, то несчастные умирали в огне, медленно поджариваясь. Агония была мучительной и мог-

ла продлиться до двух часов, если у приговоренных выдержит сердце. Если же горели зеленые или мокрые ветки и сено, дым окутывал и удушал несчастных прежде, чем до них добирались языки пламени.

Огонь, зажженный палачом и его подручными, занимался все сильнее; несчастные под вопли и стоны вспыхивали факелами. Несколько часов спустя на площадке остались только груды обуглившейся плоти...

Однако трое Совершенных — Амье Экар, Пентав Лурен, Пьер Сабатье — и некий служитель Хуго не участвовали в подвиге веры своих братьев. В ночь на 16 марта они с помощью Пьера-Роже Мирпуа тайно покинули замок. Представляется, что поступку барона не уделено должного внимания. А ведь он был сопряжен с огромным риском: если бы осаждавшие заметили уход Совершенных, они могли расторгнуть договор о капитуляции. Способствуя их бегству, Пьер-Роже рисковал жизнями всего гарнизона. Значит, дело стоило того.

Сначала беглецы укрывались в разветвленных подземельях Монсежюра, потом спустились с помощью веревки по отвесному склону горы. Их целью было не спасение собственной брэнной жизни. В самом деле, считается, что «побег был устроен, дабы церковь еретиков не лишилась своих сокровищ, спрятанных в лесах; ведь беглецы знали тайник». Неубедительное объяснение. По мнению большинства историков, они были избраны, чтобы сохранить главное сокровище катаров — Чашу Святого Грааля. Ту самую Чашу, Хранительницей которой, как гласит предание, и была Великая Эсклармонда. Ей не довелось увидеть подвиг героев, которых она вдохновляла всей своей подвижнической жизнью. Эсклармонда де Фуа, имя которой поддерживало дух многих окситанцев, умерла приблизительно

в 1225 г. Но до сих пор многие считают, что она погибла от рук крестоносцев при защите Монсегюра.

Народная легенда гласит, что перед уходом с земли Эсклармонда пришла с драгоценной ношей на расположенную близ Монсегюра священную гору Фавор, взмахнула руками, и гора распахнулась, приняв в свои недра Святой Грааль. А сама Эсклармонда превратилась в белую голубку и улетела.

На самом деле в Монсегюре приняла смерть другая Эсклармонда — дочь Раймона де Переллы. Девушка, носившая имя Великой Эсклармонды, не отреклась от своей веры и взошла на костер.

В наши дни, преодолев множество препятствий и трудностей, один энтузиаст обнаружил в пещерах под развалинами замка Монсегюр небольшое помещение, в котором на камне было выбито изображение, датированное XIII в., в котором при желании можно усмотреть все характерные признаки Грааля. Это Святая Кровь, Святое Копье, Чаша, или Блюдо (крышка), которое, если верить Кретьену де Труа, ее прикрывает.

Научная экспедиция нашла в отдаленной пещере под замком маленькую свинцовую звезду, символизирующую беспредельность знания, и каменного голубя с раскрытыми крыльями, означающего переход из царства Сына в царство Святого Духа, то есть символ человека Совершенного.

Немного известно о сокровище, которое хранила Эсклармонда вместе с Гильбертом де Кастром, и очень трудно просчитать имя третьего Хранителя. Трое Совершенных, покинувших Монсегюр, скорее всего, стали очередными преемниками служения Граалю. Правда, среди них не было женщины, но тяготы и суровость обстановки диктовали новые правила.

Целью Совершенных был замок Монреаль-де-Со, ранее принадлежащий графу де Фуа, а теперь — королю Хайме Арагонскому. Они стремились не только скрыть сокровище катаров от врагов, но и поместить его в некое сакральное убежище. По предположению М. Мандамана, Монреаль-де-Со стал своего рода ретроспективой того места, где страдал Господь.

Он обосновывает свою догадку такими аргументами.

Многие бароны-окситанцы сопровождали графа Роже II де Фуа в Первый крестовый поход. Они исходили все окрестности Иерусалима, ставшие объектом поклонения, поскольку там выпало совершить Иисусу Христу его Страстной путь. Возвратившись домой, крестоносцы обнаружили, что их местность почти в точности повторяет расположение Вифании. В честь такого счастливого совпадения на вершине горы было решено соорудить часовню, напоминающую часовню Гроба Господня, и назвать это место в память Вознесения Христа Королевской горой.

Сюда и доставили беглецы из Монсегюра свои загадочные реликвии, золото и серебро и несколько «тайных книг». В них, как полагали многие, помимо священных текстов содержались сведения о великих тайнах мироздания, мистические рецепты сохранения вечной молодости и красоты, а также заклинания, дающие несоримую силу влияния на людей. Эти сокровища Совершенные укрыли в одной из многочисленных пещер Пиренейских гор, недалеко от озера Эстанис-де-Ангонелла.

После уничтожения катаров французский король в ультимативной форме потребовал от Хайме Арагонского передать ему крепость Монреаль-де-Со. Король Арагона решительно отказал.

По другой версии, сундук с сокровищем и секретными свитками был зарыт в окрестностях церкви Санта-Коло-

ма. Озеро и церковь находились в то время на территории графства Фуа (современная Андорра), горы, скалы и многочисленные пещеры которой как нельзя больше подходят для создания тайника. Есть свидетельства и о захоронении священных реликвий катаров в кастильском монастыре Сан-Миллан де ла Когола.

Эти предположения не исключают друг друга. Многие потаённые и святые места равно годились для того, чтобы сохранить Святой Грааль от алчных рук инквизиторов.

Знал ли последний граф Тулузский, где укрыто катарское сокровище? Вправе ли мы предположить, что верховный суверен Окситании был осведомлен и о существовании, и о месте нахождения Грааля? Может быть, ему было сделано некое предложение, гарантирующее самостоятельность государства и наследование власти его потомками, если он поспособствует передаче реликвии Риму? И при первом намеке на то, что он готов использовать такую возможность, Хранители Грааля укрыли священное сокровище в месте, известном небольшому числу избранных лиц, в круг которых Раймунд не вошел? В последние годы жизни граф внезапно обрушил на ерстиков жестокие кары, и, возможно, сделал это не только по принуждению. Раймунд находился под сильным моральным давлением духовенства и Франции. Неудачи, разочарования и унижения вызывали озлобление графа против упрямец, чье сопротивление церкви привело к катастрофе страну. Катары не могли доверять этому непредсказуемому человеку. Но народ продолжал его любить и испытывать преданность к последнему представителю династии, олицетворяющему их былые свободы.

Тем временем инквизиция удвоила рвение. Раймунд VII вел подспудную борьбу против договора в Мо, подтвержденного соглашением в Лорри. Именно в лице Раймунда, упрямого южанина, сосредоточился символ национального

сопротивления. Но положение графа оказалось чрезвычайно сложно. Чтобы победить, ему надо было разъединить интересы французов и церкви. Людовик Святой принуждал графа Тулузского стать самому гонителем еретиков с риском оскорбить чувства своих подданных. Сын, как и отец, становился жертвой исторической ситуации.

Катары со времени Парижского договора 1229 г. создали еще более законспирированную организацию. С потерей Монсегюра она не исчезла, и многочисленные доказательства этого мы находим в протоколах инквизиции. Катарская церковь сохраняла подпольную активность, и инквизиторам не удавалось ее пресечь. И может быть, именно ее существование давало Раймунду силы сопротивляться давлению Парижа. Но мог же он воображать и просчитывать возможности!

В конце жизни, видя тщету надежд на рождение наследника и уже не уповая на продление в потомстве власти дома Сен-Жиль, Раймунд, по-видимому, разуверился во всемогуществе священной реликвии. А может быть, счел предательством исчезновение Грааля из обреченного замка и из его владений.

Граф занемог осенью 1248 г. О его болезни мало что известно — только то, что он испытывал полное истощение сил, невероятную слабость.

Раймунд VII Сен-Жильский скончался 27 сентября 1249 г. в возрасте 52 лет, так и не оставив потомков мужского пола. Гийом Пюилоран пишет: «Господу было угодно, чтобы Раймунд, прежде чем исчезнуть навеки из мира сего, проехал по всем своим равнинным краям, дабы оплакал последнего графа Тулузского по прямой линии весь народ его земли». Он пожелал быть погребенным в монастыре Фонтевро — подле матери, Жанны Плантагенет, рядом

с дедом и бабкой — Генрихом II Английским и Алиенорой Аквитанской. Забальзамированное тело графа медленно переправили по воде из Милло, где он умер, через Альби и Рабастан в Тулузу. Оттуда по Гаронне он величественно проследовал в Ажене и, наконец, упокоился в Фонтевро. Хотя бы в этом он оказался счастливее своего отца, так и не нашедшего посмертного успокоения.

«Народ, растрогавшись душой, оплакивал в покойном некогда любимого государя и, забывая все его недостатки, помнил одно — что с ним вместе он хоронит свою независимость и свою национальность».

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА СЕН-ЖИЛЬ

Но род графов де Сен-Жиль еще не пресекся полностью; еще жила дочь последнего правителя Окситании Жанна Тулузская (1220—25.8.1271). Графство оставалось ее достоянием, ее приданым, которым в силу римских законов, действовавших в этой стране, она могла владеть самовластно. И еще оставались патриоты, которые жаждали всеобщего объединения вокруг трона природной государыни.

Жизнь Жанны — пример того, как судьба ломает человека. В пять лет ее выдали за четырехлетнего Гуго Лузиньяна, наследника графств Ла Марш и Ангулем. Девочку забрали у матери и передали в семью малолетнего супруга. Нетрудно предположить, что, отдавая Жанну Лузиньянам, граф надеялся, что воинственные пуатевинцы пожелают и сумеют защитить Священный Грааль от враждебных посягательств северян. Но вряд ли он раскрыл тайну Хранителей восьмилетнему рсбенку.

Франция, во-первых, всеми силами противилась созданию на Юго-Западе мощной враждебной коалиции под

английским протекторатом, что и символизировал этот династический брак, а во-вторых, недаром приложила немало сил, чтобы присоединить к королевскому домену богатое графство Тулузское.

Разгром мятежных графов, умело организованный королевой-матерью, позволил диктовать побежденным условия. В 1225 г. брак Жанны с Гуго Лузиньяном был расторгнут папой. Условия Парижского договора, навязанного Раймунду VII Бланкой Кастильской, требовали передать его единственную наследницу в королевский дом Франции. В договоре фарисейски указывалось, что, снисходя к униженным просьбам графа, король даст Жанне в мужья одного из братьев по своему усмотрению. Пока же девочка оставалась заложницей в Лувре.

На самом деле все было давно решено. Тулузской наследнице предназначался третий из выживших сыновей Людовика VIII и Бланки, принц Альфонс.

Девочка оказалась в плену французских лилий, и ее незнание обернулось для святыни благом. Быть может, неясные отголоски южных преданий время от времени приходили на ум тулузской наследнице, но королева Бланка сделала все, чтобы та забыла родину и стала истинной француженкой.

Надо признать, что о супруге Жанны известно удручающе мало — только даты рождения, смерти и отдельные упоминания в связи с важнейшими событиями эпохи. Однако, опираясь на эти скудные данные, можно попытаться воссоздать события тех давно прошедших лет.

Уже то, что этот сын получил имя в честь отца королевы, Альфонса VIII Кастильского, говорило об особом к нему отношении. В самом деле, этот слабый замкнутый ребенок был особенно любим Бланкой и отвечал ей неизменной привязанностью и преданностью. Он никогда не

выходил из повиновения. Известно от Жана де Жуанвиля, летописца Крестовых походов Людовика Святого, что даже «король действовал всегда согласно советам доброй матушки»; что уж говорить об ее некоронованных сыновьях. Умнейшая женщина своего времени, Бланка пользовалась непререкаемым авторитетом и правила Францией единолично до самой кончины. Она ненавидела так упорно сопротивляющихся еретиков-альбигойцев и всей душой желала их гибели. Королева положила сделать своего болезненного Альфонса государем жаркого изобильного Юга. Если же Господь не даст ему потомства — эта перспектива также хладнокровно рассматривалась — богатые владения графов Тулузских перейдут королевскому дому Франции.

Десятилетней Жанне Тулузской при дворе королевы предстояло получить достойное воспитание и укрепиться в истинной вере — ведь она прибыла из опасной еретической страны. Надо полагать, что этим вопросом ее будущая свекровь озаботилась в первую очередь. Жанне следовало также сдружиться с будущим супругом. На это отводилось несколько лет, поскольку жених и невеста были еще детьми.

Девочка больше не видела ни своего отца, ни матери и воспитывалась под контролем королевы Бланки. Выдающаяся правительница умела внушать не только страх, но и преданность, и принцесса Тулузская скоро оказалась под обаянием этой сильной личности.

Скорее всего, Жанну строго охраняли. В те времена захват наследницы, олицетворяющей право владения землями и титулами, рассматривался как дело обыкновенное; некоторых знатных и богатых наследниц похищали несколько раз. Королева не доверяла своему кузену Раймунду — он был вполне способен на такой отчаянный шаг.

Получив девочку, он мог отдать ее своей родительской властью в жены нужному человеку и снова создать на Юге очаг сопротивления владычеству Капетингов.

Имеется очень мало сведений о жизни Жанны во Франции. По-видимому, сдерживаемая железной рукой свекрови, она не проявляла никакой самостоятельности, угнетенная не только мыслью об угрозе со стороны отца лишиться ее наследства, но и всеобщим подозрением по отношению к ней как к дочери покровителя еретиков. В детстве такие вещи могут создать комплексы на всю оставшуюся жизнь.

Жанна осознавала свою значимость как благородной принцессы и богатейшей наследницы. Однако ей постоянно внушали страх новой женитьбы отца и рождения у него сына. Тогда она теряла почти все — приданое, значение и будущее, поскольку в новом качестве была неинтересна королевскому дому Франции. Такие перспективы не могли внушить девочке большую любовь к отцу, тогда как большинство авторов неизменно подчеркивают глубокую привязанность Раймунда к дочери. Наверное, граф, занятый войнами и политикой, уделял не слишком много человеческого тепла ребенку, но существование наследницы определяло его положение в феодальном обществе. Отсюда — заинтересованность и внимание к Жанне.

Когда был заключен брачный договор Жанны Тулузской и принца Альфонса, точно неизвестно. Как уже говорилось, Бланка Кастильская и Раймунд Тулузский были двоюродными братом и сестрой, так что степень родства между их детьми требовала от Рима специального разрешения на брак. Такое разрешение было получено в 1229 г. Как возможные даты свадьбы называются 1234 и 1241 гг. Первая дата представляется более правдоподобной: королевский дом был крайне заинтересован привязать тулузскую на-

следницу к короне. Возраст жениха и невесты — 14 лет — позволял осуществить брачные планы, а слабое здоровье принца могло служить причиной откладывания его супружеской жизни на неопределенное время. Стала притчей во языцех тяжелая ревность, которую испытывала королева Бланка, видя сближение Людовика IX с его супругой Маргаритой Прованской. Но Альфонс не обнаруживал к своей нареченной той ласковости и нежной привязанности, которые выводили из себя Бланку в отношениях старшего сына и его жены.

В пользу 1234 г. свидетельствует и тот факт, что тогда состоялась свадьба короля, а в Средневековье часто устраивали совместно сразу несколько свадебных торжеств. Если это так, то замужество Жанны Тулузской прошло совершенно незаметно для современников, коль скоро даже дата этого события неизвестна.

С другой стороны, свадьба принца королевского дома и тулузской наследницы могла состояться в 1241 г. по достижении Альфонсом совершеннолетия — ему исполнился 21 год. Известно, что в это же время он был посвящен в рыцари — это важнейшее событие в жизни средневекового дворянина могло быть связано также и с женитьбой.

Однако не надо думать, что, став посвященным рыцарем, принц Альфонс не сходил с седла и не снимал доспехов. Рыцарями являлись все те, кто реально сосредотачивал в своих руках власть. Рыцарство представляло собой элиту общества. Посвящая немощного брата в это высокое звание и признавая за ним владение богатейшими территориями Европы, Людовик IX объявлял его одной из высочайших персон королевства.

Французский король, а вернее, его властная матушка приурочила к совершеннолетию Альфонса передачу ему

графства Пуатье вместе с Овернью, что завещал еще Людовик VIII. Но их требовалось сначала отобрать у семьи ла Марш. Когда Людовик IX вместе с королевой-матерью привезли принца в Пуату, чтобы тот принял оммаж от своих вассалов, бароны попытались прогнать французов. Они призвали на помощь короля Англии Генриха III. И только победы короля Людовика при Тайльбурге и Сенте заставили англичан покинуть Пуату. Наконец, Капетинги утвердили здесь монархический порядок; однако эта победа в следующем веке привела к Столетней войне между Францией и Англией.

Все-таки, скорее всего, брак был заключен в 1234 г. Вряд ли королева Бланка рискнула до 21 года держать незамужней Жанну, такую бомбу замедленного действия: она могла влюбиться не в своего нареченного, ее могли похитить, в конце концов, она могла умереть от какой-нибудь болезни. Тогда неминуемо появились бы сложности с наследованием Тулузы.

Когда бы ни был заключен брак, в Крестовый поход Людовика IX Альфонс отправился вместе с женой. С ними должен был отплыть и Раймунд VII. Однако он только попрощался в Эг-Морте с дочерью и зятем — нездоровье помешало ему присоединиться к крестоносцам. Здесь дочь и отец увиделись в последний раз.

Если задаться вопросом, была ли Жанна Тулузская счастлива, ответ может быть только отрицательным. Не исключено, что она любила и жалела своего болезненного супруга, вместе с которым выросла. Однако личные качества этого принца не особенно располагали к нежности и сочувствию. Невозможность иметь от него ребенка убивала в зародыше все добрые порывы, оскорбляла ее женское достоинство. Крепкая и здоровая женщина по вине мужа

обречена была влечить существование бесплодной смоковницы.

Похоже, Жанна была привязана к Бланке Кастильской. Но после смерти королевы чары рассеялись, и горькая правда предстала перед графиней Тулузской с жестокой очевидностью. Милая тетушка, почти вторая мать, по существу, лишила ее наследства. Но чтобы ни заставила Бланка написать королевских юристов относительно наследственных прав Жанны, та и не думала отречься от своего сана и ощущала себя законной графиней Тулузской, маркизой Прованской, герцогиней Нарбоннской и прочая.

Как только Раймунд испустил последний вздох, королевский чиновник известил об этом королеву Бланку. Та незамедлительно организовала передачу власти представителям сына, нового правителя страны, и через двадцать дней консулы Юга уже принесли присягу графу Пуатье.

Тем не менее титулы унаследовала Жанна. Было очень кстати, что сейчас она находилась в Сирии; французы успели занять все командные посты и глубоко укорениться на завоеванной земле.

Не скоро весть о кончине графа дошла до крестоносного войска. Наверное, Жанна встретила ее со сложным чувством. Она была искренне верующим человеком, поэтому пыталась вызвать в себе надлежащую скорбь, но, скорее всего, основным переполнявшим ее чувством была радость освобождения. Наконец она получила то, что ей причиталось по праву рождения; можно было перестать бояться непредсказуемых поступков далекого и чужого человека — ее отца.

О пребывании Жанны и Альфонса в Сирии имеется очень мало сведений. В частности, упоминается, что под Эль-Мансуром принц командовал правым флангом коро-

левской армии. Известно, какой катастрофой закончился этот Крестовый поход, вошедший в историю под названием Шестого. Войско крестоносцев было практически истреблено; султан писал своему наместнику в Дамаск: «Если хочешь знать число убитых, то подумай о морском песке, и ты не ошибешься». Погиб первый «супруг» Жанны, Гуго XI Лузиньян. Король и его братья, Альфонс Пуатье и Карл Анжуйский, были взяты в плен.

Жанна находилась вместе с королевой Маргаритой в Дамьетте. Как героически, но вместе с тем женственно вела себя беременная на последнем сроке Маргарита, поведал в «Воспоминаниях...» очевидец и участник Крестового похода, преданный королеве Жуанвиль. Но никаких упоминаний о Жанне, которая по всем расчетам должна была находиться рядом со страждущей родственницей, мы не находим. Это не может не удивлять. Мало того что обе женщины были замужем за родными братьями, и та и другая были южанками и происходили из Прованса; графиня Тулузская являлась важной фигурой — второй по значению после королевы. Тем не менее создается впечатление, что ее вовсе не было.

Едва оправаясь после родов, Маргарита ведет переговоры о выкупе супруга и его братьев — и снова о Жанне ни слова. А ведь она была очень богата и, безусловно, внесла какую-то сумму выкупа за Альфонса. За его освобождение султан потребовал четыре миллиона золотых.

Людовик IX остался в Сирии еще на четыре года, но его братья и настрадавшаяся королева с детьми вернулись во Францию. В этом списке опять не нашлось места Жанне.

Младший брат короля Людовика, Карл Анжуйский, убеждал невестку защищать свои права. Этот мрачный меркантильный человек действовал небескорыстно. Он не зря улещал Жанну: женатый на наследнице графства Про-

ванского, он надеялся по завещанию графини Тулузской получить еще и маркизат Прованский, а может быть, и более обширные владения.

Не подсежит сомнению, что Маргарита смертельно ненавидела Карла Анжуйского. Известно, что Жанна завещала ему значительную часть своих владений. Но эти факты никак не комментируются и не связываются между собой.

Остается предположить, что любые сведения о Жанне намеренно убирались из всех хроник и воспоминаний.

По возвращении на родину Альфонс после кончины королевы Бланки осуществлял регентскую власть вместе с братом Карлом Анжуйским. Затем с огромным рвением принялся за управление новыми владениями, доставшимися ему через жену. «Не чуждый гордости и ограниченного честолюбия, он любил самовластие».

Супруг Жанны, как почти все дети Людовика VIII, имел слабое здоровье. После торжественного въезда в Тулузу в октябре 1250 г. граф редко посещал свои южные владения и правил издалска. Его политика сводилась к целенаправленному выжиманию доходов из подданных. «Альфонс был государем алчным, старавшимся извлечь наибольшую возможную выгоду из своих земель». Что касается графини, то, хотя о ней почти ничего не известно, нельзя исключить, что она охотно отправлялась в свои наследственные поместья, где ее принимали с почетом и любовью. Там она ощущала себя государыней, кем и являлась по праву рождения.

Во время представления Альфонса в качестве правителя тулузского графства перед обоими супругами явился виконт де Ломань и признал себя их вассалом за земли своего виконтства и все территории, зависимые от Ажене. За это ему было возвращено виконтство Овиллар и другие ранее конфискованные владения.

Ломани происходили от древних герцогов Гаскони. Они состояли в родстве со знатнейшими фамилиями Юга и с графами Тулузскими и являлись родоначальниками второго дома могущественных графов Арманьяков.

Альфонс приучал новых подданных к мысли, что он их господин по праву завоевания и по праву наследования. Может быть, болезнь мешала проявиться его депотизму во всей полноте и жестокости, но южанам и этого было довольно.

Кроме того, он беспокоился о духовном климате на приобретенных им землях и в силу этого всемерно поддерживал инквизицию. Ее успешные действия привели к почти полному истреблению еретиков, но воинствующая религиозность Альфонса требовала подвигов во имя веры. Он нашел ей применение в борьбе с засилием евреев.

Несмотря на давление папы и церкви, тулузские графы в течение целого столетия оказывали могущественное покровительство евреям. Крестовый поход против альбигойцев отчасти вызван был тем обстоятельством, что Раймунд VI и его вассалы назначали евреев на некоторые публичные должности. За это, в числе других проступков, тулузскому графу и двенадцати главным его вассалам пришлось на совете в Сен-Жиле (1209) покаяться и поклясться, что в будущем они не станут назначать представителей избранного народа ни на публичные, ни на частные должности. Положение евреев ухудшилось, когда в 1229 г. Раймунд VII принужден был уступить Бланке Кастильской часть своих владений. Но еще более печальным стало их положение, когда после смерти Раймунда его наследство перешло к Альфонсу Пуатье.

Политика, которой держался по отношению к евреям Альфонс, напоминала политику его брата с той, впрочем, лишь разницей, что Людовик Святой стремился уничто-

жить в своем государстве ростовщичество, тогда как Альфонс желал лишь обогатиться. В качестве графа Пуату он даровал жителям Ла-Рошели привилегию, освобождавшую их от обязанности давать приют евреям. Он готов был также изгнать евреев из Пуатье и других городов при условии, что эти города возместят ему убытки, понесенные вследствие ухода евреев. Но те, очевидно, предлагали большие суммы за право остаться. Альфонс велел евреям носить отличительный знак, однако за плату он освобождал их от этой обязанности. Когда в 1268 г. ему понадобились деньги, он распорядился арестовать всех евреев в его владениях и подверг ссвестру их имущество. Альфонс имел в виду повторить эту процедуру и на землях баронов, но последние воспротивились, так как сами получили от евреев много золота за право жить на их территории. Альфонсу пришлось уступить. Сенешалю было приказано обещать евреям свободу за определенный выкуп и велеть им послать к графу двух из наиболее богатых узников для ведения непосредственных переговоров. В конце концов, евреи были выпущены на свободу, дав обещание уплатить крупные суммы. Результат этого грабежа не оправдал, однако, надежд графа, так как значительная часть денег, отнятых у евреев, попала в карманы его агентов.

Альфонс выделил большую сумму старинному бенедиктинскому аббатству Сен-Савен-сюр-Гартамп¹, известному своими фресками, на расширение и строительство новых зданий. Такие пожертвования обычно делали бездетные супруги, моля Господа о ниспослании им потомства. Детей у супругов, как уже отмечалось, не было, вероятно, по причине хилости Альфонса, которого после возвращения

¹ Аббатство Сен-Савен-сюр-Гартамп, «романская Сикстинская капелла», включено в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

из Святой земли разбил паралич. В Париже истоиво желали, чтобы его брак остался бездетным. Это было более чем вероятно, и на эту вероятность возлагались большие государственные надежды.

Болезненный, мнительный, трудолюбивый и утрюмый, Альфонс был столь же религиозен, как его брат, но «в нем не было величавой кротости духа, идсальных стремлений и готовности к самопожертвованию Людовика Святого». Полный надменности и ограниченного честолюбия, он усвоил в решениях формулу самодержавного государя: «Так угодно господину графу». Вырисовывается не слишком привлекательный портрет ханжеватого брюзги, обиженного на весь свет и занятого только своими болячками и стяжательством. Учитывая, что Бланка Кастильская не ревновала Альфонса к его жене, он испытывал к Жанне весьма умеренную привязанность.

Как ни давили на Раймунда VII в Мо, он подписал завещание в пользу дочери Жанны, и никак иначе. Граф никогда не обязывался завещать свой удел французской короне. Это вызвало досаду королевы Бланки, но она нашла выход. По смерти графа Тулузе велено было присягать не «графине Жанне, ее супругу и их детям», а, наоборот, «графу Альфонсу, его жене Жанне и их детям». Как полагают почти все историки того времени, французское правительство, по сути, совершило политический подлог.

Бланку Кастильскую недаром называли «злым гением провансальской национальности». Она изменила порядок слов в завещании Раймунда: приказала поместить имя и титул сына раньше имени Жанны. Такой поворот дел королевские юристы объясняли тем, что «граф Раймунд ошибся». Графство согласно завещанию оставалось достоянием Жанны, ее приданым. В силу законов, действующих в стра-

не, она могла передать его после смерти мужа детям и за неимением детей — кому угодно; могла, овдовев, вступить в новый брак.

Жанна не была в момент смерти отца маленькой несмышленной девочкой. Ей исполнилось 29 лет, и, по-видимому, она устала от положения бездетной — причем не по своей вине — женщины. Учитывая, что ее не видели в бесплодии и никаких попыток дать ее мужу более плодovitую супругу, даже пожертвовав землями Жанны, не зафиксировано, окружающим было ясно, что ждать потомства от Альфонса не приходится. В перспективе у Жанны вырисовывался только монастырь. А пока она видела, что ее землями бесцеремонно распоряжаются, как считают нужным в Париже, ставя Альфонса, а не ее перед свершившимся фактом.

В Жанне крепло сознание, что она — законная государыня Тулузы. Ее жизнь была принесена в жертву интересам королевского дома Франции, а взамен ей не дали ничего — ни любви, ни детей, ни даже уважения. По мере того как самосознание Жанны возрастало и она, скорее всего, делала попытки изменить ситуацию, ее стали опасаться. Всевышний наградил принцессу крепким здоровьем, и никто не поручился бы, что она, овдовев, не выйдет замуж вторично.

Как правительница Жанна не давала доказательств преданности французским интересам. Она вступила в некие отношения с родными на Юге. По-видимому, у нее завязалась дружба с представителями дома де Ломань, и она нашла в ней выход чувству привязанности; ведь в Париже графиня была, в сущности, одинока. Может быть, в ней заговорил голос крови, но не исключено, что в то время ей были доверены мистические знания о Святом Граале.

По странным и неясным намекам относительно семьи Ломань можно предположить, что кто-то из Ломаней был исключительно близок к Граалю. Вероятно, одна из женщин этого рода была его Хранительницей или поддерживала Хранителей материально. Должно быть, графинс Жанне раскрыли тайну священной реликвии и рассказали о трудностях, связанных с ее оберегом. Скорее всего, графине не было известно, где скрыт Грааль (все-таки она была женой врага), но она знала, что он есть, и именно его существование объединяет ее побежденных, но непокоренных подданных. Трудно поверить, что она не была посвящена в сокровенные тайны страны, принадлежавшей ей по праву рождения.

Здесь возникает законный вопрос: является ли случайностью, что во французской истории Священный Грааль и Жанна Тулузская окружены настоящим заговором молчания? Не исключено, что последняя правительница Юга оказалась связанной с загадочной реликвией более тесно, чем представлялось и хотелось французскому двору. Одинокая пренебрегаемая женщина с сильными чувствами, которые так и не были реализованы, могла стать самым пламенным адептом поклонения всемогущей и таинственной святыне.

Результатом явилось завещание, составленное на самых законных основаниях, с соблюдением всех формальностей, с подписями семи свидетелей. В нем она оставляла области Альбигуа, Аженуа, Руэрг и Керси своей родственнице Филиппе, племяннице виконта де Ломаня. Венессен она отказывала Карлу Анжуйскому. Никаких обоснований этого ее поступка мы не находим. О завещании французскому правительству было известно, и принцессе было выражено крайнее недовольство. Сам факт передачи достояния южным родственникам, а не семье мужа, в которой она жила с

детства, свидетельствует о существовании исключительно веской причины такого поступка.

Прижизненных изображений Жанны очень немного; нет и описаний ее внешности, характера, привычек. Одной из самых знатных женщин Франции как будто и не существовало в природе. Лишь посмертная маска на гробнице является потомкам ее лицо не только красивое, но и значительное. От такой женщины можно было ожидать чего-то смелого и энергичного. Ведь если Бланка Кастильская приходилась внучкой Алиеноре Аквитанской, Жанна была ее правнучкой. Испанская и польская кровь со стороны матери перемешалась в ней с анжуйской, аквитанской и гасконской кровью со стороны отца. Она все чаще вспоминала о своем происхождении и правах, хотя ее время безвозвратно уходило.

Обстоятельства складывались против нее.

В конце 60-х гг. XIII столетия Людовик IX вновь встал во главе крестоносного движения. Можно изумляться настойчивости, с которой он преследовал свою заветную цель — освобождение Святой земли от мусульманского засилья, — несмотря на тяжкий урок, полученный во время предыдущего похода. Поздней весной 1270 г. армия крестоносцев во главе с королем, его братьями и сыновьями погрузилась на генуэзские суда, чтобы в очередной раз попытаться освободить от неверных землю, где претерпел мучения Спаситель. Среди знатных пилигримов вместе с Альфонсом Пуатье находилась и Жанна Тулузская.

Непосредственная цель похода еще не была определена. Считалось, что тунисский эмир обнаруживает склонность к христианству и что привлечение его в лоно католической церкви даст сильного союзника для последующей войны с египетским султаном. На самом деле Людовик оказался жертвой ловкой политической интриги, целью которой

было подчинение Туниса власти Сицилийского королевства, где правил Карл Анжуйский.

О печальном окончании этого злосчастливого похода хорошо известно. Никакие политические и религиозные цели достигнуты не были. Непривычная африканская жара привела к эпидемии во французском лагере. Смерть унесла короля-пилигрима Людовика IX, его сына Жана Тристана, папского легата и множество знатных вельмож. Заразились Альфонс Пуатье и ухаживавшая за ним Жанна. Была их болезнь чумой или дизинтерией, теперь не так уж важно. Главное, что они выжили в тех ужасных условиях. Но здоровье супругов не могло быть крепким после перенесенного недуга и тяжелых душевных потрясений. Они рассчитывали поправить его итальянским климатом и провели зиму на Сицилии, а весной из Неаполя морем отправились в Геную. Как сказано в одной итальянской летописи, граф Альфонс еще на Сицилии почувствовал себя настолько больным, что, боясь умереть на чужбине, потребовал доставить себя на родину. Смерть застала его 21 августа 1271 г. близ Сиены.

Кончина графа Пуатье не была неожиданной, скорее удивляло, что он так долго продержался. Но спустя три дня после его смерти у вполне здоровой Жанны начались мучительные припадки и, прежде чем успели оказать ей помощь, последняя представительница Сен-Жильской династии скоростижно скончалась в возрасте 51 года.

Смерть Альфонса Пуатье и его супруги была весьма выгодна новому французскому королю Филиппу III. Перед отъездом в роковой Крестовый поход Альфонс оставил относительно своих владений частное завещание, не имевшее юридического значения. Но после устранения с политической сцены Жанны Тулузской оно становилось

официальным документом. Поэтому предположение о насильственной смерти Жанны вовсе не кажется нелепым. Об этом долго говорили на Юге, несмотря на строгое запрещение. В Италии слухи об отравлении «последней отрасли графов Тулузских» были занесены в официальную генуэзскую летопись.

Завещание Жанны тотчас было признано недействительным. Принцессе Филиппе и Карлу Анжуйскому парижский парламент наотрез отказал в их претензиях на ее наследство. Впоследствии был принят закон, согласно которому все уделы во Франции по прекращении мужского колена как выморочные должны переходить к короне. Дочь Филиппы де Ломань, Маркезия де Талейран, пыталась сохранить за собой виконтство Ломань, но принуждена была уйти в монастырь. Ее земли последовательно передавались принцам из дома Капетингов, затем перешли в семью де Го и достались племяннику папы Климента V.

Филипп III не был выдающимся монархом. Человек дюжинный, ограниченный, он постоянно находился под влиянием более сильной личности. Сначала это была мать, королева Маргарита; затем жена — Изабелла Арагонская. Она погибла, возвращаясь из злосчастного Крестового похода, когда на большом сроке беременности при переправе через реку ее сбросила норовистая лошадь. Очередным кумиром Филиппа стал его дядя Карл Анжуйский. Он вовлек слабовольного племянника в войну с Арагоном. И здесь Филипп проявил странную заинтересованность не только приграничными территориями Испанского королевства, граничившими с Окситанией, что было бы резонно. Он требовал сдать ему замки, в которых, как считали современники, нашли последнее пристанище уцелевшие катары.

Что это — совпадение? Или король так ненавидел ересь, что желал во что бы то ни стало уничтожить даже последние, почти незаметные ее следы? Или все-таки его интересовали тайные знания, которыми якобы обладали сретрики?

Филипп III совсем не походил на своего рационального сына Филиппа Красивого и наивно верил в волшебство. Летописец с легкой издевкой рассказывает, как монарх обращался к некоей гадательнице, чтобы узнать, верна ли ему вторая супруга Мария Брабантская. Воображение романтического Филиппа определенно будоражило сказание о Святом Граале. Вероятнее всего, ему хотелось волшебным образом с помощью тайных сил стать самым могущественным правителем Европы. Он пламенно мечтал об императорском престоле. И, возвращаясь из гибельного похода на Арагон, уже смертельно больной, король Филипп Отважный, должно быть, горько сожалел, что не сумел овладеть священной реликвией, дающей власть, могущество и бессмертие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И все-таки что же представлял собой Святой Грааль, этот неуловимый и необъяснимый артефакт? Был ли он веществен? Являлся ли сокровенной реликвией, которую стремились обрести люди Средневековья, или символом вечного поиска недостижимой цели? Почему он до сих пор волнует воображение и тревожит души, несмотря на явный недостаток доказательств, что он вообще существует? Многие полагают, что Грааль — это «чувство неуловимого утерянного слова, которое не найдено до сих пор».

В многочисленных трудах, передаваемых из поколения в поколение служителями церкви, нельзя встретить имя Грааль. Во время Альбигойских войн представители Рима осудили романы о Граале как еретические и опасные.

Обычно многословный Жан Жуанвиль, летописец Крестового похода Людовика Святого, только один раз как будто по случайности упоминает об альбигойцах с их Граалем. Но чудесное предание о Святом Граале должно было быть ему хорошо известно. Поэтому можно предположить, что таинственная святыня, окруженная заговором молчания, являлась для преданных делу церкви своего рода табу.

Католическая церковь никогда ничего не прощала и не забывала, а инквизиция ревностно следила не только за делами, но и за мыслями людей. Если бы ее служители овладели Граалем, сила Рима возросла бы неизмеримо — он мог добиться мирового господства. Но святыня катаров исчезла. С тех пор спрятанное сокровище вызывало любопытство настолько же сильное, насколько безрезультатное.

Торжество Севера над Югом не могло осуществиться без участия Рима. Противостояние католической веры и ереси, которая, победив, могло изменить лицо мира, закончилась победой церкви. Триумф ознаменовался многочисленными благодарственными молебнами и патетическими проповедями католических иерархов.

Дело катаров было фактически проиграно. Правда, после падения Монсегюра они не остались полностью беззащитными. На границе с арагонским Руссильоном альбигойцы владели действительно неприступным замком Керибюс, где укрывались несколько катарских пастырей. Однако после смерти Раймунда VII и отречения Транкавеля будущего у катаров не было.

Сам катаризм к концу XIII в. несколько изменился. Прежде всего, мощные дворянские роды, доселе его основная опора, или исчезли, что случалось чаще всего, или вернулись в лоно католической церкви. Катары возлагали последние надежды на дом де Фуа, сохранивший незави-

симось, но невозможно предположить, что эти сеньоры, искавшие теперь европейских корон, действительно намеревались спасти преследуемую церковь.

В 1255 г. был взят Керибюс. Избежавшие гибели катары рассеялись по лесам и пещерам испанского приграничья. Последний катарский проповедник, великий пастырь и, по видимому, последний из Хранителей, Пьер Отье был выслежен, схвачен и сожжен в 1307 г. в Тулузе, хотя его влияние ощущалось еще много лет после гибели. Упоминаний о нем в связи со священной реликвией или сокровищами катаров не имеется. Но, может быть, катарского пастыря уничтожили, не добившись никаких сведений о них?

Гийом Белибаст был «утешен» Пьером Отье в конце его апостольства. Он бежал в Испанию, где вел жизнь отверженного в горах Валенсии. Тем не менее туда добрался агент инквизиции Арно Байль, внушивший ему доверие, поскольку принадлежал к старой катарской семье. У Байля была причина стать провокатором: предавая Доброго человека, он думал только о возвращении своего имущества, реквизированного инквизицией. Байль долго убеждал Белибаста вернуться во Францию. Едва несчастный пастырь ступил на землю графства Фуа, как был арестован. Зачем была устроена эта операция для возвращения Совершенного, «и так уж полумертвого от голода и тщетных ожиданий»? Не для того ли, чтобы узнать у него некую тайну? Осужденный архиепископом Нарбоннским, Белибаст в 1321 г. был сожжен в Вильежусе, близ Каркасона.

Уцелевшие после всех несчастий рядовые катары, как полагают, были замурованы в пещерах Ломбрива по приказу французского папы Бенедикта XII.

Не стало костров для катаров, так как инквизиция их теперь уже не находила. Их полное исчезновение удивляет, тем более что одновременно они исчезли в Северной Италии, так долго служившей убежищем альбигойцам.

Церковники добились своей цели. Некогда такое мощное движение катаров формально было стерто с лица земли инквизицией. Сегодня ученые считают Крестовые походы XIII в. против альбигойцев, положивших начало инквизиции, первым холокостом, идейным геноцидом на территории Европы. Были уничтожены не только философия, религия, люди, но и сама память о событиях тех лет. Более того, Альбигойский крестовый поход и преследования инакомыслия уничтожили высокую романскую культуру, окситанскую цивилизацию, поэзию и даже язык; он сохранился только в виде местного диалекта.

Это представляется столь невероятным, что не раз высказывалось предположение, что выжившие еретики переродились в каготов — презираемое в Пиренеях племя цыган. Сами каготы тоже верили в это: в прошении папе Льву X в 1517 г. они просили святого отца принять их обратно в человеческое общество, поскольку заблуждения и ошибки своих отцов они давно уже искупили. Во французской Наварре каготы только в 1709 г., а в испанской Наварре лишь в 1818 г. получили гражданские права.

Казалось, это еретическое альбигойское заблуждение забыто навсегда, вычеркнуто из истории Европы. Но самым невообразимым образом память о нем то и дело возрождается. Невозможно заставить южан забыть свои предания и легенды — сама окружающая природа напоминает людям о славном прошлом их предков. Появлялись произведения литературы, исторические исследования, поддерживаю-

щие национальную гордость; духовное наследие альбигойцев возрождалось в следующие века.

Любое скрытое движение в обществе, какими бы обыденными причинами оно ни вызывалось, всегда подозревалося и до сих пор подозревается в связи с неким мистическим всеобщим заговором.

Сначала видели загадочную связь между катарами и тамплиерами.

Вокруг ордена тамплиеров сложилось множество легенд. По одной из них, тамплиеры заняли Храмовую гору в Иерусалиме (от которой орден и получил название) потому, что в ней были сокрыты несметные ценности. Первые храмовники якобы нашли потерянные сокровища Храма Иерусалимского, в том числе и ковчег Завета. Тамплиерам приписывали владение тайными знаниями, открыть которые они не смели даже под страхом смерти. Юрист короля Филиппа Красивого, подготовивший процесс осуждения тамплиеров, говорил о некоем великом секрете, известном только им. Подозревали, что этот секрет касался истинной сущности и местонахождения Святого Грааля.

Многие авторы отождествляют рыцарей «темшейзенов», охранявших Грааль в поэме «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, с рыцарями-тамплиерами. Они, подобно храмовникам, были также чисты душой и принимали обет целомудрия. Но в русском переводе этого произведения средневекового немецкого поэта хранители Грааля названы тамплиерами и храмовниками. По-видимому, от этого и произошло сближение понятий.

Атмосфера тайны — единственное, что объединяет рыцарей Храма и альбигойцев.

Многие идеи катаров воплотились в учении Реформации. И хотя реформационное учение альбигойцев, воз-

никшес за триста лет до нсе, как метеор, промелькнуло на горизонте истории, оно высветило своим сиянием новые возможности человечества, о которых не задумывались ранее. Духовные трибуналы оказались бессильными против развивающегося протестантизма. Реформация пустила наиболее глубокие корни именно в тех местах, где ранее больше всего был укреплен катаризм. Первые протестантские историографы иногда называли альбигойцев одними из своих великих предшественников.

Мистическая и таинственная история альбигойцев не забылась, не исчезла полностью из памяти живых. Премником катаров стало некое секретное общество людей, обладающих сверхъестественными силами. За ними признавали способность предсказывать будущее, проникать в тайны природы, превращать неблагородные металлы в золото, изготавливать эликсир жизни, или универсальную панацею, с помощью которой можно сохранить вечную молодость. Более того, они повелевали стихиями, обладали философским камнем — субстанцией, делающей его владельца мудрейшим, всемогущим и бессмертным.

Один из символов этого общества — роза на кресте. Роза, которая у катаров изображалась в виде цветка с лепестками-лучами и олицетворяла солнце, означает начальную душу человека, некий ключ, который он несет в себе. Крест — не крест Голгофы, на котором страдал Спаситель, а четырехконцовый, равносторонний, указывающий на четыре стороны света. Он символизирует примирение веры со знанием, религии — с философией и наукой. Роза и Крест — сфера бесконечного. Роза, нежный запах которой символизирует откровение жизни, помещается в центре Креста, геометрической фигуры, выражающей ту идеальную точку, где сходятся две линии, пересекающиеся в бесконечности. Между этими лучами древние маги помещали

изображение четырех букв: И.Н.Р.И., которые рисовали на кресте Иисуса Христа.

Речь идет об обществе розенкрейцеров.

Основателем общества принято считать легендарного Христиана Розенкрейца, который, по преданию, во время своих путешествий по странам Средиземноморья овладел тайной мудростью и поделился ею с тремя единомышленниками. Позднее число личных учеников увеличилось до восьми. Со временем они разъехались по разным странам.

Однако Розенкрейц только воскресил забытые знания.

В 45 г. Ормус в Египте основал орден Розы и Креста, пытаясь примирить принципы христианства с древними дохристианскими таинствами. Только избранные, обладающие особыми качествами ума и сердца, могли войти в это духовное содружество, чтобы действовать на благо всего человечества. Оно олицетворяло те силы Добра, которым поклонялись и за которые сражались альбигойцы.

Из всех существующих ныне религиозных групп розенкрейцеры являются самой непонятной и загадочной. Даже те исследователи, которые многие годы изучают сравнительное богословие, считают их доктрины чрезвычайно сложными для понимания и затрудняются классифицировать эту группу. Розенкрейцеры позаимствовали свои доктрины почти у всех известных миру религий, школ философии и некоторых восточных учений. Но, по всей видимости, розенкрейцеры пытаются взять лучшее из основных вероучений и синтезировать из них всеобщую религию.

Окситания стала (и не могла не стать) колыбелью ордена рыцарей Розы и Креста. Значит, все страдания, перенесенные катарями, все жертвы, на которые они шли, были принесены не напрасно.

Спустя восемь веков, в 2000 г., папа Павел Иоанн II публично принес миру извинения за постыдные действия католической церкви, в том числе и страшное ее порождение — инквизицию, возникшую в период Альбигойских войн.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1126. Сожжение с Сен-Жиле ересиарха Пьера де Брюи
- 1145. Святой Бернар отправляется в Окситанию
- 1147. Второй крестовый поход
- 1148. Графом Тулузским становится Раймунд V (1133—1194). Брак Раймунда и Констанции Французской.
- 1150, ок. Рождение Симона де Монфора
- 1154. Папой становится Адриан II.
- 1155 Рождение Эсклармонды де Фуа
- 1156, 27 октября. Рождение Раймунда VI
- 1157. Рождение Раймона-Роже де Фуа (ум. 1222/3)
- 1159. Смерть папы Адриана II. Папой становится Александр III
- 1163. Церковный собор в Бурже против альбигойской ереси
- 1165, ок. Рождение Гильберта де Кастра. Симпозиум в Ломбере. Раймунд V разводится с женой Констанцией Французской
- 1167. Катарский собор в Сен-Феликс-де-Карамане; 15 октября — убийство в Безье Транкавеля, его младшего сына, баронов и епископа
- 1170. Рождение святого Доминика. Возникновение движения вальденсов
- 1171. Старшая дочь Раймунда V Аделаида становится женой виконта Безье и Каркассона Раймона-Роже Транкавеля

1174. Рождение Педро Арагонского, будущего Педро II

1176. Женитьба Раймунда VI на Эрменсинде де Пеле

1179. Третий Латеранский собор подтверждает суровые меры против еретиков Гаскони, Тулузы и Альби. Катары отлучены от церкви. Папа на Вселенском соборе в Латеране требует от князей карать еретиков. Роже Транкавель переходит на сторону короля Арагона. Раймунд VI вместе с виконтом Безье, графом де Фуа и большинством баронов Романьи отлучен от церкви папой Александром III

1180. Смерть Людовика VII Толстого. Французский престол занимает Филипп II. Второй брак Раймунда с Беатрис Безьерской. 28 апреля — брак Филиппа II с Изабеллой д'Эно

1181. Богословский диспут в Ломберсе. Кардинал Анри де Марсиак осаждаст в Лаворе Аделаиду Тулузскую, укрывающую катарских епископов. Папой становится Луций III

1184. Веронский собор объявляет еретиками вальденсов. Папа поручает епископам разыскивать в своих диоцезах еретиков для привлечения их к суду

1187. Отец Эсклармонды Роже Бернар I завещает дочери замок Монсегюр на горе Фавор

1188, 4 марта. Рождение Бланки Кастильской; 5 сентября — рождение Людовика Французского, впоследствии короля Людовика VIII. Король Альфонс Арагонский распространяет влияние на Беарн и Бигорр, овладевает Каспе, приобретает Сердань и Руссильон

1192. Возвращение Филиппа II из Палестины во Францию; начало англо-французских столкновений на континенте

1193. Смерть Раймона-Роже I Транкавеля

1194. Смерть Раймунда V. Графом Тулузским становится Раймунд VI. Король Арагона Альфонс II добивается руки

Аделаиды. Союз Раймунда VI и Ричарда Английского; 5 июля — победа Ричарда Львиное Сердце над французами при Френтевеле; 1 августа — англо-французское перемирие. Смерть Аделаиды Тулузской

1196, октябрь. Раймунд VI женится на Жанне Плантагенет. Он снова отлучен папой Целестином III. После смерти Альфонса II королем Арагона становится Педро II

1197. Рождение Раймунда VII. Кончина Жанны Английской. Король Арагона изгоняет из государства еретиков

1198. Смерть папы Целестина III в возрасте 90 лет. Начало понтификата Иннокентия III. Иннокентий, надеясь на лояльность графа, снимает с него церковное отлучение. Начало Четвертого крестового похода, который закончится взятием христианского Константинополя

1199, 6 апреля. Смерть Ричарда Львиное Сердце. На английский престол вступает король Джон

1200, ок. Смерть супруга Эсклармонды. 23 мая — свадьба Людовика Французского и Бланки Кастильской.

1202. Симон де Монфор отказывается штурмовать христианский город Зару

1203. Взятие крестоносцами христианского Константинополя. Возникновение Латинской империи во главе с Балдуином Фландрским. Папа отправляет под началом настоятеля Сито Арно Амори нарбоннского легатов в графство Тулузское для обращения заблудших

1204. В Фанжо Эсклармонда вступает в лоно катарской церкви. Раймунд VI берет в жены Леонору, сестру Педро II. Пьер Роже де Мирпуа, раненный при покушении на него католиков, принимает *consolamentum*. Папа Иннокентий предлагает Филиппу Французскому завоевать графство Тулузское. Педро Арагонский вручает свое государство Иннокентию III

1206. Первая проповедь святого Доминика перед катарами. Он создает первый доминиканский монастырь в местечке Пруй близ Кастильнодари

1207. Эсклармонда организует богословский диспут в Памье; католики посрамлены. Иннокентий отлучает Раймунда VI от церкви. Конференция в Монреале. Гильберт де Кастр побеждает в дискуссии святого Доминика. Легат Пьер де Кастильно формирует лигу баронов против графа

1208, январь. Убийство папского легата Пьера де Кастильно. Подозрение падает на Раймунда VI

1209. Раймунд VI подвергается бичеванию в соборе Сен-Жиля. Папа снимает с него отлучение с условием принять крест против еретиков; 22 июля — взятие Безье и уничтожение его жителей. Педро Арагонский неудачно заступает за виконта Роже II Транкавеля; 10 августа — пленение Транкавеля. Посвящение Луи Французского в рыцари. Отлучение от церкви короля Джона. Брак Фридриха и Констансы Арагонской; 15 августа — взятие Каркассона. Симон де Монфор становится предводителем крестоносного войска. Арно Амори жалует ему виконтство Безье и Каркассона; 10 ноября — таинственная смерть Транкавеля

1210. Взятие крестоносцами под командованием Монфора Каstra Минервы (сожжены 140 еретиков), Монрсалья, Терма. После взятия Брама Монфор приказывает выколоть глаза, отрезать нос и верхнюю губу сотне пленных

1211. Раймунд Младший женится на Санче, сестре Педро Арагонского. Монфор берет город Лавор и предаст казни его владелицу Жеральду. В Лаворе сожжено 400 еретиков. Взятие Монфором Кастильнодари. Педро Арагонский принужден папой принять оммаж у Монфора за Безье и Каркассон. Инфант Хайме передан Монфору

1212. Монфор захватывает Ажене. Взятие Монфором Кассеса, сожжено 60 еретиков; 16 июля — в составе коалиции испанских королей Альфонса VIII Кастильского и Альфонса IX Леонского Педро разбивает мусульман в битве при Лас-Навас-де-Толосе; декабрь — Симон де Монфор принимает «статуты Памье». Фульк Марсельский объявляет Тулузу еретическим городом

1213, январь. На Лаворском соборе заступничество Педро Арагонского за окситанских правителей отклонено. Джон Английский приносит вассальную присягу Иннокентию III; 12 сентября — в битве при Мюре войско южан разбито, Педро Арагонский погиб

1214, 25 апреля. Рождение Людовика IX; 27 июня — победа Филиппа Августа при Бувине над Джоном Английским и императором Оттоном IV. Граф де Фуа признает свое поражение и примиряется с церковью. Фульк Марсельский приглашает в Тулузу святого Доминика

1215, январь. На соборе в Монпелье Симон де Монфор признан графом Тулузским; ноябрь — IV Латеранский собор. Иннокентий подтверждает права Монфора на графство Тулузское. Новое осуждение альбигойцев и вальденсов

1216. Раймунд Младший возвращает себе юго-запад Окситании. Поход Людовика Французского за английской короной. Раймунд VI бежит в Испанию; 19 октября — смерть короля Джона. Коронация Генриха III; ноябрь — разорение Тулузы Монфором; 16 июля — кончина папы Иннокентия III в Перудже

1217. Гонорий III избран папой. Раймунд VI возвращает Тулузу. Монфор безрезультатно осаждает город

1218, 24 июня. Гибель Симона де Монфора под стенами Тулузы. Командование переходит к его сыну Амори. Папа предаст анафеме вальденсов

1219, январь. Амори де Монфор разбит войском южан под Базьежем. К весне граф Тулузский возвращает большую часть родовых сеньорий. Вступление в войну Людовика Французского. Принц уничтожает Марманд, но уходит, не в силах взять Тулузу

1220. Неудачи крестоносцев. Из изгнания возвращаются Совершенные. Гильберт де Кастр становится катарским епископом Тулузы. Рождение дочери Раймунда Молодого Жанны; ноябрь — Гонорий III коронует Фридриха Гогенштауфена и Констансу Арагонскую императорской короной

1221. Граф де Фуа возвращает Монреаль, Лиму и Фанжо. Смерть святого Доминика

1222. Кончина графа Раймунда VI. Безье, Нарбонн и Минерва изгоняют крестоносцев; 23 июня — кончина императрицы Констансы Арагонской

1223, 14 июля: смерть Филиппа Августа. На престол вступает Людовик VIII. Коронация Людовика и Бланки Кастильской

1224. Амори де Монфор возвращается во Францию и передаст все права на завоеванные его отцом земли Людовику VIII

1225. Собор в Бурже. Отлучение Раймунда VII от церкви. Проповедь нового Крестового похода против Тулузы. Смерть архиепископа Арно Амори

1226. Крестовый поход Людовика VIII против Тулузы; 12 октября — падение Авиньона; 8 ноября — смерть Людовика VIII. Коронация Людовика IX. Начало регентства Бланки Кастильской

1227. Успехи Раймунда VII в деле возвращения фамильного достояния. Королева Бланка поручает Юмберу де Боже покорение Окситании; 13 марта — кончина Гонория III. На папский престол вступает Григорий IX

1229, 12 апреля. Заключение Парижского договора (договора в Мо). Раймунд VII полгода живет пленником в Лувре

1232. Гильберт де Кастр поселяется в Монсегюре, организовав там престол катарской церкви

1233, апрель. Григорий IX своим циркуляром создает инквизицию

1235, 25 апреля. Людовику IX исполняется 21 год. Конец регентства Бланки Кастильской. Раймунд VII делает попытку укрепить власть, изгнав из Тулузы инквизиторов-доминиканцев. Отлучение графа от церкви, лишение его титулов. На Тулузу наложен интердикт. Обещание графа отправиться в Святую землю

1239. Фридрих II объявляет своего вассала Рамона-Беренгера Прованского «всеобщим врагом и преступником» и призывает графа Тулузского отнять у него земли

1240. Мятёж Транкавеля. Бланка Кастильская присылает французам подкрепление. Графы Тулузский и Фуа выступают в качестве посредников. Последнее упоминание о Гильберте де Кастре. Раймунд VII воюет с графом Прованским за графство Форкалькьер

1241, 11 августа. Раймунд VII через посредника вступает в брак с Санчей Прованской; 21 августа — кончина папы Григория IX; ноябрь — папой избран Целестин IV, который умирает через 17 дней. Король Людовик IX посвящает Альфонса в рыцари. Бракосочетание Альфонса и Жанны Тулузской. Мятёж графа Маршского, поддерживаемого Генрихом Английским и Раймундом Тулузским. Война Франции с Англией

1242. Убийство инквизиторов в Авиньоне. Мирный договор между Людовиком IX и графами Тулузским и Фуа

1243. Иннокентий IV избран папой. 15 апреля Раймунд собирает собор в Безье с целью удаления из края инквизиторов. Раймунд вступает в брак с Маргаритой Лузиньян. Начало осады Монсегюра

1244, март. Капитуляция Монсегюра. Сожжено 215 еретиков. Трое Совершенных покидают замок

1245. Переговоры Раймунда VII о женитьбе на Беатрисе Прованской

1246, 31 января. Свадьба Карла Анжуйского и Беатрисы Прованской. Посвящение Карла в рыцари

1249, 6 июня. Взятие крестоносцами Дамистты; 25 августа — Альфонс Пуатье вместе с супругой Жанной Тулузской отправляются на Восток; 27 сентября — смерть Раймунда VII. Принцесса Жанна становится графиней Тулузской

1250, 8 февраля. Гибель Робера Артуа; поражение и плен Людовика IX, Альфонса Пуатье и Шарля Анжуйского

1252, 26/27 ноября. Смерть Бланки Кастильской

1255. Взятие последнего пристанища катаров замка Керрибюс

1261, 25 мая. Смерть папы Александра IV, папой становится француз Урбан IV, в миру Жан Панталеон

1262, 28 мая. Филипп Французский вступает в брак с Изабеллой Арагонской

1265. Папа Климент IV обращается с проповедью нового Крестового похода. Жанна Тулузская завещает свои владения Филиппе де Ломань.

1267, 5 июня — наследный принц Филипп посвящен в рыцари. Людовик IX, Альфонс Пуатье и французская знать принимают крест. Альфонс и Жанна Тулузская отправляются в Святую землю

1270, 3 августа. Смерть в Святой земле Жана Тристана Французского; 25 августа — кончина короля Людовика IX; ноябрь — смерть в Италии Альфонса Пуатье и Жанны Тулузской

1307. Великий пастырь катаров Пьер Отье выслежен, схвачен и сожжен в Тулузе

1321. Гийом Белибаст, последний катар, сожжен в Виль-руже, близ Каркассона

2000. Папа Павел Иоанн II публично приносит миру извинения за действия инквизиции, возникшей в период Альбигойских войн

ЛИТЕРАТУРА

Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959.

Во-де-Серне П., де. Песнь о крестовом походе против альбигойцев // Новая юность. 2000. № 5 (44).

Григулевич И.Р. Инквизиция. 2-е изд., испр. М.: Изд-во политической литературы, 1976.

Иванов А.М. Катары. Тамплиеры. Масоны. М.: Профит-Стайл, 2009.

История литературы Италии. Т. 1. Средние века. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.

Каратини Р. Катары. М.: Эксмо, 2010.

Кокс С., Оксбрау М. Король Артур и Святой Грааль. М.: АСТ, 2011.

Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века. СПб., 1911.

Люшер А. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. СПб.: Евразия, 2003.

Ольденбург З. Костер Монсегюра: история альбигойских крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.

Осокин П.А. История альбигойцев и их времени. Казань, 1869—1872.

Паладилев Д. Симон де Монфор и трагедия катаров. М., 1988.

Попенко М.С. Плащ крестоносца: история рыцаря, не сумевшего стать монахом. Барнаул: Алтапресс, 2010.

Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2004.

Сед де Ж. Тайна катаров. М.: Крон-Пресс, 1998.

Сизова Е. Мария Монпелье — женщина в мире мужчин. Электронная версия.

Тудельский Гийом, неизвестный автор «Песни об альбигойском крестовом походе». Большая электронная библиотека, 1999.

Фавье Р. Капетинги и Франция. СПб.: Евразия, 2001.

Шейет Ф.Л. Эрменгарда Нарбоннская и мир трубадуров. Итака; Лондон: Изд-во Корнуэльского ун-та, 2000.

Ангелов Дм. и др. Богомилство в Българии, Византия и Западна Европа и извори. София, 1967.

Boutiere J., Schutz A.H. Biographies des troubadours. Paris, 1964.

Brenon A. Les Archipels cathares. L'Hydre, 2002.

Brenon A. Le Choix heretique. La Louve, 2006.

Genty R. Les comtes de Toulouse: histoire et traditions. Ferriores, 1987.

Duvernoy J. La religion des cathares и L'Histoire des cathares. Toulouse, Privat (1977, 1978).

Furio A. El reu conquistador. Jaime I: entre historia y la legenda. Bromera, 2007.

Lavelle P. L Occitanis, histoire politique et culturell. Puylaurens Institut d etudes Occitanes, 2004.

Monlezun J. Histoire de la Gascogne. J.A. Portes, 1846—1850.

Ponsoya P. L Islam et le Graal. Paris: Denoel, 1958.

Religion.ng.ru/history/2006—04—05/5_graal.html

Riquer M. de. Los trovadores. Historia literaria y textos. Barcelona, 1975.

Roqueber M. L'Épopée cathare, recd. 2 vol. Perrin: Tempus, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Папство и еретики.....	12
Катары в Окситании	34
Трубадуры.....	57
Страсти вокруг Грааля.....	74
Знать	92
Эсклармонда, Хранительница Грааля	113
Начало альбигойских войн.....	129
Симон де Монфор	154
Король Педро.....	169
Монфор Победоносный.....	181
Новый враг.....	201
Дипломатия Бланки Кастильской	213
Хотели выведать про Грааль	223
Трагедия Монсегюра (или просто — Монсегор).....	234
Последняя из рода Сен-Жиль	253
Заключение	270
Хронологическая таблица	277
Литература	285

Научно-популярное издание

History files

Майорова Елсна Ивановна

ХРАНИТЕЛИ ГРААЛЯ

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вечс»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.08.2013. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1857.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-4444-1234-3

9 785444 412343

Священный Грааль — олицетворение чего-то возвышенного, непостижимого, мистическим образом связанного со страданиями и успением Христа.... Вся атмосфера Прованса пропитана преданиями об этой волшебной реликвии. Святой Грааль — чудесная чаша с Христовой кровью, философский камень, эликсир бессмертия, нечто, овеянное мистическим ореолом легенд — самый известный символ высокого Средневековья. За ним отправлялись на край земли, ради него совершали подвиги, за него отдавали жизнь. Таинственные Хранители Грааля — катары, «чистые», отрекшиеся от мирской тщеты, самоотверженно служили святыне.

Иерархи католической церкви желали овладеть священным предметом, чтобы стать всемогущими. Они организовали кровавый крестовый поход против Грааля. Его верные Хранители невольно оказались вовлеченными в роковой круг, где гибли люди, горели костры, рушились замки, менялись границы государств.

Чем же закончилась битва за Грааль?
Об этом рассказывается в новой книге
Е.И. Майоровой «Хранители Грааля».

HISTORY
FILES

